

КРАТКОЕ ПОСОБИЕ

К ЛЕКЦИЯМ

ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ

РУССКОГО ЯЗЫКА,

читанным на б. Высших Женских Курсах
проф. В. Поржезинским.

I.

ВВЕДЕНИЕ и ФОНЕТИКА.

Новое издание (третье), пересмотренное и дополненное.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москв — 1920

(Р. В. Ц. г. Москва). Печ. 15000 экз.

Вторая Государственная типография, Трехпрудный, 9.

В виду непрекращающегося спроса на настоящее пособие, распроданное во втором издании около года тому назад, решаюсь выпустить его еще раз настоящим (третьим по счету) изданием. В первоначальном виде оно появилось, как литографированный конспект лекций, читанных мною в течение ряда лет на б. Московских Высших Женских Курсах. Для печати текст пересматривался и перерабатывался в связи с ходом научной разработки предмета, а также в зависимости и от того, что самое его преподавание на Курсах расширялось и углублялось.

Сказанным объясняется в достаточной мере как характер изложения, так и отсутствие обильных цитат ученой литературы. Данные из памятников и диалектов лишь в части случаев извлечены непосредственно из первоисточников, обыкновенно же я довольствовался надежными цитатами в существующей литературе предмета. Великорусская диалектология, как более близкая для большинства слушательниц, разработана в курсе более подробно сравнительно с соответственными фактами малорусской и белорусской речи.

Для выпускаемого в свет издания я вновь пересмотрел и отчасти переработал текст пособия, при чем старался принять во внимание все новое, что, по моему мнению, представляет интерес в том или ином отношении.

Москва. Апрель 1919 г.

Предварительные замечания.

Историческая грамматика русского языка имеет своею задачею раскрытие, с возможною для нас полнотою, прошлого русского языка с момента его выделения из состава общеславянского языка вплоть до современной, переживаемой нами эпохи. При этом нельзя упускать из виду того обстоятельства, что научное исследование истории языка имеет дело не только с литературным наречием, но и со всею совокупностью живых говоров, составляющих данный язык. Источником, откуда наука заимствует нужный ей материал, является, во-первых, обширная область письменных памятников, начиная с древнейших доступных нам времен, а, во-вторых, она пользуется показаниями живых, современных исследователю говоров. Данные этого последнего рода комбинируются в свою очередь с показаниями письменности, поскольку в этой последней находили отражение факты живого произношения данного местного говора. Таким образом мы имеем возможность следить за диалектическими явлениями в преемственной связи частью и по письменным памятникам.

Термин историческая грамматика имеет два значения: с одной стороны, под этим названием понимают такую грамматику, которая в отличие от описательной (дескриптивной) грамматики, предназначенной для удовлетворения непосредственной практической потребности, следит за изменениями в составе данного языка по письменным памятникам в их преемственной связи, а с другой стороны, с более широкой точки зрения историческая грамматика есть история соответственной области фактов данного языка с момента его отдельного существования, т.-е. обыкновенно с момента его выделения из состава общего ему с другими родственными языками предка. Само собою разумеется, что

историческая грамматика в первом смысле этого термина является лишь составною частью общей истории языка, такой частью, которая к тому же не допускает механического выделения. Всякое исследование, вращающееся в пределах письменной традиции, неизбежно выходит из этих пределов, неизбежно требует освещения добытых данных широким применением сравнительного метода, иначе это будет лишь черновая подготовительная работа, лишенная признаков законченного научного исследования. Ведь путем комбинации данных современного состояния языка с показаниями его письменности мы только и получаем возможность осветить эти последние, а затем, сопоставляя данные факты с соответственными фактами родственных языков, мы приходим к раскрытию того прошлого, которое лежит и за пределами письменности. Такое исследование вскрывает нам многие факты, иначе оставшиеся бы непонятными, наконец, восполняет пробелы письменной традиции. Само собою разумеется, что, переходя к сопоставлению данного языка с фактами родственных языков для того, чтобы вскрыть их общего предка, мы обыкновенно вступаем, как уже было сказано, в область таких явлений, которые совсем не отразились на письме за глубокой их древностью. Очень редок такой факт, как наличность латинского языка в показаниях письменной традиции, открываемого, с другой стороны, путем сравнительно-исторического исследования его потомков—романских языков. К тому же это последнее дает важные дополнения для самого латинского языка, так как он известен нам вообще в виде литературного языка, при чем о явлениях народных говоров (вульгарная, т.-е. народная латынь) мы знаем лишь очень мало. Историческая грамматика романских языков вскрывает нам как раз эту народную латынь, живые народные говоры, предки современных романских языков.

Самый термин грамматика имеет два значения. Во-первых, под этим словом мы понимаем тот отдел науки о языке, который изучает формы языка (морфология—формы отдельных слов, синтаксис—формы словосочетаний); во-вторых, следуя школьной терминологии, грамматикой называют не только учение о формах языка, но и о его звуках, т.-е. то, что составляет предмет фонетики, как истории звуков языка. Замечу еще, что под словом „этимология“ мы понимаем, согласно с значением этого термина, взятого из греческого языка, исследование происхождения слов

языка, а не фонетику и морфологию вместе в их отличие от синтаксиса, как это принято в школьной практике.

Историческая грамматика языка имеет самостоятельное значение, как особый предмет научного исследования, а кроме того, несомненно, важная роль принадлежит ей, как прикладной науке для историка, изучающего всю совокупность культурной жизни данного народа. Очень многие факты этой последней исчезли, не оставив нам о себе никаких следов, кроме следов в языке. Однако, для того, чтобы правильно пользоваться показаниями этого последнего, нужна предварительная подготовка, предварительная школа, иначе историк рискует оказаться в ложном положении, делая выводы, на которые языковый материал, при более строгом отношении, не дает права, а иногда проходя мимо важных указаний со стороны этого последнего.

Само собою разумеется, что историческая грамматика—необходимый составной элемент и научного образования, и практического применения в известных пределах в средней школе. Нельзя разумно преподавать язык, не будучи знакомым с его историей, не имея правильного взгляда на соотношение его фактов, на связь между живым произношением и письменной его передачей. Не смущаясь трудностями, стоящими на пути сознательного усвоения выводов науки об истории русского языка, всякий, кто проходит высшую филологическую школу, должен итти бодро вперед по указанному пути, помня о том, что он работает не только для себя, но и для блага будущих поколений. Ведь очистить школьное преподавание от загромождающего его сора, накопленного столетиями, не сможет, хотя бы и в скромной доле, тот, кто не владеет научным знанием в достаточном для этого объеме. И в области изучения языка в средней школе должна, наконец, наступить пора, когда окончательно утвердится сознание, что для преподавания этого предмета недостаточно только владеть соответственным языком и обладать сведениями в объеме рутинных грамматик, не удовлетворяющих научным требованиям.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

I. Состав славянской ветви индоевропейской семьи языков.

Русский язык является одним из языков славянской ветви индоевропейской семьи языков.

Славянская ветвь распадается на 3 группы: а) южную, б) восточную (русскую) и в) западную.

Представителями южной группы являются следующие языки: 1) Тот древний славянский язык, на который в IX веке было переведено Священное Писание св. Кириллом и Мефодием. Этот славянский язык мы должны называть старославянским, а не церковнославянским, как это нередко делают. Дело в том, что не надо смешивать старославянский язык в том виде, как он дошел до нас в древнейших текстах, с позднейшим церковным языком, представляющим видоизменение этого древнего языка под влиянием живых славянских языков. Удерживая за этим позднейшим языком название церковнославянского, мы будем называть язык первоучителей старославянским; что касается предлагаемых некоторыми учеными терминов, древнецерковнославянский или староцерковный язык, то они неудобны, так как могут быть легко смешиваемы с термином церковнославянский язык. 2) К южной группе принадлежат языки: болгарский, сербохорватский и словенский или словинский, существующие и в настоящее время. Относительно болгарского языка нужно заметить следующее: после целого ряда колебаний наука в результате пришла к выводу, что старославянский язык принадлежит к болгарской группе говоров, являясь одним из древнеболгарских наречий. В виду этого некоторые ученые называют этот

язык прямо древнеболгарским, но это не вполне точно, так как в современном болгарском языке мы находим целый ряд говоров, являющихся потомками других древнеболгарских говоров сравнительно с теми, которые являются в старославянском языке. Далее, до сих пор еще не найдено в болгарской группе прямого потомка этого языка, и очень может быть, что диалекты, лежащие в его основании, имели особую судьбу, исчезнув тем или другим образом. Памятники старославянского языка дошли до нас в глаголических и кирилловских рукописях. Древнейшим датированным кирилловским текстом (а есть и недатированные, напр., Саввина кн.) является Остромирово Евангелие (1056—1057 гг.), представляющее старославянский текст в рукописи русской редакции. Древнейшие глаголические тексты, дошедшие до нас (Зографское и Мариинское Ев.), относятся, может быть, к концу X века, но не позже XI в. Недавно открыта надпись царя Самуила 993 года. Древнейшие памятники собственно болгарского и сербского языков относятся к XII в., а наиболее старым памятником словенского языка являются фрейзингенские отрывки X—XI вв.

Восточная, русская отрасль представлена русским языком в трех больших группах: великорусской, в ее двух основных наречиях: северном (окающем) и южном (акающем), белорусской и малорусской.

Древнейшими памятниками русского языка являются славянские тексты русской редакции XI в. и коротенькие надписи на монетах, а также коротенькая надпись на Тмутараканском камне 1068 г. (найден около Керчи); к XII в. относятся две грамоты, от XIII в. дошло их около полутора десятка, а от XIV в.— около 100.

Западную группу составляют языки: чешский и близкий к нему язык словацкий, польский и близкий к нему кашубский, два лужицких языка—верхний и нижний, наконец, не существующий теперь язык полабский, язык полабских славян. Этот язык окончательно вымер, повидимому, в XVIII столетии, хотя, может быть, даже в начале XIX века отдельные лица еще помнили кое-что из языка своих предков. Памятниками его служат словари и некоторые записи, сделанные в XVII и XVIII веках. Существовал он в Ганновере, за Эльбой (по-славянски Эльба—Лаба). О говорах значительной части поморских славян мы почти ничего не знаем (немногие следы в иноязычных актах и топо-

графической номенклатуре). Повидимому, они ближайшим образом примыкают к польскому языку, составляя одну большую группу польско-кашубско-поморско-полабскую. Кашубские говоры являются как бы соединительным звеном между собственно польскими и поморскими говорами.

Древнейший памятник чешского языка относится к XIII веку; древнейший памятник польского языка относится к XIV веку, а до этого времени как чешский язык, так и польский известны по отдельным словам и собственным именам.

Для нижнелужицкого языка древнейшим памятником является перевод Нового Завета Якубицы, который, не изданный, хранится в Берлине, в Королевской библиотеке, в рукописи XVI века; к концу XVI века относится древнейший памятник верхнелужицкого языка—катихизис Вореха.

Кроме языков славянской ветви к индоевропейской семье языков принадлежат:

1) Балтийская ветвь (языки литовский, латышский и вымерший уже прусский язык), ближайшим образом родственная с славянскою ветвью, так что было некогда время, когда по отделении от прочих сородичей языки праславянский и прибалтийский составляли одно целое, язык балтийско-славянский (или литовско-славянский). 2) Германская ветвь. 3) Кельтская ветвь. 4) Италийская ветвь. 5) Греческая ветвь. 6) Албанская ветвь. 7) Армянская ветвь. 8) Иранская ветвь. 9) Индийская ветвь. Иранская и индийская ветви находятся между собой в ближайшем родстве. Подробности об этих ветвях, а также о некоторых остальных давно исчезнувших индоевропейских языках см. в моем „Введении в языковедение", глава III.

Все отдельные ветви индоевропейской семьи языков произошли от одного общего праязыка, так называемого общего индоевропейского праязыка, который перестал существовать, распавшись на ряд потомков.

Этот индоевропейский праязык восстановляет наука путем сравнительно-исторического изучения его потомков.

Точно также путем сравнительно-исторического изучения славянских языков мы открываем общеславянский праязык. Сопоставляя его с общебалтийским праязыком, восстанавливаемым исследованием отдельных языков балтийской ветви, мы определяем факты балтийско-славянского языка эпохи его распадения.

С другой стороны, сравнительно-историческим изучением всех индоевропейских языков нами открывается тот общий фонд, который лежит в основании дальнейшего развития отдельных ветвей, другими словами—индоевропейский праязык, уже не существующий, переставший существовать с распадением на отдельные свои ветви.

Итак, эпоха балтийско-славянская получает освещение с двух сторон: 1) мы знаем исходный пункт балтийско-славянского праязыка, язык общеиндоевропейский, 2) мы знаем конечный фазис его существования, непосредственно предшествовавший его распадению на общебалтийский и общеславянский праязыки.

Аналогичным образом мы подходим с двух пунктов и к эпохе общеславянской.

Далее, эпоха общерусская, предшествовавшая распадению восточной ветви славянских языков на отдельные единицы, открывается нами: 1) сравнительным изучением всех славянских языков и 2) сравнительным изучением всего состава восточнославянской группы.

Ни одна из упомянутых выше эпох не засвидетельствована непосредственно письменными памятниками и воскрешается нами на основании данных сравнительно-исторического изучения.

Необходимо при этом не упускать из виду того обстоятельства, что несмотря на большие успехи, достигнутые научным языкознанием, мы далеко не всегда имеем возможность вполне точно разграничить все отмеченные выше эпохи по отношению ко всем отдельным явлениям истории данных языков. Далее, мы знаем в общем, каким образом происходит процесс распадения языка на отдельные наречия, и каким образом отдельные наречия превращаются в языки. Однако, в применении к отдельным конкретным случаям мы далеко не всегда можем определить и самый ход этого процесса и всю совокупность причин, действовавших при этом.

Отсылая за подробностями к общему курсу языковедения, я замечу, что превращение отдельных наречий в самостоятельные языки находится в тесной связи с ослаблением или полным прекращением непосредственных связей между соответственными частями данного народа, а само распадение языка на наречия находится в свою очередь в зависимости от распадения, дробления самого общества, которому принадлежит данный язык, на те или другие части.

Наконец, я должен вспомнить еще и о том важном обстоятельстве, что от родства языков нельзя заключать непосредственно о родстве данных народов, которым принадлежат эти языки. Ведь язык может передаваться (и действительно передавался и передается на наших глазах) от одного народа другому на ряду с прочими фактами духовной и материальной культуры.

Таким образом мы видим, насколько трудны и сложны проблемы, касающиеся самого процесса распадения не только общего индоевропейского праязыка, но и языка общеславянского и далее общерусского языка.

Последним доступным нашему взору пунктом, в котором славяне по отделении от прочих сородичей, как бы оно ни произошло, жили еще совместной жизнью, были места к востоку от склонов Карпат у верхней Вислы; некоторые ученые помещают эту прародину дальше к востоку и северо-востоку (Шахматов—в бассейне нижних течений Немана и Западной Двины; отсюда они уже двинулись к Висле). Движение восточной их отрасли привело к тому, что в IX—X вв. в бассейнах Днепра, Днестра, Западной Двины, Западного Буга, озера Ильменя и верхнего течения Оки мы находим ряд племен, перечисленных начальною летописью.

Прежде всего перед нами возникает вопрос, в каком соотношении находятся эти древние восточно-славянские племена с современными нам великоруссами, белоруссами и малоруссами, а также, в какой генетической связи стоят наречия древнерусских племен с известными нам великорусскими, белорусскими и малорусскими наречиями.

Во избежание недоразумений замечу еще, что термин русский имеет два значения: в более широком значении этот термин является синонимом термина „восточнославянский", в более узком—он равнозначащ с термином „великорусский". Литературный язык, являющийся общим литературным языком для великоруссов, частью белоруссов и малороссов, называется с полным правом просто русским литературным языком (см. ниже отд. 3 настоящей главы).

В дальнейшем изложении мы будем применять термин „русский" без оговорок только в его первом значении, а имея в виду явления народного великорусского языка, мы будем всегда это оговаривать.

2. Древнерусские наречия и современные нам наречия великорусские, белорусские и малорусские.

Итак, восточная ветвь славянской семьи языков, выделившись из этой последней, существовала в IX—X вв. в указанных мною выше пределах в западной части восточноевропейской равнины.

В это время восточные славяне распадались на ряд племенных групп, названия которых сохранила нам первоначальная летопись, и в связи с этим язык распадался на ряд диалектов, распределявшихся на три большие группы: северную, среднюю и южную. Указания на древнейшее диалектическое деление русского языка мы почерпаем из данных древнейших памятников, отразивших диалектические черты, в связи с показаниями современных нам говоров.

На протяжении ряда веков, отделяющих описываемую эпоху от современной нам действительности, произошли, понятно, крупные подчас передвижения в составе русского народа, отразившиеся и на судьбе его языка.

Так, вместо ряда племен, которые застает история в IX—X вв., мы в настоящее время находим три крупные народности: великорусскую с языком великорусским в двух главных разновидностях (северной и южной), малорусскую и белорусскую с их языками, распадающимися на ряд диалектов.

Возникает, следовательно, вопрос, каков генезис этих народностей и языков, каково их отношение к древнерусским племенам и наречиям начальной эпохи русской истории.

Ответ нам должна дать история народа и история его языка [1]).

Великорусский язык распадается на две большие группы говоров: северновеликорусскую (окающую) и южновеликорусскую (акающую), между которыми лежит группа говоров переходных.

Великорусский язык в его целом отмечается следующими звуковыми чертами: 1) старые звуки ъ и ь перед старым j (i) являются в виде о и е в отличие от малорусского и белорус-

---

[1]) При определении границ говоров многие пункты приходится пока, по недостатку точных данных, намечать лишь приблизительно. Кроме того нужно иметь в виду, что в дальнейшем не приняты во внимание иноязычное население русской этнографической территории, а также смешанный состав жителей многих городов и местечек. Административное деление указывается то, какое было до войны в виду шаткости позднейших данных.

ского (см. отд. 9 фонетики): злой, мою, до́брой (северновеликор.) им. ед.—третёй (сам-третёй), пей, соловей и т. п.; 2) гласные о и е в закрытых слогах вообще (за исключением некоторых диалектов, см. отд. 14 фонетики) совпали с теми же гласными в слогах открытыя, ср. нос—носа, нёс—несла, семь—семеро и т. д., тогда как в малорусском, частью и в белорусском, о и е в закрытых слогах дали дифтонги, частью с дальнейшим их стяжением (см. ниже́ особенности малорусские и белорусские); 3) сочетания согласных с j сохранились (см отд. 12, II фонетики): судья, платье, веселье, ср. малорусские и белорусские „двойные" (точнее долгие) согласныя в суддя и т. п. Остальные звуковые признаки не столь характерны, так как отличают великорусскую речь от малорусской и белорусской только частью; ср. обычную в великорусском мягкость согласных кроме шипящих и ц перед мягкими гласными и о из е и ь и отвердение этих согласных в малорусском в указанных в фонетике пределах перед е и и; ср. далее взрывное г, характерное для говоров северновеликорусских и переходных к южновеликорусскому и др.

Северновеликорусское наречие в его разновидностях существует в областях, занятых древними новгородскими славянами, кривичами, или ими колонизованных с некоторыми, впрочем, уступками в пользу соседних говоров.

Всецело или в значительной части принадлежат сюда губернии Европейской России: Новгородская, Петроградская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Костромская, Ярославская, Владимирская, Нижегородская, Вятская, Пермская и губернии восточного Заволжья и Приуралья; поскольку, понятно, мы не имеем в виду иноплеменных групп, сохранившихся в известных частях указанной обширной территории, и поскольку мы отвлекаемся от образованных классов, говорящих на литературном языке, о составе и происхождении которого я скажу в свое время. Северновеликорусскую речь находим также в частях Симбирской, Пензенской, Саратовской и Астраханской губерний; сюда же принадлежат: северовосточная половина Тверской и северовосточный угол Московской губернии, наконец, самый северный край Егорьевского уезда Рязанской губернии.

Однако, в части указанных губерний (и в прилегающих местностях) существуют в настоящее время говоры уже смешанные, в своей основе северновеликорусские, но испытавшие

влияние южных соседних говоров. Граница, отделяющая чистую северновеликорусскую речь от этих смешанных говоров, пока не определена с достаточною точностью на всем ее протяжении. В общем она может быть указана следующим образом: в Петроградской губернии эта граница идет по южным частям Гдовского и Лужского уездов; переходя в Псковскую губернию, она отделяет северную часть Порховского уезда (северновеликорусскую; западная часть северной половины этого уезда занята переходными говорами между северновеликорусским и белорусским) и в Новгородской губернии идет по Старорусскому, Демянскому и Валдайскому уездам; в Тверской губернии граница идет по Вышневолоцкому уезду (к северновеликорусской области принадлежит его меньшая северовосточная часть), далее направляется на юго-восток к Твери и пересекает Клинский уезд Московской губернии, делящийся приблизительно пополам: по северной части Московского уезда она идет в Богородский и Бронницкий уезды, а затем входит в Егорьевский уезд Рязанской губернии, где к северновеликорусской области принадлежит только самый северный край; в Владимирской губ. она идет по крайнему югу Судогодского и Меленковского уездов, где пересекает Оку и идет далее по Ардатовскому, Арзамасскому (в этих уездах лишь незначительные части на юго-востоке первого и на юге второго заняты переходными говорами к южновеликорусскому) и Сергачскому уездам (только самый северный край северновеликорусский), Нижегородской губ.; в Симбирской губ. идет по Курмышскому и Алатырскому уездам с небольшими уклонениями к востоку от линии р. Суры, далее она спускается на юг, идя в область р. Суры (вверх по течению), при чем переходные говоры вклиниваются на правом берегу р. Суры в область северновеликорусской речи в Корсунском уезде, захватывая бо́льшую его часть; далее в Городищенском уезде Пензенской губ. эта полоса переходных к южновеликорусскому говоров на правом берегу Суры значительно уже; в Саратовской губ. граница идет почти прямо на юг по Кузнецкому, Петровскому, Саратовскому и Камышинскому уездам к г. Камышину; к северновеликорусским принадлежат и говоры севера Астраханской губ., хотя в бо́льшей ее части население смешанное. Говоры уральских казаков окающие.

Смешанные (переходные) говоры проходят более или менее широкою полосою между северновеликорусским наречием

на севере и чистыми белорусскими и южновеликорусскими говорами на юге; белорусские говоры заходят между прочим в Псковскую и Тверскую губернии, захватывая южную полосу первой и юго-запад второй (см. ниже). Граница между смешанными и южновеликорусскими говорами (значит, дальше на восток от только что указанных пределов) идет по приблизительно северо-восточной границе Гжатского уезда Смоленской губернии, далее по юго-западной части Волоколамского уезда Московской губернии, по крайнему юго-западу Можайского уезда, далее приблизительно по границе Московской и Калужской губерний и, переходя в Московскую губернию, идет (южнее г. Подольска) по Подольскому, Серпуховскому и Коломенскому уездам (до этого она отсекает северную часть Боровского уезда Калужской губернии, вдающуюся клином в Московскую губернию); р. Ока до впадения р. Москвы лежит целиком в южновеликорусской области, но начиная от этого пункта граница идет приблизительно по ее течению до г. Спасска Рязанской губернии, ниже которого она ее пересекает, направляясь по Шацкому и Спасскому уездам Тамбовской губернии; далее она поворачивает на юго-восток и в пределах Пензенской губернии пересекает Керенский и Чембарский уезды; продолжая свое юго-восточное направление, входит в Сердобский и Аткарский уезды Саратовской губернии; спускаясь дальше на юг, она идет от г. Аткарска приблизительно по течению р. Медведицы до южных границ Аткарского и Саратовского уездов; пересекает р. Медведицу, идет на юго-восток к р. Волге, при чем южные части Камышинского и почти весь Царицынский уезд относятся, повидимому, к южновеликорусской области; далее на запад от Калмыцкой степи (в Области войска Донского и в западной части Черноярского уезда) говоры южновеликорусские, а на восток переходные.

Что касается Западной Сибири и Заволжья, то население здесь неоднородно вследствие разновременности и разноместности исходных пунктов колонизационнаго движения. Так, в Самарской губернии, под влиянием помещичьей колонизации XVIII—XIX вв. из южновеликорусских областей, образовался большой южновеликорусский остров (в Самарском, Бугурусланском и Бузулукском уездах). Главная же масса населения в указанных областях (т.-е. в Западной Сибири и Заволжьи) северновеликорусская.

Указанные две границы определяются (с довольно грубым приближением) следующими линиями, которые проведем на

географической карте: границу между северновеликорусскими и смешанными говорами получим, проведя линию от южной части Чудского озера севернее Пскова к г. Вышнему Волочку Тверской губернии, оставляя его на юге и делая в Новгородской губернии выгиб к югу; затем поворачиваем на юго-восток к Твери и дальше в том же направлении несколько к северу от Москвы, откуда направимся к реке Суре в северной части Симбирской губернии; зайдя на восток от р. Суры в Симбирской губ., несколько севернее места соприкосновения границ Пензенской, Симбирской и Саратовской губ., мы повернем на запад и, пересекая р. Суру, пойдем на юг, оставляя на запад г. Пензу, в Саратовскую губернию. Граница между смешанными и южновеликорусскими говорами (кроме смешанных говоров нижней Волги) получается, если провести линию от р. Медведицы (взяв пункт несколько южнее лежащего дальше к востоку г. Саратова) на северо-запад к нижнему течению р. Цны в Тамбовской губернии, далее с небольшим подъемом к западу к р. Оке, по ее течению до впадения р. Москвы, затем к востоку почти прямо, отрезая север Боровского уезда Калужской губернии к границе Московской и Смоленской губернии, от которой отрежем северо-восточную часть Гжатского уезда.

Смешанные говоры по их положению можем называть *средневеликорусскими*.

Таким образом южновеликорусское наречие в более чистом виде слышится в губерниях: Смоленской (в верхней восточной части, в с.-в. полосе Сычевского уезда (узкой) и почти во всем Гжатском уезде), в Калужской (в Медынском и Калужском уездах, далее на в. от р. Оки), в южной части Московской, прилегающей к р. Оке, в бо́льшей (к югу от Оки) части Рязанской губернии (кроме того угла, который лежит к востоку от р. Оки, поднимающейся круто к северу), в бо́льшей части Тамбовской губернии, в юго-западных частях Пензенской и Саратовской губерний, в северной части Воронежской, в бо́льшей части Курской (в западной части живут малороссы) и почти всей Орловской губернии (кроме частей ее за р. Десной, где живут частью белоруссы), в части Черниговской, к в. от р. Десны, примыкающей к Орловской губернии; далее сюда принадлежат губернии Тульская, Ставропольская, русская часть Терской области, север Кубанской области, Область войска Донского (кроме крайнего юго-запада) и указанные выше места Астрахан-

ской и Самарской губерний. Есть южновеликоруссы и в Новороссии, где состав населения довольно смешанный. Большая часть Калужской губернии, а также прилегающие восточные части Смоленской губернии и места за р. Десной в Трубчевском и Брянском уезда Орловской губ. заняты смешанными, переходными к белорусскому говорами. Эти говоры заходят и в северную часть Орловской губ., прилегающую к Козельскому и Жиздринскому уездам, а также в Мглинский уезд Черниговской губернии.

Главные звуковые отличия северновеликорусской и южновеликорусской речи следующие (подробности и более мелкие и диалектические черты см. в соответственных отделах фонетики) 1) северновеликорусские говоры *окают,* южновеликорусские *акают,* т.-е. южновеликорусское произношение не знает о в слоге перед ударением, имея здесь а так же, как и в начале слова, если это начало речи или отдела речи, ср. в*а*дá, северновеликор. в*о*дá, *а*кнó, северновеликор. *о*кнó, и т. д.; гласные, обозначаемые буквами е (ѣ), я (после мягких шипящих а), совпали в одном звуке, которым в слоге перед ударением является и (частью закрытое е) или а (с предшествующею мягкою согласною) с различиями по говорам и фонетическим условиям, ср. с*и*стра́, с*я*стра́, при северновеликор. с*е*стра́; в*и*ла́, в*я*ла́ при северновеликор. в*е*ла́ и т. д.; о редуцированных гласных в слогах без ударения см. в отделе, посвященном аканию; 2) о из е в северновеликорусском в отличие от южновеликорусского является и в слоге без ударения (фонетически перед следующим твердым звуком) с известными различиями по говорам: сёстра, озёро и т. д. (о из е в орфографии передается обыкновенно буквою е (раньше писали ё; теперь этот знак вводится, но не в качестве обязательного), частью буквою о; 3) звук, обозначенный буквою г, в северновеликорусском есть вообще взрывный задненебный, тогда как в южновеликорусском это соответственная фрикативная согласная [1]); 4) окончание — т (писалось — тъ), в 3-м лице глаголов в северновеликорусском твердое, в южновеликорусском, поскольку сохраняется, мягкое (хóдить, идуть) [2]).

---

[1]) Северновеликорусское диалектическое фрикативное г в род. ед. на -го имеет особое происхождение; см. пункт V отд. 12 фонетики, там же о фрикативном г олонецких говоров.

[2]) О северновеликорусском цоканин и его распространении см. соответственный отдел фонетики.

Переходные говоры, соседние с южновеликорусскими, представляют аканье в различной степени, и надо вообще заметить, что эта черта постепенно подвигается на север, вытесняя северное оканье. Общей чертой является **а** из **о** перед ударением. В одних из них (в Богородском, Бронницком и Егорьевском уездах) мы находим в слоге перед ударением на месте орфографических **е** (**ѣ**), **я** (**а** после мягких согласных) **е** не очень закрытое; в других (напр., в Москве) **е** очень закрытое или прямо **и**; в третьих перед слогом с **а** мы находим **а**, иначе **и** (напр., в ю.-з. углу Тверской губернии, в с.-з. части Московской губернии): в*ял*и́т, но в*ил*и́т; в четвертых (напр., на юго-западе Московской губернии) **а** является перед твердыми, а **е** — **и** перед мягкими согласными (б*я*да́, но б*и*дѣ́); в пятых, наконец (напр., в части Касимовского и Спасского уездов Рязанской губернии), мы находим сильное „аканье", т.-е. **а** является и перед мягкими согласными (б*я*дѣ́); часто **а** является и в прочих слогах без ударения, при редуцированных гласных (напр., в а д а — в о́ з а, б я р я г и́ и т. п.). Московский говор, на котором основан русский литературный язык, имеет „умеренное аканье", т.-е. **о** перед ударением произносится как **а** (в*а*да́), но орфографические **е** (**ѣ**), **я** (и **а** после мягкой согласной) в том же положении звучат вообще как **и** (у лиц старшего поколения слышится и **е** закрытое): с*и*стра́, п*и*ти́ (пяти́) и т. п.; **г** здесь, как и в других переходных говорах, кроме некоторых в Касимовском уезде, взрывное;—**т** в 3-м лице глаголов твердое (как и в тех переходных говорах, которые лежат к северу от линии, проходящей приблизительно через Волоколамск, Москву, Егорьевск). Есть, однако, и такие переходные говоры, в которых старое **ѣ** отличается от **е** в слоге перед ударением, так как только на месте старого **ѣ** находим **и** (в Ардатовском уезде Нижегородской губернии: р*и*ка́, но **несу̀**). В других говорах **е** и **ѣ** в слоге перед ударением не перешли в **а**, тогда как старое **а** после мягкой согласной сохраняется в таком положении: **пяти́, веля́т.**

Переходные говоры Псковской губернии и также Осташковского и Ржевского уездов Тверской губернии, возникшие под белорусским влиянием, имеют **г** взрывное;—**т** в 3-м лице имеют мягкое или оно вообще отсутствует; далее находим обычно, за некоторыми исключениями, сильное аканье (в*а*да́, с*я*стра́, н*я*си́ и т. п.).

И вне полосы переходных говоров мы найдем следы влия-

ния южновеликорусского произношения на северное; см. отдел об аканьи. Далее следует иметь в виду острова южновеликорусского и средневеликорусского происхождения на северновеликорусской территории, особенно в Поволжьи, что объясняется смешанным характером населения, благодаря позднейшим передвижениям, переселениям и т. д. Обратно на южновеликорусской территории есть северновеликорусские острова (напр., окающие говоры в Бобровском уезде Воронежской губернии). Попадаются и деревни, заселенные выходцами из полосы средних (переходных) говоров, напр., в части Богородицкого уезда Тульской губернии, где находим переселенцев из Московской губернии.

Из предложенного очерка видно, какую сложную картину представляют великорусские говоры по отношению к тому прошлому, которое лежит в основании современного их распределения. Сопоставляя данные истории с фактами лингвистического характера, исследователь русского языка должен стремиться к тому, чтобы привести в связь историю языка с историей самого народа и, по возможности, в полном виде раскрыть сложный процесс претворения древнерусских племен в современные крупные единицы, а также определить те пути, по каким шла постепенная колонизация русским населением огромных пространств современной Европейской и Азиатской России. Приступ к этой работе уже сделан [1], и кое-что уже выяснено с достаточною определенностью; ср. то, что мы знаем о населении Самарской губернии (см. выше); далее, напр., мы безошибочно можем сказать, что диалектологическое изучение Рязанского края указало нам на два колонизационных потока, двигавшихся в эту землю: один шел с севера, другой направлялся из более старых поселений вятичей (давших современных южновеликоруссов); в результате поступательного движения южновеликорусских особенностей (прежде всего аканья) на севере Рязанской губернии (в заокской ее части, а на востоке и на правом берегу р. Оки) образовалась полоса смешанных говоров. В общем, однако, исследование еще

---

[1]) Помимо указанных ниже в отд. 5 трудов, обращу внимание на очень интересную работу Д. К. Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации», СПБ., 1903; при чтении необходимо иметь в виду рецензию А. А. Шахматова в 3-й кн. XX т. «Известий Отд. русск. яз. и слов.» О чухломском аканьи см. статью Н. Н. Виноградова в кн. 2-й XXII т. тех же „Известий".

не закончено, и по целому ряду важных вопросов существуют далеко расходящиеся мнения. Напр., ср. вопрос о более древнем месте поселения вятичей, которые, повидимому, некогда жили дальше на юг сравнительно с областью верхней Оки, где мы их видим впоследствии. По мнению А. А. Шахматова, сделавшего очень много для исторической диалектологии русского языка, вятичи жили некогда в области р. Дона, где во второй половине X в. их застает Святослав в своем походе на хозар; составитель „Повести временных лет“ помещает их уже на Оке.

Белорусский язык существует в настоящее время в области, ограниченной следующими приблизительными линиями. На западе белоруссы отделяются от латышей и литовцев чертою, проходящею от г. Люцына (несколько севернее этого города) Витебской губернии на юго-запад к г. Свенцянам Виленской губернии, пересекая р. Двину несколько ниже г. Двинска и прихватывая восточный угол Иллукстского уезда Курляндской губернии и восточную часть Новоалександровского уезда Ковенской губернии; далее граница идет на запад к р. Вилии и круто поворачивает на юг левее г. Трок к границе Виленского и Лидского уездов Виленской губ.; отсюда она входит в Ошмянский уезд и вновь круто поворачивает на запад, идя почти прямо к р. Неману, и далее, входя в Августовский уезд Сувалкской губернии, отделяет белоруссов уже от поляков; отсюда она направляется прямо на юг к р. Нареву и, загибая на восток, идет по его течению; здесь уже начинается область малорусского языка, при чем между чистыми белорусскими и чистыми малорусскими говорами лежат говоры смешанные. Приблизительная граница между белоруссами и малороссами идет по Бельскому уезду Гродненской губ. по р. Нареву, проходит по Пружанскому уезду к р. Шаре и идет далее к р. Припяти почти по границе Слуцкого и Пинского уездов Минской губ. (несколько юго-западнее этой последней границы). Затем границею служит р. Припять от устья р. Цны до ее впадения в р. Днепр, при чем только в юго-западной части Речицкого уезда белоруссы зашли за Припять. Далее граница идет по р. Днепру вверх до г. Любеча и поворачивает на восток к р. Десне, где подходит к южновеликорусской области. К северу линия, отделяющая белоруссов от южновеликоруссов, идет по Калужской и Смоленской губерниям, заходя в Жиздринский уезд первой из них и прирезая ранее к белорусской области западную часть Трубчевского и Брянского уездов Орловской

губернии. В Смоленской губернии к востоку от линии город Сычевка—истоки р. Болвы (уже в пределах Калужской губ.); до указанных выше границ чистых южновеликорусских говоров существуют говоры переходные между этими последними и белорусским; в Калужской губернии переходные говоры лежат к западу от р. Оки, начиная от впадения в нее р. Угры, и приблизительно до пункта, где несколько западнее р. Оки сходятся границы Калужской, Тульской и Орловской губерний. Следовательно, эти переходные говоры известны на востоке Смоленской губ., в западной половине Калужской, заходят в Брянский и Трубчевский уезды, Орловский и Мглинский уезд Черниговской губернии. Пересекая р. Угру, граница направляется к северу в Тверскую губернию, где идет на запад по южным частям Ржевского и Осташковского уездов (на востоке она входит несколько и в Зубцовский уезд). Наконец, она продолжается в Псковской губернии по южной ее части.

Основные отличия белорусского языка следующие (подробности и более мелкие черты см. ниже в соответственных главах фонетики): 1) дзеканье, т.-е. произношение **ц** и **дз** мягких вместо **т** и **д** мягких: цяпло (=тепло), адзёжа (=одежа) и т. п.; 2) отвердение шипящих, **ц** и старого **р** мягкого (бура, рад=буря, ряд) в говорах юго-западной (бо́льшей) части белорусской области, но к востоку от линии, идущей от г. Люцына к г. Витебску и от этого последнего к г. Новозыбкову, мы находим (при **р** твердом) и **р** мягкое, как и в соседних великорусских говорах; 3) аканье, чем белорусский язык сближается с южновеликорусским (на юго-западе и северо-востоке аканье неполное); 4) **ё** (т.-е. **о** с предшествующей мягкостью) из **е** перед твердым согласным звуком, как и в южновеликорусском (в юго-западных говорах с неполным аканьем **ё** является и в слоге без ударения, напр., заборэ= забере(т)); 5) фрикативное (обыкновенно уже гортанное, не задненебное) **г**, как в южновеликорусском и малорусском; 6) дифтонги (как и в северномалорусских говорах на юге белорусской области, соприкасающейся с северномалорусскими говорами) на месте **ѣ**, а также **е** и **о** в закрытых слогах, т.-е. слогах, за которыми следовали исчезнувшие иррациональные гласные, где в украинских говорах **і** (т.-е. **и**, смягчающее предшествующую согласную), ср. вуол, мюод (=вол, мед) міеч (=меч), міесяц (=месяц с старым **ѣ**) и т. п.; дифтонги отмечены и в центре Белоруссии (в Виленской губернии); 7) долгие (неточно говорят „двойные“) согласные

мягкие, за исключением отвердевших шипящих, из согласной плюс j, как и в малорусском (ср. наллю=налью, вясе́лля=веселье и т. п.): о судьбе р в этом положении см. в фонетике; 8) ы, и, как в малорусском, при великорусских о, е, из ы и и в таких случаях, как мыю=мою, пі(й)=пей, злы(й)=злой (в северо-восточных говорах злэй) и т. п. под ударением в им. ед. муж. р. и в р. мн. муж. и женск. р. чаще—ей, чем ый,—ий, ср. соловей, людей, костей.

Важно заметить, что северо-восточные говоры Белоруссии, отделяемые приблизительно линией, идущей от г. Люцына к г. Себежу и далее несколько южнее городов Невеля, Поречья и Духовщины, имеют цоканье, т.-е. ц вм. ч, черту, характерную для старых кривичских говоров.

До сих пор еще не разрешен окончательно вопрос о том пути, каким шло образование белорусского языка. Прежде всего не выяснено еще вполне, как нужно смотреть на летописное предание о приходе радимичей, сидевших между Днепром и Сожем, с запада: „Радимичи бо и вятичи отъ ляховъ. Бяста бо два брата въ лясѣхъ, Радимъ, а другий Вятъко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжѣ, и прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи“. Радимичи „быша отъ рода ляховъ“ (цитирую по Шахматову—„Введение в курс истории русского языка“). Может быть, по Шахматову это по происхождению восточная отрасль польского племени, переселившаяся в места, лежащие дальше на востоке. Этим объяснялось бы белорусское дзеканье, как черта, принесенная с прежней родины. Конечно, для времени до XI в., когда совершилось это переселение, нельзя говорить еще о вполне развившемся дзеканье в польском языке, а можно думать, что только особенность в произношении мягких t и d, приведшая к их переходу в слитные согласные, могла быть принесена с запада; в дальнейшем дзеканье развилось самостоятельно и у поляков, и у белоруссов, чем и объяснялось бы различие в произношении мягких c и dz в одной и в другой области. Заметим, однако, что дзеканье такого рода—фонетическое явление, которое легко может развиться и независимо в одном наречии (или группе наречий) от другого (или другой группы наречий). См. ниже в фонетике. Шахматов допускает ляшское происхождение также и дреговичей. Предание о таком же происхождении вятичей создалось, когда эти последние поселились на Оке среди восточных ляшских племен, а до того сидели они, по Шахматову, на Дону. См. далее стр. 145 сл.

Северные особенности на севере и признаки южнорусские на юге белорусской территории могли бы найти себе объяснение в том, что это—говоры, так сказать, обелоруссившиеся. Но что же такое, наконец, сами белоруссы? Новейшая теория ак. А. А. Шахматова, изложенная им в цельном виде впервые в курсе лекций по истории русского языка в Петроградском университете, отвечает на этот вопрос так: севернорусские племена (кривичи) и ляшские выходцы[1]) подверглись сильному воздействию южнорусских племен, которые передали им ряд своих особенностей, но затем наступило поступательное движение средперуссов, которые спаяли в одно целое пестрый конгломерат, передав ему свои особенности. Главная черта этого происхождения—это аканье. Раньше ак. А. А. Шахматов считал дреговичей и радимичей западною отраслью среднерусских племен. В настоящее время он склоняется в пользу признания радимичей и дреговичей выходцами из Польши, которых ассимитировало себе южнорусское племя сидевших далее к югу по Припяти древлян. Среднерусские племена в новом понимании их состава получают у него название восточноруссов. Мы сохраняем прежнее название, понимая под ним, однако, только предков южновеликоруссов.

В заключение следует отметить, что белоруссы сильно потеснили на запад своих соседей литовцев, заняв значительную часть их территории.

Малорусский язык—потомок говоров южнорусских племен, к которым принадлежали поляне, северяне (?), древляне, дулебы, волыняне, тиверцы, уличи. Ряд передвижений и смешений этих племен дал в результате наблюдаемую нами картину распределения малорусских говоров. Процесс их образования во многом для нас неясен. Надо заметить, что особо важное значение получила проблема об исконном населении старой Киевской земли вследствие той страстности, которую влагали некоторые ученые и писатели в спор о том, было ли это население искони южнорусским, или южнорусские элементы появились здесь на смену населения, отхлынувшего в связи с татарским погромом на северо-восток и принадлежавшего искони к тем элементам, которые

[1]) А. А. Шахматов видит следы польского влияния, исходившего от двинувшихся на восток ляшских элементов, и в некоторых звуковых чертах целого ряда великорусских говоров, принимая таким образом, что поляки сидели некогда на восток гораздо дальше теперешних границ. Об этом подробнее см. ниже в фонетике в отделе 14.

впоследствии сложились в великорусскую народность. Первая точка зрения была определенно выдвинута Максимовичем, вторая—Погодиным и называется поэтому погодинской гипотезой. К ней примыкает и ак. А. И. Соболевский. Однако, большинство исследователей русского языка не разделяет этой точки зрения и, опираясь на соображения исторического и лингвистического характера, держится мнения, что исконное население Киевской земли было южнорусское. Во-первых, мы не имеем сколько-нибудь определенных указаний на полное опустение Киевской области после татарского погрома, вызвавшее смену населения, и, во-вторых, наши непосредственные источники по древнекиевскому говору (вообще немногочисленные) не дают права относить этот говор к восточнорусским (в „Изборниках Святослава" 1073 г. и 1076 г. мы, с другой стороны, не имеем права ждать черт южнорусской фонетики XII в., см. ниже).

Область распространения малорусского языка в пределах России определяется южными границами белорусской речи (к югу сидят малороссы; между малорусскими и белорусскими говорами тянется более или менее узкая полоса говоров переходных с дзеканием и аканьем), а далее южными и западными границами южновеликорусской области; на Кавказе мы находим малорусское население по р. Кубани, а в Новороссии с ее смешанным составом населения, как уже было замечено, есть и южновеликорусские селения (не только в городах). Само собою разумеется, что нужно исключить и нерусских по происхождению колонистов этого края. На западе граница идет по р. Днестру (на запад от этой реки—румынское население Бессарабии, среди которого есть, однако, и малороссы); около г. Хотина граница пересекает р. Днестр и идет в пределы Австро-Венгрии. Здесь малорусское население мы находим в Буковине, где малороссы соседят с румынами (г. Черновцы еще в малорусской части), в Венгрии, где малороссами населены южные склоны Карпат, наконец, в Галиции малороссы сидят в восточной ее половине (большей) частью на ряду с польским населением, а в городах по преимуществу и с значительной примесью евреев, при чем города Перемышль и Санок (Сянок) лежат в малорусской области, а около г. Ярослава р. Сан (Сян) составляет приблизительную польскомалорусскую границу. В Австро-Венгрии малорусская область соприкасается с словацкими и польскими землями. Возвращаясь в пределы России, мы находим, что граница между мало-

русскою и польскою областью проходит весьма приблизительно по западной границе вно ъ образованной Холмской губернии, пересекает р. Буг и входит в Бельский уезд Гродненской губернии. Малорусские населения находятся еще в Саратовской, Самарской и Астраханской губерниях.

Характерные звуковые черты малорусской речи следующие: 1) старые о и е, бывшие некогда долгими, как мы увидим впоследствии, в закрытых слогах (образовавшихся вследствие утраты иррациональных гласных ъ и ь), во всем малорусском языке отличаются в своей судьбе от тех же гласных в слогах открытых: ср. северномалор. куонь, принюос, шіесть, южномалор. кінь, приніс, шість (=великор. конь, принес, шесть) при коня, принесла, шести; 2) старое ѣ является в северномалорусских говорах в виде дифтонга іе, а в южномалорусских в виде і, смягчающего предшествующую согласную (после зубных для обозначения этой гласной особого происхождения теперь обыкновенно пишется ї) [1]): віера, віра=великор. вера [2]); 3) ы и и (как и в белорусском) в соответствии с великорусскими о и е в случаях, как мию, злий, пий; замечу, что в большинстве малорусских говоров ы и и совпали в одном звуке, не смягчающем предшествующую согласную (см. ниже); 4) отвердение согласных перед е; 5) фрикативное г, как в белорусском и южновеликорусском, перешедшее, однако, обыкновенно уже в гортанный звук—придыхание; 6) долгие согласные из группы согласная плюс j.

На основании известных звуковых признаков малорусский язык делится на говоры северномалорусские, южномалорусские и карпатскоугорские. Первые тянутся неширокой вообще полосой к северу от линии, проходящей по Холмскому уезду в северной его части, по Владимиро-Волынскому, Ковельскому, Луцкому, Ровенскому и Житомирскому уездам Волынской губернии, по Радомысльскому и Киевскому уезду (несколько южнее его северной границы с первым) Киевской губернии; у Днепра эта линия спускается до р. Трубежа и идет дальше на северо-восток в Полтавскую и Черниговскую губернии, где ее направление пока точно не определено. К карпатскоугорским говорам принад-

[1]) Это делается в виду того, что в некоторых говорах (северноукраинских) і из е и ѣ вполне смягчает предшествующую согласную, а і из о не вполне, т. е. здесь различаются: ніс=нос и ніс=нёс.

[2]) Условия сохранения старых дифтонгов и результаты, получавшиеся при их стяжении, будут рассмотрены в соответственных отделах фонетики.

лежат говоры лемков, бойков и угорские говоры. Главные осо-бенности северномалорусские следующие: наличность дифтонго из ѣ, а также из о и е долгих в закрытых слогах, сохраняющихся однако, главным образом, на севере этой области и под ударе-нием, в прочих случаях их стяжение дало различные результаты Старые ы и и здесь частью совпали, а частью различаются В карпаторусских говорах различаются старые ы и и, при че мягкость согласных перед и в некоторых говорах сохранилас в говорах бойков на месте о и е долгих является і, как и южноукраинских говорах, в прочих говорах по бо́льшей част другие гласные (напр., из о гласные у, э, ы). Южномалорусски говоры делятся на восточноукраинские, западноукраинские (Волынской и Подольской и части Холмской губерний), галицки (в Галиции и Буковине) и гуцульские (говоры гуцулов в Кар патах). В галицких и гуцульских говорах (в этих последни некоторые черты общие с карпатскоугорскими говорами) соглас ные звонкие в конце слов и перед глухими вообще перешли глухие, как и в великорусском, но сохранились в восточно- западноукраинских говорах, как и в северномалорусском; долги мягкие согласные из группы согласная плюс j сократилис кроме восточноукраинских говоров; в западноукраинских гово рах сокращение не повсеместное: ср. восточноукр. життя́ и жит в прочих говорах (такое же сокращение находим в карпатско угорских и частью в северномалорусских говорах); т в оконча нии 3-го л. глаголов (где оно является) произносится мягко восточноукраинских говорах, твердо в прочих южномалорусски говорах (отвердение мы находим и в части северномалорусски говоров), а также в некоторых карпатскоугорских говорах; ши пящие в южномалорусских говорах мягки перед і из е и ѣ, а остальных случаях тверды кроме некоторых восточноукраински говоров, где они мягки перед окончанием 3-го л. мн. ч. 2-г спряжения: біжать; в гуцульском они вообще мягки, кром положения перед старыми е и и; гласная а после мягких согла ных и после шипящих под ударением сохранилась в восточно украинском и значительной части западноукраинских говоро перейдя в е, смягчающее предшествующую согласную, или т кая же и (в Галиции и у гуцулов): мнесо, петь и т. д.

Отметим еще, что говоры, пограничные с словацким и пол ским языками, воспринимают их черты (напр., теряют свободн ударение); на границе между белорусскою и северномалорусско

областью есть точно также говоры смешанные, принявшие белорусское дзеканье. На границе с южновеликорусскою областью есть некоторое количество смешанных говоров, имеющих твердые согласные перед е и и, но в то же время окающих.

3. Русский литературный язык.

Познакомившись в общих чертах с образованием трех русских языков: великорусского, белорусского и малорусского, сложившихся на почве древнерусских наречий, мы должны обратиться теперь к общему обзору судеб литературного русского языка, являвшегося до настоящего времени языком литературы и образованных классов русской земли, не исключая вообще и Белоруссии, имевшей некогда, как мы вскоре увидим, свой письменный язык (см., впрочем, примечание), а также в очень значительной степени, преимущественно в тех областях, которые заняты малорусским племенем в пределах России, где малорусский язык начинает вновь получать несколько более широкое применение в литературе лишь на наших глазах, после почти полувекового действия ограничительных мер; в Галиции малорусский язык существовал в литературном употреблении в обширных размерах, являясь, между прочим, языком преподавания на известных кафедрах в Львовском университете; две малорусские кафедры существовали также в Черновцах (в Буковине) [1]. Существенное изменение в положение малорусского языка в

[1]) Начало применения малорусской живой народной речи к литературе относится ко второй половине XVIII в. (Котляревский и его перевод «Энеиды»); в Галиции начало литературного движения относится к сороковым годам XIX в., и с особою силою оно развивается после того, как в шестидесятых годах в пределах России был издан ряд ограничительных распоряжений. Та несколько нездоровая обстановка, которая создалась вследствие этого и выразилась в возможно большем отграничивании от общерусских элементов, принятии многочисленных полонизмов, неологизмов и т. п., придала «украинскому языку» в Галиции некоторую искусственность. Следует заметить, что в Галиции существуют также и сторонники пользования общерусским литературным языком.

Что касается Белоруссии, то здесь идея писать по-белорусски, обращаясь к народу, начала проявляться в демократически настроенных кружках польской интеллигенции, группировавшейся около Виленского университета, preimущественно с конца второго десятилетия XIX в. После 1863 г. наступает

Россіи внесла революція. Каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы Малороссіи, для ее языка настала эпоха новаго развитія.

Первыя основанія литературному языку на Руси были положены с принятіем христіанства, вмѣстѣ с которым появились и церковныя книги, писанныя на южнославянском, старославянском языкѣ. До этого времени христіанскій элемент на Руси был представлен между прочим варягами, часть которых во время набегов на Византію познакомилась там с новым вѣроученіем и с высшей культурой; из своей среды, остававшейся в общей массѣ языческой, они переносили проповѣдь и на окружавших их славян; нѣкоторые из них, по свидѣтельству лѣтописи, поплатились за это мученичеством.

Итак, на Руси в качествѣ языка церкви и духовной письменности появился с принятіем христіанства старославянскій язык, и древнѣйшіе тексты русской письменности представляют собою копіи южнославянских оригиналов.

Этот язык был в то время очень близок к русскому языку, а при чтеніи его написаній на русскій лад (напр., вм. врьх—вьрх, верх) эта близость еще болѣе увеличивалась.

Таким образом основным фактом в исторіи русской письменности и русскаго литературнаго языка является появленіе книг на близком и понятном языкѣ, а этим объясняется отсутствіе на Руси борьбы за права національнаго языка, которую пришлось вести западным славянам с нѣмецким элементом.

Далѣе понятным становится нам и тот факт, что живой русскій язык оказал вліяніе на книжный язык, получив от него в свою очередь немало элементов.

перерыв в этой дѣятельности, так как в краѣ остались в польской средѣ преимущественно консервативно настроенные элементы, дѣйствовавшіе скорѣе в противоположном направленіи, и только с восьмидесятых годов начинается новая эпоха, когда появляются в бѣлорусской средѣ первые признаки національнаго самосознанія отчасти под вліяніем русскаго народничества. Легальные бѣлорусскіе повременные изданія ведут свое начало с 1906 г., и в настоящее время существует нѣсколько изданій этого рода (частью с латинским шрифтом), выходят календари и сборники, в которых печатаются мѣстные авторы (много поэтов). В какія формы выльется окончательно то оживленіе, которое в разсматриваемой области связано с революціей, сказать трудно. Во всяком случаѣ пока есть довольно сильное теченіе в пользу сохраненія общерусскаго литературнаго языка с предоставленіем свободнаго развитія и мѣстному языку в тех сферах, в которых он может прочно привиться (в народных изданіях и т. д.).

Уже в древнейших текстах южнославянского происхождения, переписанных в России, мы находим русские особенности, внесенные писцами под влиянием живой речи. Сюда относится, например, смешение букв ж и оу, ѭ и ю, ѧ и ꙗ с а (после шипящих и ц) и ꙗ, ѣ и е, полногласные формы вместо старославянских ра, рѣ, ла, лѣ; ср., например, в О. Ев. вѣроу вм. вѣрѫ; исцелю вм. исцелѭ, коуплю вм. коуплѭ, лѭбить вм. любить, морꙗ вм. морꙗ; лицѧ вм. лица; изгънаша вм. изгънашѧ; нєсть вм. нѣсть; володимироу, новѣгородѣ в послесловии и т. д. О влиянии южнославянского языка церковных книг на устную народную речь я буду говорить в другой связи, ср., например, в былинах—млад, злато-серебро (первое—церковнославянское, второе—русское слово), хощет и хочет.

То обстоятельство, что церковнославянский язык (а так мы называем старославянский язык, подвергшийся влиянию русского языка на Руси, сербского в Сербии и т. д.) попал прежде всего на юг Руси, отражается в условном церковном произношении и поныне, несмотря на то, что центром русской духовной и политической жизни стали вскоре Владимир, а затем Москва, именно, до сих пор произносят, например, Господь с звонким фрикативным г (условное обозначение этого звука греческая буква γ или ґ с точкой наверху), чуждым северновеликорусскому и московскому наречиям.

Влияние русского языка на церковнославянский, проявившееся в такой значительной степени уже в древнейших памятниках XI в., с еще бо́льшей силой сказалось в последующие XII—XIII вв., когда большинство текстов переписывалось не с южнославянских подлинников, а с обрусевшей в предшествовавшее время редакции. В этот период большие юсы встречаются редко, малый йотированный (ѩ) изгнан из обычного употребления, малый нейотированный (ѧ) сохраняется на ряду и в значении ꙗ, церковнославянские сочетания ръ, рь; лъ, ль (напр., в словах плънъ, врьхъ) передаются в тех случаях, где им соответствуют в русском языке сочетания с обратным порядком звуков, правильно, согласно с русской фонетикой (пълнъ, вьрхъ). Живой русский язык в течение упомянутого времени изменился в своих фактах, и в памятниках XIV в. мы находим уже отражение иной стадии в его развитии сравнительно с древнейшими текстами.

Древние русские говоры в своих особенностях выступают для нас довольно определенно в так называемых руссизмах цер-

ковнославянских текстов и в памятниках светской письменности (грамоты, договоры и т. п.).

Так, в говорах новгородских славян и кривичей мы находим мену **ц** и **ч** (ср., например, в новгородской Минее 1095 г. црево, владыциче, чвѣт; в Псковском Апостоле 1307 г. пацальника, старчи, рьчи; в Полоцкой грамоте 1230 г. нѣмьчиць; в Полоцкой грамоте начала XV в. немечькии, вм. нѣмецькии и т. д.; далее ср мену **ц** и **ч** современных северноруcских говоров. Новгородский и псковский говор имели далее **жг** вместо современного литературного **жж** и церковнославянского **жд**; ср. в новгородской Минее 1095 г. дъжгь, в Минее 1096 г. пригважгаема; в псковском Апостоле 1307 г. дожгь, пригвожгъше и т. д. В полоцких и смоленских памятниках этой черты мы не находим. В новгородских памятниках мы находим замену буквы **ѣ** буквою **и** и наоборот, ср. в Минее 1096 г. лицемирьствовав, търьпинпе, невидѣния вм. нѣвѣдѣния и т. д.; о букве **ѣ** в более поздних новгородских и северновеликорусских памятниках см. в фонетике в отделе 7. В новгородских памятниках, как и в псковских, мы не находим иногда **в** перед мягким **л**; в договоре Новгорода с Тверью 1280 г.: присталивати; в Новгородской летописи: на ярослали дворѣ, по Переяслаля; в списках Псковской летописи: осталяша, запсколяне; ср. отмеченные в современных севернорусских говорах осталять (Новгородский уезд), засталять (Ладожский уезд), кроля (под Изборском). Этой особенности мы не найдем в полоцких и смоленских памятниках. Псковский говор от других кривичских говоров отличается меною мягких **ж** и **з**, **ш** и **с**; Апостол 1307 г.: здати (ждати), зелание (желание), смешил (смесил); в списке Псковской 1-й летописи: кажну вшю (казну всю), перши (перси) и т. д. Затем для старого псковского говора характерны формы им. мн. прошедшего причастия на—**гли** (привегли в Строевском списке псковской летописи), о которых см. ниже в фонетике (отдел о согласных, IV).

В галицковолынских памятниках XII в. мы уже находим изображение с бо́льшею или меньшею последовательностью посредством буквы **ѣ** совпавшего с ним по качеству звука старого **е**, получившегося в закрытых слогах, которые образовались вследствие исчезновения **ъ** и **ь**; в современном украинском наречии мы находим отсюда **і**; ср. шѣсть, сѣдмъ, матѣрь. В тех же памятниках мы найдем **жч** вм. литературного великорусского **жж** (новгородского **жг**); дъжчь; бездожьчье; ср. современное мало-

русское дощь; эта последняя особенность является и в говорах дреговичей, ср. в грамотах литовских князей: наѣждчати, пріѣждчалъ и современные белорусские дощикъ, дощчикъ.

Вполне естественным является то обстоятельство, что в памятниках не церковных, именно в памятниках более светской литературы (в летописях), и особенно в государственных и юридических актах мы найдем русских особенностей больше, чем в книгах церковных и произведениях чисто духовной литературы. Памятники этого рода отражают в XIV в. значительное разнообразие диалектических особенностей Руси восточной; двинские, новгородские и т. д. грамоты дают богатый материал для историка языка, который, однако, должен извлекать его с надлежащею осторожностью, не смешивая фактов письма с фактами самого языка и считаясь с известною традиционностью языка грамот. Однородные памятники литовскорусского государства представляют особый язык, которым говорили при дворе литовских князей и в их канцеляриях, и который составился с XIV в. из белорусских, впоследствии частью и из южнорусских говоров, объединенных совместной жизнью в пределах литовскорусского государства. Вошел в него и обильный запас полонизмов, особенно в терминах юридического характера.

Этот западнорусский язык, как его называют, язык Литовского Статута, перешел границы этнографические и был перенесен в Молдавию и Валахию, как язык православный народный, язык славян, или подчиненных Польше, или зависимых от нее. В Киеве в этот язык вносились некоторые малоруссизмы, читали его письмо на свой лад, но только с переходом центра западнорусской жизни в Киев, со времен Петра Могилы, малоруссизмы вливались в него более сильным потоком с новою примесью полонизмов.

Мы видим таким образом, как отразились исторические судьбы русских народностей на литературном языке: общерусский язык не успел сложиться в Киеве; этот процесс рано был прерван теми событиями, которые лишили Киев роли общерусского центра; создание литовскорусского государства дало почву для возникновения письменного языка для тех областей, которые оно объединило, тогда как на востоке до возникновения нового прочного центра, объединившего среднерусские и все севернорусские племена и создавшего великорусскую народность, не было условий, которые могли бы создать нормировку языка.

Только в XV в. московское наречие, язык Москвы, государственного центра, лучше сказать, тот язык, которым говорили в московских приказах, стал официальным языком восточной Руси. С возникновением нового государственного центра он получил в наследие и богатое литературное достояние Киевской Руси, а рука московского писца и грамотея стерла с него древние диалектические черты, придав ему ту же внешность, какую имели документы и произведения, писанные в самой Москве.

Язык церкви, более консервативный по самому существу дела, продолжал, однако, сохраняться вообще в том же виде, в каком он существовал на юге (ср., например, современное нам произношение: Господи, Бога с звонким фрикативным согласным), и это был также язык обширной и богатой духовной литературы. В русских областях, отошедших к польско-литовскому государству, церковно-славянский язык подчинился белорусскому и польскому влиянию; в Киеве в него проникали и южнорусские элементы.

Однако, деятельность южных славян, начавших стекаться в Москву в тревожное для Балканского полуострова время (с XIV в.), вызванное нашествием турок, и селившихся здесь в качестве ученых, получавших иногда духовный сан, и вообще вновь ожившие сношения с славянским югом повели к тому, что русские элементы, проникшие, как мы видели, в церковнославянский язык, снова частью уступили место южнославянским; были снова введены почти забытые буквы (например, **ѫ**), южнославянские черты, как смешение **ы** и **и** по образцу сербского письма и т. д., и на язык церковных текстов легла мертвая печать однообразия, заставившая отказаться от дальнейшего сближения языка церкви с живым народным языком.

Судьба церковнославянского языка в пределах польсколитовского государства была иная, хотя и схожая в результатах, т.-е. и здесь язык церкви отдалялся от сближения с живою народною речью. Нам известны из истории те условия, которые вызвали в Киеве, Львове и Вильне обширную религиозно-политическую литературу, направленную в защиту православия от католицизма. Однако, и по своим приемам и по языку она стоит в тесной зависимости от польско-латинской образованности; чистоту предания в церковно-славянском языке соблюсти было, понятно, трудно, так как после падения южного славянства политические условия и особенности строя внутренней жизни Московского государства

не допускали с ним сближения. Отсюда становится понятным широкий приток польско-латинских элементов в язык тогдашней религиозно-нравственной литературы юго-западной Руси, при чем тогдашними учеными старательно изгонялось из языка „все кметское, або посполитое", т.-е. все народное.

Итак, возвращаясь к Московской Руси, мы видим здесь ко времени перехода государственной жизни в петроградский период два литературных языка: один церковный, другой приказный по своему происхождению и главной сфере применения.

Эпоха преобразований Петра Великаго, коснувшаяся, как мы вскоре увидим, между прочим, правописания и наделившая русский язык большим количеством заимствованных с Запада слов[1]), в то же время не разрешила окончательно задачи создания единого литературного языка.

Лишь постепенный рост светской литературы и постепенное расширение сферы применения московского литературного языка привели в XVIII веке к слиянию обоих типов книжного языка в один.

Трудно было справиться на первых порах с целою массою славянизмов и варваризмов, нелегко очистить язык от излишнего баласта, явившегося при упомянутом слиянии, и лишь во второй половине XVIII в. была разрешена эта задача благодаря деятельности Тредьяковского, Ломоносова и др. представителей тогдашней литературы.

С эпохи Карамзина начинается новый период жизни и развития русского языка, ознаменовавшийся освобождением от многого, что уже обветшало, и введением многого из языка старины, раскрывшейся под пером Карамзина, и из живой разговорной речи, а также созданием неологизмов частью по западным образцам. С той поры, не прекращаясь, идет быстрыми шагами эволюция в сторону сближения письменной и живой речи, достигшая высшего своего развития в стихе и прозе Пушкина.

В настоящее время язык литературы является вместе с тем и разговорным языком образованных классов; хотя в различных областях русской земли он и окрашивается диалектически, но общая ему основа все же одна и та же—московская речь.

---

[1]) См. «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» Н. А. Смирнова в Сборнике Отд. русск. яз. и слов., т. 88.

История церковно-славянского языка на Руси объясняет нам, как мы видим, значительное количество заимствований из этого последнего не только в книжной речи, в языке образованных классов, но также и наличность славянизмов в народной речи простолюдина.

Присмотревшись ближе к составу литературного языка, мы найдем в нем церковно-славянский элемент не только в отдельных словах, но и в целых оборотах и в строении предложений. Ср., напр., слова с жд и щ вместо соответственных чисторусских слов с ж и ч (нужда, др. р. ноужа, Житие Θеод. XII в., современное народное нужа; вождь, др. р. вожь, Холмское Ев. XIII—XIV вв.; одежда, ср. др. р. одежа, Житие Θеод., современное народное одежа; общий, др. р., оопча, соопча, современное народное опчий; пещера, др. р. печера; вещь, хищный и мн. др.). Ср. далее слова с церковно-славянским порядком звуков вместо русского полногласия: храбрый (в былинах хоробрый, Ипат. летоп. хоробор), враг (Ипат. лет. ворог), плен (др. р. полон, Изб. Св. 1073 г.), время (Ипат. лет. веремя); церковнославянское власть и русское волость различаются у нас по значению (второе „территориальная единица“, первое—в отвлеченном значении); вообще целый ряд дублетов конкретных слов различается по значению тем, что церковно-славянское слово имеет более широкое значение; ср. гражданин и горожанин, страж и сторож, ограда и огород, краткий и короткий, оградить и огородить; глава отличается от голова сферою употребления в ином отношении, ср. церковное слово в таких сочетаниях, как „глава государства, церкви“, „глава книги“, но русское слово для обозначения части тела и, напр., в выражении „городской голова“; иной раз церковное слово сохранилось в определенном сочетании, напр., „в пух и прах“ (= порох); в области церковной терминологии русских слов почти нет: храм (хоромы в другом значении), праздник (но еще XIII в. мы встречаем порозднпк), странник, власяница, треба, среда (при середа) и т. д. Сравним далее слова с церковно-славянским е вместо русского о: небо (нёбо—в литер. яз.—с другим значением), мятеж, падеж (падёж с другим значением) и др. Причастия на ущий—ющий, ащий—ящий являются заимствованными из церковно-славянского языка, они чужды народному языку, сохраняющему (частью вместе с литературным) старые причастия в значении прилагательных: горючий, шипучий, текучий, сидячий, стоячий, ходячий. Сами эти обороты чужды народному языку и

редки в древнерусском языке. В других случаях церковно-славянские слова, не отличаясь по значению от соответствующих русских слов, отличаются от них по своему употреблению, являясь принадлежностью так называемого высокого стиля; ср., напр., у Пушкина: „возстань, пророк, и виждь, и внемли“... Понятно, что церковно-славянские слова, заимствованные из торжественного, возвышающегося над повседневною суетою церковного обихода, настраивают русскую речь на особенно торжественный лад. Этим объясняется, что в языке духовных проповедей и духовной литературы церковные элементы в языке составляют в общем довольно значительный процент, хотя многие духовные ораторы более или менее придерживаются обычных литературных норм.

Итак, кроме тех случаев, где-как мы видели, русский литературный язык-знает дублеты—свое и церковно-славянское слово, есть случаи, где он имеет только одно заимствованное слово, ср. нужда, вождь (ср. старые нужа, вожь), треба и т. д. Литературным нужда, одежда, надежда соответствуют в народных говорах свои нужа, одежа, надежа.

4. Важнейшие моменты в истории русского правописания.

Проследив общий ход развития русского литературного языка, мы должны теперь остановиться на важнейших моментах в истории правописания, являющегося в русском языке в своих основах этимологическим.

Правописание по самому существу дела бывает вообще довольно консервативным, так как в этой области всегда сильна традиция, что частью объясняется внутренними, частью внешними причинами.

Именно, с одной стороны, зрительные образы воспоминания, источником которых являются начертания слов и их сочетаний, служат такими же знаками нашей мысли, какими являются представления звуковой стороны слова в живой устной речи, и путем упражнения, привычки создается между ними очень прочная связь по ассоциации, в которую входят и представления мускульно-двигательных ощущений от движений, главным образом, руки при писании. Отсюда становится понятным, что мы можем писать не вполне так, как писали бы, если бы передавали каждый звук

действительной речи соответственным, присвоенным ему знаком во всех случаях, где он слышится. Несоответствие, это—результат процессов, происходящих в языке и изменяющих его звуковой состав; звуковая сторона языка изменяется, тогда как в области сложившейся уже письменности начертания переходят от поколения к поколению в неизменном или почти неизменном виде.

Колебания в написании, иногда весьма значительные, мы наблюдаем обыкновенно лишь в периоды, когда слагается, вырабатывается традиция, особенно, если данный народ получает письменность не на своем, а на другом, хотя бы и близко родственном языке, как это имело место в древнее время на Руси.

Причина более внутреннего характера, создающая враждебное отношение к попыткам реформировать правописание, это то, что грамотное (т.-е. согласное с общепринятою нормою) письмо играет слишком большую роль и в школе, и в жизни, а это сплошь да рядом заслоняет истинное его значение и делает его в глазах людей даже умных и ученых, но не имеющих надлежащего лингвистического образования (или слишком зараженных предрассудками), каким-то палладиумом, какой-то несокрушимой святыней, неприкосновенным национальным достоянием.

Грустно вспомнить о том, как рукою палача около века тому назад были сожжены в Сербии писания Караджича, произведшего основательную реформу сербского письма, впоследствии принятую и узаконенную. Смешно вспомнить о тех нападках, которые позволяли себе некоторые публицисты и ученые против скромных попыток московского педагогического общества, предпринятых к тому же в полном всеоружии знания и практики и направленных к устранению излишних букв и нерусских начертаний, внесенных, как известно, даже довольно поздно юго-славянскими учеными, прибывшими в Москву в XIV—XV вв.; кроме того, имелось в виду устранение некоторых пунктов, нарушающих последовательное проведение принципа этимологического письма (см. ниже). Не может быть сомнения в том, что там, где правописание не разошлось окончательно с живою речью, как в английском языке, время от времени необходим пересмотр его оснований, и в результате его должно явиться устранение тех элементов, которые не находят себе уже достаточного оправдания с точки зрения общих принципов, положенных в основание данного письма. Так поступают немцы, которые уже не раз созывали представителей всех культурных стран, где живет немецкая речь,

и узаконяли те или другие изменения традиционной орфографии [1]).

Уже из предшествующего мы знаем, каковы были начала письменного языка на Руси, и легко можно поэтому представить себе общий ход развития русского правописания. Мы уже видели, что на общем фоне чуждой, хотя и близко родственной фонетики с самого начала пробиваются особенности языка, которым говорил сам писец или переписчик.

Если в текстах церковных некоторым сдерживающим началом являлось уважение и благоговение благочестивого грамотея, обыкновенно монаха, то зато в светских памятниках (государственных и юридических актах) особенности живого языка проявлялись с тем большей полнотой, чем более сближалось начертание в своей основе южно-славянское, с требованиями русского языка.

Выше я указывал на то, что в древний период наибольшая степень сближения письма с живой речью достигнута была в XIII—XIV вв., но далее естественно развивавшийся процесс был приостановлен, и правописание получило тот во многих случаях уродливый характер, который оно бережно хранило и далее.

Это уклонение в сторону мы замечаем с конца XIV в., но с особенной силой оно проявляется в последующие века (XV—XVII).

Этим русская письменность обязана прежде всего деятельности южных славян (сербов и болгар), прибывших в Москву с Балканского полуострова с различными целями после того, как к Москве, казалось, перешла роль Византии („Москва—третий Рим“). Под влиянием их книг, их учености в русские рукописи проникли чуждые, не национальные черты, надолго остановившие всякое разумное совершенствование в этой области и обогатившие ее сербизмами и болгаризмами.

Рукописи этих веков наполнены невозможными с точки зрения русского языка ударениями, ненужными надстрочными знаками; буквы **ъ** и **ь**, получившие уже значение знаков твердости и мягкости, стали смешиваться, так что **ъ** заменял **ь**; **ѧ** и вновь введенный **ѫ** стали смешиваться по образцу письма болгарского;

---

[1]) По вопросу о том, что сделано в некоторых странах Европы в области реформы традиционной орфографии, см. мою статью в № 1 журнала «Новая Школа» за 1918 г.

и уступило место і не только в слове іс҃, іп҃з, ін҃з и в конце строки, где оно писалось и раньше в виде экономии места, но и перед гласными, в чем сказалось влияние греческого письма, где буква Ι, обозначавшая в византийское время уже звук и, совпавши таким образом с течением времени по звуковому значению со старым и, писавшимся знаком, из которого взято славянское ї, почти не приходилась перед гласной; была вновь введена почти забытая буква ѡ, которую стали писать не только в начале слов, но и в некоторых грамматических окончаниях; начальное о в око стало очным (ʘ), которое встречаем, впрочем, уже в XIII в.; в оба, очи двойным, в слове окрест (крестным (⊕); если такие странности со временем и были почти устранены, то зато крепко сохранялись окончательно введенные южными славянами написания некоторых грамматических окончаний, писавшихся ранее более или менее последовательно согласно с русской фонетикой; так, изгоняется о из окончания ого в род. ед. и заменяется чуждым русскому языку а; вводится написание ѧ, ꙗ, а вместо русского ѣ в окончаниях родительного ед. женск. рода, именительного и винительного мн. ч. женск. рода и винительного мн. ч. мужск. рода мягких основ, сменившегося в самом языке окончанием и, заимствованным в род. ед., им. и вин. мн. ж. р. из соответственного окончания твердых основ, а в вин. мн. мужеск. р. окончанием им. мн. на и у неодушевленных и род. мн. у одушевленных имен (русск. душа др. р. доуше, церковн.-сл. доушѧ, но народное живое е из старого ѣ в окончании р. ед. женских имен перенесено и в твердые основы (куме), др. р. вин. мн. (конѣ, ключѣ); до недавнего времени сохранялось в принятой орфографии нерусское написание—ыя в им. вин. множественного числа прилагательных, в отличие, совершенно искусственное, форм женск. и средн. рода от формы на —ые—муж. рода (в живом языке мы имеем или—ые, или—ыи с различиями по диалектам, см. ниже в отделе о носовых гласных); любопытно, что уже Ломоносов понимал отсутствие различия по родам между—ые и—ыя, но находил первое более приличным для мужеского рода, второе—для женского и среднего; отметим, что тогда же было введено всюду написание —ый в им. ед. муж. р. вместо проникшего в письмо живого окончания—эй. К счастью, положение, созданное южными славянами, не оказалось вполне б е з н а д е ж н ы м.

Древний устав был заменен полууставом и далее к концу XV века скорописью полууставною, которая в XVI в. уступает

место скорописи гражданской, осложненной массой сокращений, вызванных до известной степени желанием экономить довольно дорогой материал для письма. Буквы выносятся над строку, заменяются надстрочными знаками и т. д.

В результате получилось почти стенографическое письмо, утратившее отчетливость в изображении звуков, чем и воспользовался Петр, произведя реформу азбуки, сблизившую начертание кирилловских букв с латинским шрифтом; он исключил все ненужные надстрочные знаки и лишние буквы, между прочим и ѵ, оставив только рядом ѣ и е, ф и ѳ и сохранив ѯ и щ.

В последующее время (1716 г.) вновь была введена буква и, при чем позднейшее разграничение сфер употребления этих букв определилось не сразу: „Российское собрание“ писало і не только перед гласными, но и в иностранных словах, Ломоносов же вообще видел значение различия между и и і только в том, чтобы частое сочетание подобных букв неприятным видом взору не казалось противно и в чтении запинаться не принуждало. Далее ѯ (кси) с течением времени исключили, вместо петровского ꙁ (зело) стали писать з, вновь ввели ѵ, э и й. Не останавливаясь на подробностях, замечу, что не мало было колебаний и в начертании отдельных слов, пока, наконец, не были введены обязательные для нас до недавнего времени нормы. При изложении истории звуков русского языка мы попутно познакомимся с целым рядом ошибочных написаний, существовавших вопреки истории языка.

Вопрос о реформе русской орфографии, сложившейся путем долговременной эволюции, при чем, помимо обветшавших начертаний, уже не соответствовавших позднейшей ступени в развитии самого языка (ср. употребление букв ѣ, ъ и т. д.), она осложнялась церковно-славянским налетом (ср. ея—ыя во множ. ч. прилагательных и т. д.), был одним из очередных вопросов русской жизни. Попытки, делавшиеся в 60-ые годы, не дали по многим причинам (частью по независящим обстоятельствам, а частью и по самой сущности проектов) желательных результатов. С новою силою вопрос был выдвинут в конце прошлого века. Почин положил известный в Москве педагог Вл. П. Шереметевский в начале 80-х годов, далее вопрос разрабатывался в учебном отделе при О-ве распространения технических знаний, а затем в Московском Педагогическом О-ве. Наконец, в 1904 г. при Академии Наук была образована особая орфографическая

комиссия, работы которой встречали ряд препятствий, несмотря на довольно единодушное мнение представителей педагогических сфер и большинства ученых, указывавших на настоятельную потребность в отмене обязательности известного руководства Я. К. Грота и в упрощении всей системы правописания путем устранения лишних букв, необоснованных фактами самого русского яз. церковно-славянских написаний и устранения многих непоследовательностей. Только в 1917 г. Министерство Народного Просвещения тогдашнего временного правительства смогло провести в жизнь циркуляром от 5 июля проект, выработанный совещанием при Академии Наук в мае того же года. В отличие от этого мероприятия, вводившего упрощение постепенно, начиная с младшего отделения начальной школы и не стеснявшего отдельных лиц и изданий, не желающих сразу же перейти на новое правописание, ныне действующее распоряжение Центрального Комиссариата по Просвещению признало принцип обязательности и провело реформу во всех областях, доступных воздействию административной власти. Отметим, что официальные издания правительства не признают твердого знака в качестве отделительного знака и пользуются запятой сверху между соответственными буквами (об'явить).

Чтобы покончить с вопросом об орфографии, я должен сказать еще несколько слов в защиту разумного применения этимологического принципа против одностороннего увлечения фонетическим началом, задача которого сводится к тому, чтобы передавать слова на письме по возможности всецело так, как они произносятся.

Всякое письмо, предназначенное для удовлетворения практических требований, не может, понятно, состоять из очень сложной системы знаков и значков, необходимых для более или менее точной передачи всех оттенков в звуках речи. Поэтому при обычной системе передачи звуков речи письменными знаками мы выхватываем из ряда звуков, составляющих данное слово, только основные для нашего сознания элементы, оставляя необозначенными все промежуточные между ними.

Итак, фонетическое письмо, не имеющее в виду научных целей, всегда будет лишь весьма приблизительным, тем более, что последовательное применение строго фонетического письма должно было бы считаться неизбежно с индивидуальными диалектическими различиями даже в общепринятом литературном языке

а поэтому сомнительна польза его введения сравнительно с письмом этимологическим, основанным, понятно, не на ученом анализе слов и словосочетаний, а на тех данных, которые без труда извлекаются всяким из современного ему состояния языка. Например, произнося лоп, нофь и т. д., мы нисколько не затрудняемся написаниями лоб, новь, сопоставляя данные слова со словами лба, лбу, нови и т. д.

Понятно, что правильнее, с нашей точки зрения, не делать различия между приставками из, низ, воз, раз и без не так, как писали прежде, нарушая этимологический принцип в угоду фонетическому для первой группы (перед к, п, т, х, ч, ш, щ, писали с) и сохраняя всюду з в приставке без. По упрощенному правописанию все указанные приставки без различия пишутся через с перед всеми глухими согласными (в том числе и перед с), а в прочих случаях через з (беспокоить, рассердить, но безумие, различие, разбой и т. п.).

Однако, с другой стороны, разумное этимологическое письмо не может допустить существования таких различий, которых нет в языке; напр., сравните произвольное различие между ые, ыя, о котором я говорил выше; различие между они и онѣ, одни и однѣ и т. д.; различие между ѣ и е, совпавшими в литературном языке и различающимися к тому же традиционным письмом, неправильно в целом ряде случаев, на которые я укажу своевременно; различие между и и і, ф и ѳ; сюда же относится и сохранение на письме букв, не обозначающих уже звуков живой речи: ъ, который стал давно только письменным знаком, положительно следует устранить; ь можно сохранить для обозначения мягкости предшествующей согласной, где это требуется, для того, чтобы не вводить какого-либо нового знака (например, j) (йот).

Наконец, должны быть устранены и такие несообразности, как нерусские окончания аго—яго, ея; написание и после давно уже отвердевших ж и ш (ср. шить, жить и быть). Таким образом, комбинируя в должной мере фонетический и этимологический (исторический) принцип, мы устраним то, что не имеет обоснования в данном состоянии языка, сохраняя, однако, такие этимологические написания, которые легко оправдываются современными фактами (напр., лоб, год не лоп, гот, как произносится, так как имеем лба, лбы и т. д. год, годы и т. д.). За сохранение этих начертаний говорит наличность прочных ассоциативных связей между соответственными фактами.

Из приведенных выше пунктов пока не нашел себе применения следующий: писать ы после отвердевших уже согласных, а затем для простоты дела решено сохранить мягкий знак всюду там, где он писался по действовавшей до этого системе. Из двух знаков для и исключено і; исключены ъ (о ъ, как отделительном знаке, см. выше), ѣ, ѳ. Вместо—аго,—яго пишутся—ого,—его; вм. ея—ее; в мн. ч. только—ые, они, одни. Затем упрощены правила переноса слов и написания слитных наречий.

Желающим подробно ознакомиться с историей вопроса и с теми изменениями, которые сделаны в русском правописании для придания ему бо́льшей цельности и последовательности, а вместе с тем и для облегчения от ненужного баласта, я могу указать на „Доклад Педагогического Общества, состоящего при Императорском Московском у-те, по вопросу об упрощении русской орфографии" (см. „Труды этого Общества"), на вызванную этим докладом полемику и на работы орфографической комиссии при Академии Наук, опубликовавшей предварительное сообщение о своей работе. По истории вопроса о реформе русского правописания я могу указать специально на работы В. И. Чернышева „Письма о старой и новой орфографии", Спб., 1904 года и „Упрощение русского правописания", 2-е изд. Ср. также полезную книгу Д. Н. Ушакова „Русское правописание", 2-е изд. 1917 г., где имеется библиография по вопросу об упрощении правописания и критический обзор мнений за и против относящихся сюда попыток. К ней добавление „Новое правописание". См. далее брошюру П. Н. Сакулина „Новое русское правописание", М., 1917 г.

5. Важнейшие моменты в истории науки о русском языке.

Познакомившись с общим ходом процессов, создавших современный русский язык и его литературное наречие в частности, мы должны теперь остановиться на вопросе о том, как постепенно слагалась наука о русском языке, составляющая часть научного языкознания.

В истории науки о языке мы должны вообще различать два периода: один, простирающийся до возникновения научного языкознания, основанного в первой четверти прошлого века деятельностью Фр. Боппа, Як. Гримма и Гильгельма фон-Гум-

больдта; другой, начинающийся с этого времени и простирающийся до наших дней.

В течение первого, донаучного, в строгом смысле этого термина периода отсутствовало вообще понимание истории языка. Хотя уже и тогда многими понималась наличность связи между отдельными языками и их группами, но самое понимание этого отношения было неправильно; невозможность правильной постановки вопроса о родственных отношениях языков обусловливалась между прочим тем, что в то время: 1) не отличали своих слов данного языка от заимствованных, а провести между этими двумя категориями фактов строгое различие стало возможно не раньше, чем были разъяснены важнейшие явления в истории звуков данных языков; 2) далее, не различались периоды в жизни языка; на необходимость изучения древнейших доступных нам стадий в жизни языка впервые определенно указал Лейбниц; 3) наконец, основной ошибкой было отправление от сходства в отдельных словах, которое не может быть само по себе доказательством родства языков в виду того, что такое сходство может явиться или результатом заимствования, или даже случайного совпадения. Доказательство родства языков по их происхождению может быть убедительным только в том случае, если оно основано на планомерном исследовании цельных категорий фактов языка или, по крайней мере, одной большой, важной их категории (напр., форм спряжения; ср. первую лингвистическую работу Боппа, в которой он путем сравнительного исследования форм спряжения в греческом, латинском, германском, персидском и санскритском доказал родство названных языков). С возникновением научного языкознания произошел коренной переворот в отношении к языку.

Конечно, нельзя представлять себе дела так, будто научное отношение к языку создалось сразу только гением упомянутых мною выше лиц. Нет, его возникновение подготовлялось в течение всего предшествующего периода, нужные для этого условия накоплялись очень долго, пока, наконец, все это не нашло себе должного выражения.

В этом процессе постепенного хода подготовки почвы для научного языкознания (сравнительного, как его обыкновенно называют, подчеркивая этим ту выдающуюся роль, какую имеет сравнительный метод в исследовании языка) и заключается для нас громадный интерес первого, донаучного периода в истории

нашей науки. Тем более он интересен, что много его обломков сохранилось и до сих пор в традиционном школьном преподавании, куда до сих пор еще не проник основной принцип науки, требующий изучения научного объекта, представляющего последовательную, закономерную смену явлений именно в этой смене, т.-е. в его истории; описать современное состояние языка мы можем, оставаясь только на почве данных соотношений в данное время, но правильно понять и осветить соотношение между его фактами и связь современного нам его состояния с его прошлым мы можем только при изучении его фактов в их преемственной связи.

После этих общих замечаний обратимся к выяснению некоторых подробностей. Славяне, получившие христианство через посредство Византии, получили вместе с тем в наследие и довольно богатую грамматическую литературу. Эта последняя ведет свое начало от трудов александрийских ученых, занявшихся грамматическими вопросами, тогда как в предшествующее время интерес греков в области языка сосредоточивался преимущественно на более общих вопросах: соотношении фактов языка и фактов мышления и т. д. Условия, которые заставили александрийцев заняться разработкой грамматических схем, состояли в следующем: в последние века перед Р. Хр. была довольно значительная пропасть между языком поэм Гомера и живым разговорным греческим языком, так что понимание этих произведений не было уже непосредственно доступно во всех их частях; понятно, что потребовалась ученая работа, направленная на комментирование, объяснение текста с внешней его стороны, на составление словариков и т. д.; притом нужно было озаботиться сохранением в надлежащей чистоте рукописного предания и очищением его от порчи и искажений, которых накопилось немало. Все это вместе взятое и привело в результате тогдашних ученых к установлению грамматических схем и категорий, причем они по отношению к ним воспользовались и тем, что было сделано раньше философами различных школ и направлений. Остов грамматики был затем перенесен на римскую почву и применен с незначительными изменениями к латинскому языку, откуда он перешел впоследствии и в языки новой Европы.

Римляне определили междометие в качестве особой части речи, и этим дополнением они не улучшили греческой схемы, так как междометие, если оно произносится намеренно, есть во

всяком случае знак чувства, а не знак предмета мысли, а греческие части речи представляли именно классы знаков предметов мысли, хотя и не вполне последовательно и правильно разграниченные. Междометий греки не отличали от наречий. Далее, в Риме к греческим 5 падежам был добавлен шестой, за которым утвердилось в конце концов название ablativus (отложительный).

Славяне восточного обряда, как я уже отметил выше, получили грамматическую традицию непосредственно от греков вместе с духовным просвещением. Вместе с этим последним она была перенесена от южных славян и на Русь. Лишь впоследствии сказалось влияние в этом отношении Запада на грамматические учения, которые ведут, как я уже сказал, и здесь свое начало от греков. Далее на Руси особые условия созданы были заимствованием не только грамоты, но и самого языка церкви и письменности у южных славян.

Понятна поэтому та роль, какую играл церковно-славянский язык и в истории русской грамматики.

Работы этого рода, точкою отправления которых послужили произведения южно-славянской письменности, сосредоточивались долгое время на церковно-славянском языке русской редакции. При отсутствии правильного понимания взаимного отношения друг к другу книжной и живой народной речи не могло быть места для самостоятельной разработки грамматики этой последней, так как долгое время смотрели на ее явления, как на уклонения от нормы, ее искажения. Неудивительно поэтому, что в голове ученого хорвата Крижанича (XVII века) могла зародиться мысль о создании общеславянской грамматики, грамматики особого общеславянского языка, созданного самим автором из различных элементов; по мысли Крижанича, носившегося с идеей объединения славян в различных отношениях, этот язык должен был стать языком общеславянским, но само предприятие Крижанича было лишено надлежащей почвы как по причинам внутренним (искусственность самого языка), так и по внешним условиям тогдашней русской жизни, не благоприятствовавшей смелым замыслам ученого славянина. В основу их он положил церковно-славянский язык именно русской редакции, отличая его от языка первоначальных переводчиков св. писания. Крижанич сообщает некоторые сведения о живом русском языке, делает далее сопоставления главных отличий русского от хорватского и сербского и далее отличий белорусской и ляшской речи.

Итак, в основе русской грамматической традиции лежат греческие схемы в их применении первоначально чисто механическом к церковно-славянскому языку с известными следами влияния Запада.

Не входя в детали, замечу, что в рукописях дошел до нас ряд грамматических трактатов, толкований риторических терминов (уже в Изборнике Святослава 1703 г. статья «о образѣх») и словариков малопонятных и иностранных слов с азбуками и образцами языков. Не все произведения этого рода составлены были на Руси, часть их перешла с славянского юга; таков, напр., трактат о восьми частях слова, составленный, вероятно, в XIV в. в Сербии, перешедший далее к болгарам и через посредство молдаво-валахских списков попавший на Русь (русские рукописи XVI—XVII вв.). В 1586 г. в Вильне эта статья была напечатана под заглавием «Кграмматыка словеньска языка». В ней мы находим терминологию, лежащую в основании современной нам: имя (общее и собное, т.-е. собственное); речь (т.-е. глагол); причастие; различие (т.-е. член, которого в церковно-слав. яз. в отличие от греческого нет, и которым здесь для сохранения соответствия с оригиналом считается местоимение, иже, ꙗже, еже); местоимение; предлог; наречие; союз; имя бывает мужское, женское и среднее, имеет падения или падежи (правый, родный, виновный, дательный, звательный), числа: едино, двойно, множно; речь (глагол) имеет разные супружества (спряжения), времена (настоящее, будущее, мимошедшее, протяженное, непредельное и т. д.), лица, залоги (действительный и страдательный).

Из оригинальных работ следует отметить произведения Максима Грека, ученого грека, расширившего свое филологическое образование в Италии и вызванного в XVI в. в Москву для исправления книг, т.-е. богослужебных текстов, испорченных в течение продолжительной передачи рукописным путем. Для оправдания предлагаемых им поправок он нередко прибегал к грамматическим доводам, давая первые на Руси образцы этого рода филологической критики текста. Хотя он и не оставил трудов собственно грамматических, так как главною его целью была не разработка грамматики, как самостоятельной отрасли знания, а лишь такое исследование отдельных пунктов, какое требовалось специальными условиями его работы по очищению текста церковных книг, тем не менее он приобрел вполне заслуженно авторитет лучшего знатока грамматических вопросов. Не только

переписывались (а впоследствии частью и печатались) принадлежавшие ему заметки в большом количестве экземпляров,—с его именем ходило по рукам много произведений, ему не принадлежавших и лишь ему приписанных, как признанному знатоку и авторитету.

В XVI в., благодаря сношениям с Европой, попал на Русь новой источник грамматического знания,—переделка латинской грамматики Доната.

Донат, грамматик IV в. по Р. Х., пользовался настолько большою известностью, что имя его стало нарицательным, и учебников, носивших его имя, было очень много, при чем всем тогдашним переделкам свойственна диалогическая форма. Одну из таких переделок и перевел известный толмач Дмитрий Герасимов, ездивший с посольством Василия III в Западную Европу. Дошла она в позднейших рукописях XVI в.

Были на Руси и другие переделки Доната. Особый интерес представляет для нас список библиотеки Казанского у-та, представляющий принадлежащую неизвестному автору русскую переделку Доната. Здесь мы находим уже термины: имя собственное или сущее, общее или нарицательное, три степени прилагания: положительная, „прилагательная" и „надприлагательная" или „превышняя"; падений шесть: именовательное или правое по-гречески, родственное, дателвное, виновное, звательное и отрицательное (Ablativus; глагол здесь называется словом (ср. лат. verbum).

В конце XVI в. появляются печатные грамматики, именно в 1586 г. в Вильне напечатана упомянутая уже выше статья о восьми частях слова под заглавием «Кграмматыка словеньска языка», а в 1591 г. в Львове вышла грамматика греческая «Адельфотис», имеющая для нас значение своей терминологией, еще более приближающейся к современной ходячей. Здесь являются термины гласные и согласные письмена; склоняемые и несклоняемые части речи и т. д. Первою же славянскою грамматикою была грамматика Лаврентия Зизания, напечатанная в Вильне в 1596 г.; в ней мы находим дальнейшие шаги на пути приспособления греческой теории к славянскому языку: так, число падежей увеличено творительным; многое, однако, осталось, напр., различие, т.-е. член, которого в сущности нет в церковнославянском языке и от которого в качестве особой грамматической категории не хотели отказаться в угоду греческой тра-

диции (а в греческом яз. член действительно существует). Наконец, в 1619 г. в Евье близ Вильны вышла в свет грамматика Мелетия Смотрицкого, переиздававшаяся и переделывавшаяся несколько раз впоследствии. В Москве в 1648 г. вышла переделка этой грамматики уже без имени автора, в которой вставлены многие русские формы (напр., вместо дат. сно́се—спохе́), акцентуация сближена с великорусской. Между прочим в оригинале у Смотрицкого в числе частей речи отсутствует «различие», но зато является «междометие»; московская переделка, держась греческой традиции, выбросила это последнее и ввела снова первое.

В области глагола грамматика Смотрицкого интересна первою самостоятельною попыткою разобраться в системе спряжения славянского глагола, отличающейся от греческих схем, механически перенесенных на славянскую почву. Путаясь в классификации групп времени, среди которых являются некоторые несуществующие в языке и лишь созданные в угоду схеме, он заметил различие видовых значений (первообразный или совершенный): чту, стою, и производный, разделяющийся на начинательный (каменею, трезвею), учащательный (бегаю, читаю). Однако, этот зародыш здравой мысли впоследствии заглох, и с большим трудом пробило себе дорогу учение о видах, хотя и не удовлетворяющее научным требованиям, сквозь чуждую языку схему, основанную только на различии в формах времени; эта последняя является между прочим еще в грамматике Ломоносова.

Из дальнейших движений в интересующей нас области научной мысли мы должны отметить, что эпоха Петра Великого не дала существенных результатов, несмотря на влияние Лейбница, живо интересовавшегося языкознанием и предлагавшего Петру ряд мер. Это объясняется общим характером потребностей того времени, требовавшего прежде всего развития точных и прикладных знаний. Первая русская, не церковно-славянская грамматика является на немецком языке в немецко-латинско-русском словаре Вейсмана, изданном Академией Наук в 1731 г. без имени автора. Этот труд, приписываемый студенту Ададурову, по отзыву Ломоносова, грамматика весьма несовершенная и во многих местах неисправная, является переделкой и сокращением грамматики Смотрицкого, при чем отдел о глаголе, не удовлетворявший Ададурова в том виде, какой он имел у его первоисточника, изложен очень кратко и неполно, так как сам автор, очевидно, не мог предложить ничего лучшего.

Между тем все более и более чувствовалась настоятельная необходимость появления на русском языке русской грамматики, так как прежние славяно-российские грамматики уже не могли удовлетворять потребности при все более расширявшейся сфере применения русского языка, а о значении XVIII в. в истории развития литературного языка я уже говорил раньше. Ответом на требование времени, сказавшееся, напр., в указании Посошкова, что „Его Императорскому Величеству надлежит постаратися о грамматике", и в определении одною из задач учрежденного в 1735 г. „Российского собрания" составления „грамматики доброй и исправной", явилась вышедшая в 1755 году первым изданием „Российская грамматика" Ломоносова. Материал для нее он начал собирать с сороковых годов, а черновые его наброски свидетельствуют о добросовестной подготовительной работе. Пользуясь грамматиками Смотрицкого и Ададурова, Ломоносов сделал крупные шаги вперед не только в отдельных пунктах, но и вообще в деле понимания состава литературного языка, который он разложил на элементы, идущие из „просторечия", т.-е. из живых говоров, и элементы, взятые из церковных книг, из языка церковно-славянского (впрочем, эти вопросы были уже затронуты Тредьяковским). В этом помогло ему хорошее знание целого ряда живых говоров, начиная с родного ему холмогорского говора и кончая украинским диалектом, с которым он познакомился в Киеве. Из всех живых говоров он вполне верно отдавал предпочтение московскому, не только для важности столичного города, но и для его „отменной красоты", т.-е. он подметил, что основой литературного языка является именно московское наречие.

Широкое общенаучное образование предохранило Ломоносова и от излишнего увлечения грамматической теорией; не сочиняя небывалых форм, он вообще стремился принять за норму языка „рассудительное его употребление". В вопросах правописания он в противоположность Тредьяковскому, предлагавшему писать „по звону", т.-е. фонетически, выдвигал этимологический принцип. Не со всеми положениями Ломоносова в вопросах правописания мы можем согласиться, но нельзя забывать того, что немало труда стоило разобраться в пестрой путанице, унаследованной от московской старины, а сверх того не все могло быть им правильно определено без достаточного знания истории языка. В грамматической схеме шагом назад является построение си-

стемы десяти времен для того, чтобы как-нибудь распределить формы глагола; эта искусственно построенная схема обязана своим происхождением отсутствию ясного понимания форм вида и их отношения к формам времени, а мы уже видели, что зародыши правильного отношения к этим категориям были уже у Смотрицкого. Как бы то ни было, труды Ломоносова заложили прочное основание для дальнейшей разработки русской грамматики. Не останавливаясь на отдельных подробностях, я укажу вкратце лишь главнейшие моменты.

Возникновение научного языкознания на Западе отразилось на изучении славянских языков вообще и русского в частности, хотя и вскоре, но не в широких размерах, так как дилетантское отношение к языку, исходящее из глубокого убеждения в том, что всякий рассудительный человек, владеющий языком, и без особой подготовки может быть компетентным в вопросах грамматики, орфографии и т. п., к сожалению, находит себе не мало сторонников даже и в наше время. Красноречивым свидетельством этого являются наши школьные учебники, восходящие в большинстве случаев вообще к трудам Буслаева и повторяющие, нередко в искаженном виде, такие определения и положения, которые были возможны в половине XIX в., теперь же являются пережитками минувшей эпохи. Чтобы не быть голословным, укажу, напр., на постоянное смешение буквы, письменного знака, с звуком, которому нет места у Буслаева, на определение ъ и ь в современном русском языке, как полугласных; на самом деле в современном русском языке это просто письменные знаки, а некогда они обозначали гласные, которые отличались от других гласных своею меньшею длительностью сравнительно с нормальными краткими гласными; такими они были и в старославянском языке и такими перешли в общерусский и древнерусский языки; по отношению к этому последнему Буслаев называет ъ и ь полугласными, подчеркивая, что в современном русском языке это только письменные знаки твердости и мягкости; об устранении твердого знака см. выше; во-вторых, сошлюсь на учение о соответствии мягких и твердых гласных, воспроизводящее с некоторыми неточностями соответственные слова Буслаева, который правильнее строил свою таблицу твердых или чистых гласных звуков (а, е, у) и облеченных звуком „йот“ (j) или мягких (ꙗ, ѥ, ю); наконец, укажу на учение об усилении и ослаблении гласных звуков, восходящее в своих основаниях к Буслаеву, повторяв-

шему общепринятые в то время представления, не имеющие теперь научного значения.

Итак, возвращаясь к началу XIX в., мы должны отметить, что результаты нового метода в изучении языка, давшего столь плодотворные результаты в Германии, проникли и в Россию, но здесь они сказались первоначально в отдельных пунктах и подробностях и с бо́льшей полнотой отразились лишь в половине XIX в. прежде всего в ученых трудах Ф. И. Буслаева, бывшего профессора Московского университета, впоследствии академика. Обладая выдающимися способностями, увлеченный быстрыми успехами на Западе сравнительно-исторического метода в его приложении к исследованию языка и народного творчества вообще имея уже до некоторой степени расчищенную почву, главным образом, деятельностью Востокова, он в 1844 году выпустил в виде второй части своего труда „О преподавании отечественного языка“ [1]) свои материалы для русской грамматики и стилистики, знаменующие начало нового периода в истории изучения русского языка. Эти материалы легли в основание его „Исторической грамматики“, вышедшей первым изданием в 1858 г. [2]).

Я указал выше те три фактора, которыми обусловлена была научная деятельность Буслаева: его выдающиеся способности, увлечение успехами сравнительно-исторического метода на Западе и наличность почвы, уже до некоторой степени расчищенной трудами Востокова в первую очередь.

Необходимо сказать теперь несколько слов о третьем из них, именно о деятельности Востокова. Этому талантливому исследователю, бывшему в сущности самоучкой, наука обязана более точным определением фактов старославянского языка, чем то было сделано нестором славянской филологии, чешским аббатом Добровским, выпустившим в 1822 году церковно-славянскую грам-

---

[1]) Не могу обойти молчанием печальный в истории русской педагогической мысли факт почти полного забвения указанного труда Буслаева, переизданного в одном томе в 1867 г. без „материалов“, легших в основание особого труда—„Исторической грамматики“, а между тем многому можно поучиться у высокоталантливого педагога, каким был Буслаев.

[2]) Диссертация Буслаева „О влиянии христианства на славянский язык“. Опыт истории языка по „Остромирову Евангелию“ 1848 г., конечно, имеет теперь значение историческое, но и до сих пор остается прекрасным памятником научного воодушевления и широкого понимания задач лингвистического исследования, приводящего факты языка в связь со всею историческою и культурною жизнью народа.

матику на латинском языке. Выделением из церковно-славянских текстов русских, болгарских и сербских особенностей и важными изданиями—Остромирова Евангелия, „Описания рукописей Румянцевского музея“ и др. он положил прочное начало научной разработке славянской грамматики и славянорусской палеографии. Однако, у Востокова не хватало того воодушевления, которое является необходимым условием научного творчества в более широко раздвинутых рамках, с широкой постановкой вопросов и задач исследования. Этим свойством обладал Буслаев, который примыкал к западной науке и, следуя, главным образом, Гримму, дал первый опыт цельной исторической грамматики русского языка, отдельные части которой устарели, но который в области синтаксиса и до сих пор еще не заменен вполне трудом, соответствующим современному научному уровню. Широкое понимание истории языка, постоянное освещение ее данными истории культуры постепенно увлекло Буслаева в сторону от первоначальной его задачи и заставило его с течением времени сосредоточиться почти исключительно на народном творчестве в области поэзии и искусства.

Этим отчасти объясняется малая продуктивность семидесятых годов в области науки истории русского языка после блестящих страниц в ее истории в предшествующее время. Из современников Буслаева нужно отметить профессора и академика И. И. Срезневского, издавшего в 1849—50 гг. „Мысли об истории русского языка“, в которых он определил связь русского языка с разными славянскими языками и правильно положил в основание истории русского языка мысль о том, что в ее составе нужно отличать историю книжного языка от истории языка народного. Однако, как и Буслаев, Срезневский ушел скоро в сторону, именно отдался изданию и палеографическому исследованию древних памятников.

Важное значение для изучения живых русских наречий имели труды Вл. И. Даля—„О наречиях русского языка“ (1852 г.) и „Словарь живого великорусского языка“ (1863 г.). Вышедшие затем вторым посмертным и после третьим изданием, эти работы, несмотря на их недостатки, происходившие от того, что Даль в области языкознания был дилетантом, имеют основное, капитальное значение, являясь точкой отправления для последующей деятельности в этой области.

Научное движение в области разработки истории русского языка сосредоточивалось в семидесятых и в начале 80-х годов

почти исключительно в Харькове, если не считать Петрограда, где в начале 80-х годов преподавал русский язык академик И. В. Ягич. В Харькове действовал профессор А. А. Потебня, давший ценные труды как в области истории звуков, так преимущественно в области синтаксиса, который он пытался перестроить применительно к требованиям новой науки. Что касается истории языка, то А. А. Потебня не имел под рукою богатых хранилищ рукописей, и поэтому он принужден был пользоваться печатными изданиями. Более систематически обработал данные истории языка по этим последним, не отличавшимся, к сожалению, достаточной исправностью, рано умерший М. А. Колосов, выпустивший „Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI в.“. Ему же принадлежат „Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка“ и „Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия“.

Семидесятые и восьмидесятые годы, однако, не прошли бесследно. В эту эпоху сложилась и приняла прочные формы лингвистическая школа моего учителя, московского профессора, впоследствии академика, ныне покойного Ф. Ф. Фортунатова. Своею преподавательскою и научною деятельностью этот наиболее видный представитель сравнительного языкознания в России способствовал прочному укреплению методов и приемов лингвистического исследования помимо того, что, благодаря своим исключительным дарованиям, он двинул вперед науку между прочим и в области, имеющей ближайшее отношение к исторической грамматике русского языка, дав яркое освещение общеславянской эпохи, при чем ему удалось определить ряд явлений, ускользавших от внимания других исследователей. Результаты этого не замедлили сказаться, и ряд учеников Фортунатова, посвятивших себя специально изучению славянских языков и русского языка в частности, дал, начиная с 80-х годов, не мало важных трудов. Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время почти все работники в области русского языкознания в разных сферах, особенно в сфере славянорусской филологии, находятся или под прямым, или под косвенным влиянием Ф. Ф. Фортунатова, частью являются уже учениками его учеников. Другая лингвистическая школа, основанная в Казани И. А. Бодуэном де-Куртенэ и примыкающая точно также к западной науке, не получила столь широкого значения, как школа Ф. Ф. Фортунатова. Сам Бодуэн де-Куртенэ из Казани, где был профессором с 1874 г. по

1883 г., перешел в тогдашний Дерпт, а затем в Краков, откуда в начале XX столетия переселился в Петроград в качестве профессора университета; в настоящее время вернулся на родину и действует в Варшаве. Из учеников И. А. Бодуэна де-Куртенэ я назову проф. Богородицкого, занимающегося особенно усердно физиологической стороной языка. Ему же принадлежит „Общий курс русской грамматики"; дополнением к 2-му изданию этого служит полезный „Краткий очерк диалектологии и истории русского языка". Теперь имеется уже 4-е изд. этого труда 1913 г. Вновь введенные учебные планы предусматривали в 4-м классе гимназии курс истории русского языка в соединении с грамматикой древнего церковно-славянского языка. Нельзя не отметить, что эта попытка придать больше научности преподаванию отечественного языка в средней школе не могла дать положительных результатов, так как предложенный программами курс мог бы быть с успехом пройден лишь в старшем классе, куда и следует переносить такого рода занятия. Из числа пособий наиболее обстоятельным является „Учебник по русскому языку для IV класса" проф. С. М. Кульбакина (2-е изд., Харьков, 1914 г.); в приложении дана карта наречий русского языка.

В области научной деятельности я, не входя в подробности библиографии, должен далее отметить „Лекции по истории русского языка" профессора и академика А. И. Соболевского, ученика Ф. Ф. Фортунатова. Этот труд, последовавший за его „Очерками из истории русского языка", дает обильный фактический материал и в общем достаточное его освещение в пределах письменной традиции (4-е издание, 1907 г.)[1]. Несколько более слабыми являются отделы, касающиеся тех явлений в жизни русского языка, которые предшествовали письменности. Его общий обзор всех предшествующих работ по русской диалектологии, печатавшийся в 90-х годах в журнале „Живая Старина" и вышедший отдельно, в части, посвященной великорусскому и белорусскому наречиям („Опыт русской диалектологии", Спб., 1897), имеет характер свода, указывающего, что уже сде-

---

[1]) „Лекции по исторической грамматике русского языка" проф. Р. Ф. Брандта (в печатном издании 1892 г. только фонетика) ставят своею главною задачею дать ответ на вопрос о соотношении фактов русского языка и фактов языка общеславянского, преимущественно в том их виде, какой они имеют в старославянском языке. В 1913 г. вышли его же „Лекции по истории русского языка" (краткая фонетика и морфология).

лано и что̀ еще предстоит сделать. Важное значение имеют материалы по диалектологии, присланные в ответ на програму, составленную Отд. русск. язык. и слов. Академии Наук—частью они напечатаны в систематизированном виде в Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Н., см. также „Труды Московской диалектологической комиссии“, в „Русском Филологическом Вестнике“ и отдельно, заключающие много ценного материала, между прочим диалектологическую карту с объяснением и очерком диалектологии. А. А. Шахматов, виднейший из учеников Ф. Ф. Фортунатова (с одинаковым успехом работающий как в области исторической традиции русского языка, так и в области его диалектологии и тех стадий в его жизни, которые предшествовали возникновению письменности), обогатил науку целым рядом трудов, из числа которых я пока назову: 1) его конспективный очерк истории русского языка в статье „Россия“ в составе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, кое в чем уже устаревший; 2) литографированное издание лекций по истории русского языка, читанных в Петроградском университете, ценных обилием материала и мастерским его освещением; 3) печатное издание „Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Исторический процесс образования русских племен и наречий“, Спб. 1916; 4) „Очерк древнейшего периода истории русского языка“, Петроград, 1915, как I часть 11-го выпуска „Энциклопедии славянской филологии“. Значительно обогатил русскую диалектологию и историю русского литературного языка проф. Е. Ф. Будде, труды которого перечислены им самим в библиографии его „Лекций по истории русского языка“, изд. 2-е, Казань, 1914. „Очерк истории русского языка“ Н. Н. Дурново в печатном виде представлен 2-м вып. (Харьков, 1913), заключающим историю форм склонения и спряжения.

Для изучения белорусского языка важное значение имеют труды проф. Е. Ф. Карского, хотя и несвободные от недостатков с точки зрения последовательного и строгого лингвиста („Обзор звуков и форм белорусской речи“; последняя его сводная работа, не доведенная еще до конца, это—„Белоруссы“, т. I, II и III, 1. К первому т. приложена хорошая диалектологическая карта).

По малорусскому языку можно отметить труды А. А. Потебни и Э. Огоновского (работа последнего на немецком языке „Studen auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache“). Новейшая грамматика на исторической основе принадлежит Смаль-Стоцкому

(„Grammatik der ruthenischen (ukraïnischen) Sprache“ von St. Smal-Stockyj und Th. Gertner, Wien, 1913).

Что касается словарей, то этимологический словарь Н. В. Горяева (2-е изд., 1896 года) очень плох, представляя из себя некритический свод материалов, взятых из источников очень неравного достоинства. Гораздо лучше словарь А. Г. Преображенского (закончен 1-й том); второй за недавнею смертью автора оборвался на вып. 14 (считая с начала 1-го т.) на слове „сулея“. Общий этимологический словарь славянских языков Миклошича устарел. Основным пособием является в настоящее время выходящий на немецком языке словарь Э. Бернекера (Slavisches Etymologisches Wörterbuch); последний, полученный в Москве до войны вып. содержит начало 2-го тома („м“).

Для изучения живого языка, кроме словаря В. И. Даля, следует отметить ряд специальных словарей: архангельский—А. Подвысоцкого, олонецкий—Г. Куликовского, вятский—Н. М. Васнецова, смоленский—В. Н. Добровольского, ср. далее „Материалы“, изданные Ак. Н.[1]). Для древнего русского языка мы имеем уже оконченный печатанием словарь Срезневского. Что касается белорусского языка, то словарь И. И. Носовича, изданный Ак. Наук, довольно плох. Достаточно полного и хорошего словаря малорусского языка нет; малорусско-немецкого словаря Желеховского уже давно не существует в продаже (Ruthenisch-deutsches Wörterbuch); словарь Б. Д. Гринченка (4 тома), Киев, 1908—1909, несвободен от ряда недостатков.

6. Изменение звуковой стороны языка.

Прежде, чем перейти к истории звуков русского языка, мы должны остановить наше внимание на общих вопросах, относящихся к данной сфере явлений языка. Хотя об этом я говорю подробно в своем общем курсе языковедения, тем не менее не мешает вообще напомнить самое существенное и в этом специальном курсе.

---

[1]) Первые два—в изданий Академии Наук, вятский—Вятка 1908 г., смоленский—Смоленск 1914 г.; в Сборниках 2-го Отд. Академии Наук помещены еще некоторые другие диаликтические словари (колымский в 68 т., кашинский в 60 т., ростовский (Яросл.) в 72 т.).

Мы знаем, что звуки языка изменяются в течение его жизни. В прежнее время, когда еще только слагалось научное отношение к истории языка, когда еще плохо была известна ее фактическая сторона, в изменениях звуковой стороны языка видели нередко игру случая, не поддающуюся точному учету и определению. Сам основатель сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков Фр. Бопп думал, что законы языка в этом отношении не более устойчивы, чем берега морей и рек. Однако, с течением времени такое понимание уступило место иным взглядам, которые сложились, с одной стороны, под влиянием успехов в области исторической фонетики индоевропейских языков, которые раскрыли истинную суть многих казавшихся загадочными явлений и фактов, с другой стороны, под влиянием прогресса в области исследования общих вопросов, касающихся жизни и развития языка, а этот последний, в свою очередь, был обусловлен успехом психологии, как положительной, реальной области знания, имеющей дело с явлениями душевной жизни, не с метафизическим истолкованием ее природы; прогресс этот зависел в значительной степени также и от более внимательного изучения живых языков.

Перелом в отношении лингвистов к интересующей нас категории явлений произошел в половине семидесятых годов. Как бывает нередко при проведении новых точек зрения, до начала 80-х годов многие ученые слишком злоупотребляли при исследовании конкретных фактов истории звуков принципом так называемой аналогии, т.-е. слишком поспешным сведением к результатам действия психических ассоциаций таких изменений звуков, которые при ближайшем исследовании оказывались звуковыми явлениями, вызванными изменениями в условиях образования самих звуков речи. Это дало до некоторой степени сильное оружие в руки противников нового направления, отличавшего изменения звуков самих по себе, в условиях их образования, не допускающие никаких исключений, от тех явлений, которые объясняются, как отражения в языке действия психических ассоциаций; это разногласие с течением времени сгладилось, и в настоящее время все здравые лингвисты сходятся в общих точках зрения на изменение звуковой стороны языка.

Итак, мы должны отличать те изменения, которые вызываются изменениями в самых условиях образования данных звуков, от тех явлений, которые являются отражением психических про-

цессов и состоят в замене одного звука другим под влиянием ассоциации. Напр., в русском яз. изменение старого звукового сочетания іе (ѣ) в великорусское е, в малорусское і, смягчающее предшествующую согласную (вера, віра), явилось вследствие изменения в условиях образования самого звукового сочетания іе, тогда как, напр., современные русские землёю, семьёю объясняются, как изменения старых землею, семьею, под влиянием женою, горою, ср. сохранение е в своею, ею, и т. п., где не было непосредственного влияния образований твердых основ на—ою; именно, из наблюдений над судьбою старого звука е мы знаем, что эта гласная в русском яз. в литературном наречии в результате перешла в гласную о с сохранением предшествующей смягченной согласной в положении под ударением, если дальше не следовало мягкого звука (ср. озеро—озёра, ведём, несём, конём, но, напр., шесть, платьем; так как ц было некогда мягкою согласною и отвердело лишь впоследствии, то имеем правильно отец, купец). Равным образом новообразованиями по аналогии мы должны признать: ведёте, несёте (под влиянием несём, ведём), тётя под влиянием тотка.

Изменения звуков первого рода, совершающиеся вследствие изменения условий их образования, мы будем называть фонетическими в отличие от явлений второго рода, вызываемых действием психических ассоциаций, к которым мы можем приложить термин „нефонетические изменения звуков“.

Далее из наблюдений над жизнью языка оказывается, что случаи первого рода в свою очередь представляют известные различия и распадаются на две категории, именно, с одной стороны, звуки языка изменяются вне зависимости от каких-либо специальных условий фонетического характера (влияния ударения, положения звука в слове в сочетании или в соседстве с другими звуками, начала или конца слова, темпа речи и т. п.), с другой стороны, их изменения обусловлены как раз особыми фонетическими условиями указаннаго типа. История звуков ж, ш, бывших некогда мягкими и отвердевших в литературном языке, всецело принадлежит к случаям первого рода, где данный звук является измененным данным образом всюду, где он встречается, поскольку этому не препятствует действие психической ассоциации; что же касается изменения е в о, то мы находим ясные указания на влияние фонетических факторов: зависимость от положения под ударением и от положения не перед мягким звуком.

Итак, действие звуковых законов само по себе не допускает исключения. То, что может казаться исключением, объясняется, как мы видели, во-первых, влиянием психических ассоциаций; к приведенным выше примерам я присоединю еще один: мы имеем гнёзда, где ё из е, получившегося из старого ѣ, а такое е не подлежало изменению в о по той причине, что в ту эпоху, когда начался процесс, приведший в результате к изменению е в о, ѣ в русском языке еще отличалось от е, совпав с ним лишь впоследствии; очевидно, гнёзда, равно как и звёзды, явились вследствие влияния таких случаев, как весло—вёсла, жена — жёны, сестра—сёстры. Приведенный пример показывает, с какою осторожностью нужно обращаться с фактами при установлении звуковых законов, учитывая все явления, объясняющиеся действием аналогии, и далее все возможности по принципу, что изменение данного звука данным образом в данную эпоху ничего не предрешает о его судьбе в последующие эпохи. Таким образом кажущиеся исключения могут находить себе объяснение, во-вторых, в том факте, что в различные эпохи жизни языка действуют различные законы; как мы только что видели, старое е изменилось фонетически в о при известных условиях, тогда как е из ѣ фонетически такому изменению не подлежало по той простой причине, что появилось оно в языке позже того времени, когда начался упомянутый процесс. Третья категория случаев, которые являются кажущимися исключениями, это—слова, заимствованные из других языков; так, напр., объясняется русское небо, взятое из церковно-славянского языка, где не было закона об изменении е в о, при нёбо в значении известной части полости рта; народному языку не чуждо нёбо и в первом значении: „небесный свод". Само собою разумеется, что слова заимствованные, с другой стороны, могут подлежать действию звуковых законов данного языка, поскольку они не закончили своего действия ко времени принятия данного слова, и как скоро сами слова не сохраняют в неприкосновенности своего иноземного облика под влиянием особых условий: напр., в небо мы произносим мягкое н, как произносим вообще мягкими согласные церковно-славянского языка в положении перед мягкими гласными в соответствии с законом русского языка, хотя в самом старославянском языке согласные в таком положении не были мягкими; далее, мы произносим, если говорим нормально, без аффектации: профессор, университет, а не профэссор и не унивэрситэт. Исследование

звуковой стороны заимствованных слов может дать важные указания на хронологические даты в истории звуков языка, как скоро нам известна эпоха, в которую данное слово вошло в данный язык, и как скоро мы находим в нем отражение звуковых явлений данного языка.

Итак, мы видим, в каких рамках принимаемые нами звуковые законы не допускают сами по себе исключений; именно, данный звук, изменяющийся известным образом в данном языке в данную эпоху его существования вследствие изменения условий своего образования, должен подлежать этому изменению всюду, где есть налицо все нужные условия, и, наоборот, нет условий препятствующих; закономерность в рассматриваемой области нарушается действием законов психической ассоциации. Далее, нельзя забывать, что мы должны при этом строго разграничивать эпохи в жизни языка и выделять в особую категорию слова, заимствованные не только из чужого языка, но также и из других диалектов данного языка, поскольку между диалектами существует в этом отношении известное различие. Ср. литературное русское цапля вместо чапля, заимствованное из цокающего говора, где **ч** дало **ц**, а это явление само по себе литературному языку чуждо.

Теперь для нас должно быть понятным, что так называемые звуковые законы говорят нам лишь о том, какую судьбу имел данный звук в данном языке в данную эпоху его существования, ничего не предрешая относительно прошлого и будущего, тем менее относительно аналогичных звуков других языков.

Если мы обратимся к конкретным фактам истории звуков любого языка, то не можем не признать, что далеко не все ее явления для нас ясны, что далеко не все случаи мы можем объяснить, но это, однако, касается только нашего знания, несовершенного в той или другой мере, и не может подать повода думать, будто и сами факты в действительности не допускают объяснения. То обстоятельство, что при современном состоянии науки мы не в состоянии доказать с математической точностью положения о недопустимости действительных исключений из звуковых законов путем разбора всей совокупности фактов истории данного языка, не должно нас приводить к мысли об отсутствии закономерности в данной области и на самом деле. Наше понимание звуковых законов с очевидностью диктуется нам всею совокупностью наших сведений о языке вообще, и, быть может, наука

никогда и не будет в состоянии объяснить все без остатка в истории звуков того или другого языка за тот или другой период его существования,—препятствием для этого будет служить прежде всего недостаточность абсолютной полноты в материале. Что касается нефонетических изменений звуковой стороны языка, т.-е. тех изменений, которые вызываются действием психических ассоциаций, то и они, понятно, происходят с известной закономерностью, при чем, однако, не легко ее установить по отношению к отдельным определенным группам фактов, так как нам в большинстве случаев не хватает знаний многих важных подробностей, оказавших решающее влияние на возникновение той или другой ассоциации.

Если явления нефонетические всецело обязаны своим существованием действию психических факторов, то по отношению к явлениям фонетическим вопрос о конечных причинах, их вызывающих, решается далеко не так просто. Не мало было предпринято попыток, имевших своею целью дать определенный ответ на эту проблему, но прочных результатов до сих пор не найдено за исключением того вывода, что, повидимому, мы имеем здесь дело с кумуляцией целого ряда факторов психических и физических.

По отношению к определенным конкретным случаям нам трудно установить роль каждого фактора в отдельности; мало того, нам трудно установить даже в общих чертах всю совокупность психических и физических условий, определивших и определяющих направление тех или других явлений в области истории звуков. Во всяком случае нельзя при современном положении знания успокоиться на сравнительно простом решении вопроса, ссылаясь на тот или другой отдельный фактор или даже на некоторые отдельные факторы, а потому и остается попрежнему открытой вся проблема как в общей ее постановке, так и в применении к отдельным случаям.

Во избежание недоразумений замечу, что речь идет здесь не о тех фонетических условиях, влияющих на изменение звуков речи, о которых мы говорили выше, а о тех конечных причинах, которыми вообще обусловлено изменение звукового состава языка. Фонетические условия—лишь известная обстановка, в пределах которой совершается то или другое явление, а мы видели, что есть и такие фонетические явления, которые происходят при всякой обстановке, имеют место по отношению к данному звуку всюду, где он встречается,

7. Звуковой состав русского языка.

Теперь мне предстоит напомнить в общих чертах основные положения физиологии звуков речи, о которых я говорю подробно в своем общем курсе. Это тем более необходимо, что как раз в определении природы звуков речи и их классификаций школьная элементарная грамматика не идет далее пестрой амальгамы из донаучных взглядов, кое-каких обрывков научных теорий и собственных измышлений, смешивая к тому же постоянно звук речи с его письменным знаком, буквою, служащею для передачи его на письме[1]). Напр., до сих пор в учебниках русской грамматики фигурируют полугласные **ъ** и **ь**, которые сама же грамматика называет твердым и мягким знаками и которые в современном русском письме являются именно только знаками, буквами, отнюдь не обозначением действительно звуков речи. Далее, напр., буквы **я**, **ю**, **е**, имеющие два различных значения (с одной стороны, в начале слова или слога—букв, передающих два звука, и тогда они обозначают сочетания **ja**, **jу**, **je** или сочетания **ia**, **iу**, **ie** с **i** неслоговым, с другой стороны, после согласных они—буквы, обозначающие гласные а, у, е, т.-е. э, с предшествующей смягченной согласной), не различаются соответственно с различным их значением и рассматриваются, как мягкие звуки, соответственные твердым звукам а, у, о; по отношению к последней паре е: о элементарная грамматика повторяет в искаженном виде верное положение исторической грамматики, указывающей, что еще в общеславянском языке о в положении после мягкого неслогового звука изменилось в е (отсюда объясняется соответствие между ведомый и читаемый, окно и море).

То обстоятельство, что на одну доску с я: а, ю: у поставлено и е: о, объясняется, надо думать, отчасти особенностью правописания, передающего современное о с предшествующей мягкой согласной (само о здесь из старого е или ь) буквою е в огромном большинстве случаев, а отчасти тем, что, как было указано выше,

---

[1]) Сохраняя термины „гласная“ и „согласная“ и не заменяя их соответственно терминами „гласный“ и „согласный“, я отнюдь не даю повода к смешению звука и буквы, так как русские выражения „гласная“ и „согласная“ уже являются субстантивированными прилагательными и обозначают в моей терминологии звуки, тогда как, говоря о буквах, я везде оговариваю это особо.

в общеславянском языке о перешло в е после мягкой согласной, поэтому мы имеем, напр., окно, но поле и т. д.

Из области согласных заслуживает быть отмеченным: неточное название задненебных **к**, **г** и **х** гортанными, отсутствие упоминания о средненебных смягченных **к**, **г** и **х** (например, в сочетаниях **ки**, **ги**, **хи**), классификация согласных, то считающаяся с различиями по месту образования (задненебные, губные), то с различием в акустическом впечатлении (свистящие, шипящие), путаница с плавными и носовыми, которые большинство авторов не знает куда поместить, и, наконец, смешение простых согласных с слитными (**ч**, **ц**, а также **щ** обозначают не простые согласные, а является знаками: **ч** и **ц** для слитных сочетаний **тш**, **тс** и **щ** для сочетания **шч** или в другом произношении двойного **ш** мягкого).

Итак, напомню, что различие между гласными и согласными состоит не в том, в чем видит его элементарная грамматика, смешивающая то различие, о котором идет речь, с различием между слоговыми и неслоговыми звуками и думающая даже, будто бы согласный звук без гласной не может быть произнесен: различие между гласными и согласными заключается в том, что при образовании гласных голос на пути своем из гортани, где он образуется колебанием голосовых связок под напором вдыхаемого воздуха, не встречает нигде таких препятствий, преодоление которых вызывало бы шум, характерный для согласного звука; наоборот, при образовании шумных согласных, согласных с наиболее ясно выраженным типом, образуется преграда в виде или тесно сомкнутых, или сближенных между собою органов речи, при чем в этом последнем случае между ними остается узкая щель, о края которой выдыхаемый воздух подвергается трению. Правда, некоторый элемент шума от трения воздуха является и в гласных, так как при их образовании полость рта все-таки более или менее суживается (наиболее широко она раскрыта при а), но шум такого рода неотделим даже от спокойного дыхания, сопровождаемого более или менее ясным шумом от трения воздуха о стенки тех проходов, которые встречаются на его пути из легких.

Первый тип шумных согласных — это согласные шумные взрывные или, по акустическому впечатлению, мгновенные, второй тип — согласные шумные фрикативные или, по акустическому впечатлению, длительные. Далее между шумными согласными,

как взрывными, так и фрикативными, есть согласные, образующиеся при участии голоса, и есть согласные, образующиеся без его участия, при чем шум от разрыва тесно сомкнутых органов речи или от трения воздуха о стенки узкого прохода между сближенными органами речи составляет весь акустический признак такой согласной. Согласные шумные, образующиеся при участии голоса, называются звонкими (напр., взрывная **д** и фрикативная **з**), а согласные шумные, образуемые без голоса, носят название глухих (напр., глухая взрывная **т** и глухая фрикативная **с**).

Промежуточное место между гласными и шумными согласными занимают сонорные согласные, т.-е. так называемые плавные и носовые. Хотя при образовании сонорных согласных, кроме **р**, и образуется преграда для выдыхаемого воздуха, но в то же время остается открытым и свободным проход в той или другой части органов речи, а при образовании звука **р** нет ни узкой щели, характерной для фрикативных согласных, ни полной преграды; так, при образовании носовых согласных в полости рта образуется преграда в виде тесно сомкнутых органов речи, как при образовании взрывных шумных согласных, но при этом остается открытым проход в полость носа, вообще закрытую подвижною частью мягкого неба, как скоро образуются звуки не носовые (согласные и гласные); при образовании плавной согласной **л** остаются открытыми или один, или оба боковых прохода, образуемых отделением языка от боковых зубов, между тем как в передней части полости рта происходит полное соприкосновение органов речи, принимающих участие в образовании данного звука; при образовании звуков **р** нет полного соприкосновения образующих их органов речи, в то же время не образуется и узкой щели, о края которой подвергался бы трению выдыхаемый воздух. Для звуков **р** далее характерны варианты, образуемые с „раскатами"; таково русское **р**, при образовании которого вибрирует кончик языка.

Таким образом при обычных нормальных условиях образования сонорных согласных[1]) голос получает такое преобладающее

[1]) При отсутствии голоса получаются безголосые варианты сонорных (в русском произношении таковыми они частью бывают в конце слова после глухой согласной); при усилении характерного шума получаются уже не плавные нормального типа, а соответственные фрикативные варианты.

значение над шумом, какого он не имеет в шумных согласных звонких, но, с другой стороны, сонорные согласные отличаются и от гласных, где мы находим голос, получающий ту или другую окраску в полости рта без характерного согласного шума.

По месту образования в полости рта согласные бывают задненебные, средненебные, небнозубные и губные, при чем шумные согласные, а из сонорных—носовые допускают все четыре основные категории различий по месту образования; звуки л принадлежат к небнозубному классу, а звуки р в большинстве языков также являются небнозубными, хотя известны и р задненебное (картавое), а также редкое р губное (напр., в междометии тпру).

Простые согласные могут быть несмягченными и смягченными, нелабиализованными и лабиализованными. Смягченные согласные образуются в тех случаях, когда ко всем прочим условиям, необходимым для образования данного звука, присоединяется еще положение языка, занимаемое им при образовании небных гласных; наибольшая степень смягчения получается при положении языка, нужном для образования звука і.

Лабиализация согласных аналогична смягчению (палатализации), только здесь присоединяется к обычным условиям образования данного согласного звука и положение губ, которое они получают при образовании гласных лабиализованных, при чем здесь наибольшая степень лабиализации бывает при положении губ, занимаемом ими при произнесении гласной у. Из того, что сказано о смягчении согласных, следует невозможность существования смягченных задненебных согласных, так как нельзя одновременно приподнимать или примыкать переднюю часть верхней спинки языка к переднему небу и приближать или примыкать заднюю ее часть к заднему небу. Понятно поэтому, почему вместо задненебных смягченных согласных получаются в языке средненебные смягченные.

Перейдем теперь к обзору согласных звуков русского литературного языка.

Задненебными согласными являются: взрывные: к (глухая) и г (звонкая), ср., напр., кора, гора; фрикативные: х (глухая), напр., в слове хорош, и ґ (звонкая), являющаяся в литературном языке в некоторых отдельных словах, напр., Бога, Господь, и не отличающаяся на письме от г. Тот же звук слышится и в тогда, когда. В южновеликорусском наречии г есть фрикативная согласная. При точной передаче звуков русского языка

такое г можно писать буквой г с точкой вверху. При образовании задненебных согласных приближается к заднему небу задняя часть верхней спинки языка в том случае, если образуются фрикативные х и ġ; если же образуются взрывные к и г, то происходит полное соприкосновение названных органов.

К классу средненебных, образующихся при сближении (фрикативные) или полном соприкосновении (взрывные) переднего (твердого) неба и средней части верхней спинки языка, принадлежат русские к, г (взрывные, глухая и звонкая) и х (фрикативная глухая), являющиеся смягченными и не отличающиеся на письме ничем от соответственных задненебных; ср. русские слова кинуть, гибнуть, хитрый; средненебная звонкая фрикативная согласная, это—звук «йот».

Условно мы можем обозначать такие средненебные смягченные к, г, х написаниями ќ, ѓ, х́, так как знаком ʹ над буквою или с правой стороны буквы (вверху) обозначается вообще смягченная согласная, соответствующая той твердой, которая обозначается данной буквой без указанного знака. Звонкая фрикативная средненебная согласная j (йот), обозначаемая этою латинскою буквою, не имеет в русском письме особого знака, так как сочетания j+последующая гласная а, у, э передаются здесь особыми буквами я, ю, е (ѣ). Такое значение принадлежит этим буквам в начале слова или слога, ср. я, юн, есть, ем, до недавнего времени ѣм, объявить и т. п. Впрочем, частью с различиями по фонетическому положению и по говорам существует в русском языке не согласный звук j, а неслоговой гласный i (см. ниже).

К классу небнозубных принадлежат в русском языке взрывные т и д (глухая и звонкая), являющиеся несмягченными и смягченными (ср. тот, дом, тетя, деньги) и фрикативные с и з (глухая и звонкая), ш и ж (глухая и звонкая), при чем с и з известны также как несмягченные и смягченные (ср. сам, зал и семь, земля; но шар, жар и ширь, жир, хочешь являются с твердыми ш и ж; впоследствии мы узнаем, что ш и ж были некогда действительно смягченными). Русские т, д, с, з и ш, ж принадлежат к тому разряду собственно зубных, которые образуются при сближении или соприкосновении переднего кончика языка с передними верхними зубами (верхним их краем). Кроме перечисленных шумных согласных, к небнозубному классу принадлежат в русском языке и плавные р, л, а также носовая н,

являющиеся как несмягченными, так и смягченными (ср. работа, лапоть, но, рябой, лямка, няня). Все они являются зубными, при чем при образовании звука л твердого (напр., в сочетании ла) несколько приближается задняя доля спинки языка к заднему небу.

Наконец, к классу губных согласных, получающихся при сближении или полном соприкосновении верхней и нижней губ (чисто губные согласные) или при сближении или полном соприкосновении верхних передних зубов и нижней губы (зубногубные согласные) принадлежат: взрывные: глухая п и звонкая б (несмягченные и смягченные, напр., в словах: пара, баба и пять, бяка), фрикативные ф и в (зубногубные глухая и звонкая) несмягченные и смягченные, напр., ср. форма, ворон и филин, вить; в русском языке звук ф обозначался буквами ф и ѳ; такая двойственность объясняется тем, что в славянский алфавит были введены две буквы с одним и тем же значением в подражание греческому письму: с звуком ф, обозначавшимся буквою, послужившею прототипом для славянского ф, совпал в передаче у славян другой звук, обозначавшийся буквою, начертание которой мы воспроизводим в букве ѳ (ѳита), самими греками произносившейся после Р. Хр. как английское th, напр., в слове think, но первоначально от него отличавшийся и бывший некогда t придыхательным; многие греческие слова вошли в латинский язык в ту эпоху, когда в греческом языке существовал звук th, т.-е. t придыхательное, передававшийся в латинском языке начертанием th, а из латинского языка эти слова перешли в новые европейские языки, между прочим и в русский: этим объясняются в русском языке такие варианты, как театр и старинное ѳеатр (второе слово непосредственно из греческого), Агатон и Агаѳон, а также русское ф, которое обыкновенно писалось через ѳ, в таких словах, как каѳедра, Мараѳон, Ѳедор, при соответствующих им словах западноевропейских языков с th.

Само собою разумеется, что различие между ф и ѳ могло быть сохранено исключительно искусственным путем, так как в самом языке не различаются два каких-либо отдельных звука, а потому и буква ѳ, как более редкая, должна быть устранена из правописания, что и принято в упрощенном правописании.

Из числа сонорных согласных к губным, именно к чисто губным, принадлежит в русском языке губная носовая м несмягченная и смягченная (напр., ср. море и мир).

Согласных лабиализованных (а о том, что такое лабиализация согласных, говорилось выше) в современном литературном произношении нет; исследователи отмечают такие согласные в известных народных говорах (напр., в Тотемском уезде).

Кроме согласных простых существуют в языках и согласные слитные. К слитным согласным принадлежат так называемые аффрикаты, представляющие слитное сочетание взрывной шумной согласной с последующей фрикативной того же места образования и тех же условий образования; как и простые согласные, аффрикаты могут быть несмягченными и смягченными. Из аффрикат в русском языке известны следующие аффрикаты небнозубного класса, передаваемые на письме особыми буквами: глухая твердая аффриката ц (ц а п л я, ц и н к), представляющая слитное сочетание **тс**, глухая аффриката ч, всюду смягченная (ч и т а т ь, ч а с т о), представляющая слитное **тш**; буква **щ** обозначает в литературном произношении долгое (не точно говорят двойное) ш мягкое [1]) или звук ш+аффриката ч. Звонкие аффрикаты **дз** и **дж** существуют в русском языке только, как звонкие эквиваленты глухих ц и ч при положении их перед следующею звонкою согласною, ср. произношение в сочетаниях о т е ц б ы л, д о ч ь б ы л а и о т е ц п и л, д о ч ь п и л а, в 1-м случае слышатся звонкие аффрикаты, во 2-м—глухие. Исторические судьбы русского правописания разъясняют нам, почему мы пишем, напр., ц и н и к, ц и ф р а, хотя ц твердая аффриката: некогда, как мы узнаем впоследствии, ц было мягкой аффрикатой; далее мы пишем ч а с т о, ч у д о, хотя ч смягченная аффриката (а после предшествующей смягченной согласной мы ждали бы я для обозначения звука а); ср. тот факт, что еще в старославянской письменности некогда писались после ж, ч, ш, щ, буквы а, у, е, нейотированные, так как первоначально в славянской азбуке написание перед буквою, обозначающею гласную, йота обазначало именно звук йот или близкий к нему, а не служило, как это было после, для передачи смягчения предшествующей согласной. Однако употребление букв а и у после ч может быть удержано, так как ч всюду мягко, а потому и нет надобности обозначать

---

[1]) От этого долгого **ш** мягкого, обозначаемого буквою **щ**, надо отличать долгое **ш** твердое, получившееся из уподобления согласных в старых группах **зш** и **сш**, ср. живое произношение с долгим (двойным) **ш** твердым таких слов, как с ш и б и б е з ш у м н ы й.

здесь мягкости написанием букв я и ю. Что касается буквы щ, то она усвоена для обозначения живых русских звуков шч, или долгого ш; в церковно-славянском языке, по русскому произношению, эта буква читается как шч, заменившее старославянское шт (сама буква щ, церковно-славянское щ, есть по происхождению лигатура шт).

Кроме согласных, образующихся в полости рта (частью при участии и полости носа), есть в языках и согласные, образуемые в гортани, гортанные в тесном и собственном смысле этого термина. Таких согласных, к которым принадлежит, например, так называемое придыхание некоторых западно-европейских языков, в литературном русском языке нет, но в фрикативный гортанный звук перешла задненебная звонкая фрикативная согласная ґ во многих малорусских говорах.

Кроме описанных выше типов русских взрывных шумных согласных существуют еще в сочетаниях взрывной согласной с следующим л (напр., дл) согласные, где обычный разрыв заменяется разрывом, состоящим в отделении языка от боковых зубов. Равным образом при переходе от шумной согласной к следующей носовой (напр., дн) получается характерный шум от опускания вниз подвижной части заднего неба, который особенно ясно воспринимается нами при сочетании с носовой предшествующей взрывной, ср. произношение слов для, дно, тлен, сотня и т. п.

Относительно всех звонких согласных в русском языке нужно заметить, что при положении в конце слова и внутри слова в положении перед глухою согласною старые звонкие согласные изменились в литературном языке в глухие, и если на письме сохраняются в таких условиях написания, обозначающие сами по себе звонкие согласные, то это делается для того, чтобы не разрывать прочных ассоциаций зрительных образов данных написаний и написаний родственных образований, где данный звук сохраняется звонким, находясь в другой фонетической обстановке, например, город, городской мы пишем с д, хотя произносим здесь т, имея в виду такие образования, как города, городу, городов и т. д. Или, напр., когда пишется ложка, ножка, то из род. мн. ложек, ножек ясно видно этимологическое значение буквы ж в им. ед., где в живом произношении существует ш. Обратно глухие перед звонкими стали звонкими. Ср. сбор на письме и збор в произношении, свадьба (и на письме с д) при сват, сватать.

Подобный переход звонких в глухие и глухих в звонкие, не отразившийся на письме, мы находим и при тесном соединении слов в речи; напр., ср. фтоддом (=в тот дом), збратом (=с братом); слово, оканчивающееся в живом языке на ц, перед звонкою согласною в начале следующего имеет уже слитное сочетание дз, ср. атедзбыл (=отец был); равным образом ч при таких же условиях переходит в дж, ср. доджбыла (=дочь была) и т. д.

От общего принципа писать в рассмотренных выше случаях не по современному произношению, а согласно с этимологией, русское правописание отступает: 1) по отношению к приставкам из, низ, воз, раз, без, где перед к, п, т, х, ш, щ, ц, ч, с пишется с; до реформы правописание без сохраняло всюду з, а в остальных приставках и перед с на письме з, как известно, сохранялось, ср., напр., разсеять; 2) в отдельных словах, напр., свадьба, ср. сват (этимологически здесь т), где (древнее къде; здесь корень тот же, что и в кто из къто, а суффикс дѣ, ср. везде, где з тоже не соответствует этимологии, так как корневая часть здесь та же, что и в древнем вьсь=весь).

Раз мы подошли к вопросу о расхождении современной орфографии с живым произношением, то небесполезно будет остановиться и на других, наиболее существенных случаях, при чем в дальнейшем, изображая звуками русского алфавита живое произношение, я для объяснения написаний гласных отсылаю к следующему за этим обзором очерку гласных звуков.

Буквы ф и ѳ (последняя, не устраненная окончательно, несмотря на многочисленные попытки, до самого последнего времени) обозначают один и тот же звук ф, и различие между ними объясняется из того, что было сказано выше на стр. 46.

Звук к перед к, т и ч перешел в живом произношении в х, а мы продолжаем писать к, частью г там, где было некогда г, перешедшее в к и дальше в х; напр., хкаму (к кому), хтибе (к тебе), хчиму (к чему), мяхко (=мягко), нахтей (ногтей) и т. д.

Сочетания букв сч и зч передают на самом деле то, что в других случаях пишется как щ; ср. щем (с чем), щет (счет), ср. далее живое произношение таких слов, как извозчик, разносчик; понятно, что и без чести, без щетки в живом языке звучат как, бищесть, бищоткь и т. д.

Живое двойное (правильнее долгое) ж мягкое на письме передается буквами зж (ср. уезжать, мозжечек) под влиянием образований от того же корня с з (ездить, мозг), в слове вожжи в последнее время принято писать жж. При соединении одного слова, оканчивающегося на з, и другого, начинающегося с ж, в живом произношении получается двойное ж твердое (ср. ижжогъ=изжога, жжыть=сжить). Аналогично мы слышим двойное ш твердое, где пишем сш или зш, напр., шшумъм=с шумомъ, ишшуп=из шуб.

Слово что произносится как што или, без самостоятельного ударения, как штъ; произношение что, чтобы с ч—книжного происхождения под влиянием орфографии.

Звук, передаваемый буквою ц, т.-е. слитное сочетание т͡с, получился в известных случаях из соединения т и с, первоначально разделенных иррациональной гласной, и пишется там, где ясна этимология, в случаях этого рода двумя буквами, ср. детский, светский, делается (в последнем случае ц с долгою первою частью и отвердевшее, подобно старому ц, т.-е. слышится в окончании—тца).

На письме существуют согласные, которые не произносятся. Сюда относятся следующие случаи, где продолжают писать по этимологии: а) в сочетаниях стн, стл, стк (здк) звук т уже не произносится, ср. свиснул = свистнул, л̑есньц = лестница (и далее новообразование лесьнка = лесинка), п̆аслать=постлать, извёскъ = известка, паескъ=поѣздка и т. д.; б) д в группе здн исчезло в живом произношении, ср. безнъ = бездна, познъ = поздно; в) согласная с в сский, сство произносится уже как простое, не двойное (или точнее долгое с), ср. рускъй = русский, искуств = искусств; г) в некоторых отдельных словах сохраняются этимологические группы согласных, уже упростившиеся в произношении; ср. сонцъ = солнце, се́рцъ = се́рдца, чюствъ = чувство.

Окончание род. ед. го пишется с г, тогда как в литературном произношении здесь согласная в; это объясняется влиянием церковно-славянской орфографии, о чем будет сказано подробнее впоследствии.

Мягкость согласных в русском правописании обозначается в том случае, если она зависит от положения согласной перед мягкою гласною, т.-е. перед гласною переднего ряда, написанием особой буквы для обозначения этого гласного звука, ср.

те и тэ, тя и та, тю и ту; этот способ применяется, очевидно, там, где существуют перед гласною и твердые, и мягкие согласные, но, напр., перед и согласные мягкие, перед ы согласные твердые ничем не обозначены, кроме самого своего положения (см. ниже). Во-вторых, мягкость согласной обозначается написанием буквы ь в конце слов и частью внутри слов, а буква ь, как мы увидим дальше, была некогда не только письменным знаком, а соответствовала живой гласной, впоследствии утраченной; эта гласная была мягкой гласной, чем и объясняется мягкость предшествующей согласной. Ср. конь, кость, судьба, борьба, сильный и т. д. Не обозначается мягкость согласной перед следующей мягкой согласной, за исключением, понятно, таких случаев, как борьбѣ, сильнѣе, где пишется ь, так как в формах этих слов, служащих отправными пунктами для правописания, мягкая согласная приходится перед следующей твердой (см. выше), ср. борьба, сильный.

При рассматриваемом положении губные согласные (м, б, п, в, ф) имеют полное смягчение только перед мягкими губными же и частью перед мягкими средненебными к, г, х, ср., напр., любви. вбить, лапки и т. п. с лопнешь, дешевле и т. п., где губные (в данном случае п и в) имеют лишь слабую степень мягкости. Точно также не вполне мягкими являются губные и зубные согласные перед j, ср. пью, бью, объявить, этими объясняется колебание в орфографии (в одних случаях писалось ь, в других—ъ).

На особом положении согласные ж, ш и слитные согласные ц и ч. Первые три (ж, ш, ц) в литературном произношении всюду твердые, а ч всюду мягкое. Различие, напр., между меч и ночь было только орфографическим, вызванным тем, что в первом случае слово мужеского рода. Реформа правописания не устранила здесь неоправдываемого сущностью дела различия, ср. меч и ночь. Если после ж и ш мы пишем всюду и, а после ц, как известно, существует колебание (цикорий, цыфра и цифра, цыновка), то это опять графическое явление, объясняющееся историческим характером правописания. Тем, что ч и щ обозначают мягкие звуки, объясняется отсутствие написания ь в таких случаях, как дочка, ручка, вещный, ср. Ванька, сильный и т. п.

Что касается *гласных,* то, как я разъясняю подробно в общем курсе языковедения, данные звуки речи разделяются на три

класса в зависимости от различий в частях неба, по направлению к которому приподнимается соответственно часть спинки языка, а изменениями взаимного положения этих органов и достигается изменение в общем виде резонирующей поверхности, каковою при образовании гласных и является полость рта, частью полость носа; последняя принимает участие в том случае, когда в нее открыт свободный проход для выдыхаемого воздуха; гласные при этом последнем условии являются носовыми; таковы, например, гласные носовые польского и французского языка.

Итак, гласные бывают или задними, или средними, или передними, смотря по тому, какая часть спинки языка приподнимается по направлению к соответственной части неба. Каждый из этих рядов гласных звуков бывает или нелабиализованным, или лабиализованным, а лабиализованные гласные получаются, когда кроме языка активное участие в образовании гласных принимают и губы, которые более или менее выдвигаются вперед, принимая более или менее кругообразную форму. Кроме этого надо заметить, губы имеют активную роль и при образовании гласных переднего нелабиализованного ряда, принимая вид более или менее узко растянутой щели, но это их участие не кладется в основание классификации, так как оно играет роль дополнительного условия при образовании одного класса гласных. Далее, по степени поднятия языка гласные бывают или нижними, или средними, или верхними, а по различию в напряжении языка широкими при отсутствии напряжения, и узкими при его наличности (напр., русский звук е в слове „в е р а" является широким, а в слове „в е р е" является узким).

Понятно, что сверх того существуют еще гласные премежуточные по месту образования (напр., переднесредние или среднезадние и т. д.) и гласные неполного образования (редуцированные) по отношению к участию голоса; когда же мы говорим шопотом, то голос и совсем не образуется.

К гласным заднего нелабиализованного ряда принадлежат различные звуки а, близкие друг другу в акустическом отношении. Звук а, являющийся в русском яз. не верхним (нижним) и широким, обозначается в русском письме буквою а, а в сочетании с j или в положении после предшествующей смягченной согласной — буквой я. В живом произношении а между мягкими звуками уже переходит в звук переднего ряда, ср. п я т ь, произносимое как п'ӓт'.

К гласным заднего лабиализованного ряда принадлежат верхняя гласная у, средняя гласная о, обе широкие; в современном правописании звук у в сочетании с j или в положении после предшествующей смягченной согласной обозначается буквою ю, напр., юг, леплю; гласные у и о в русском яз. открытые. Вместо у после предшествующей мягкой согласной существует (без ударения) и звук ü, т.-е. верхняя гласная переднего ряда лабиализованная. По условиям русской орфографии о с предшествующей старой мягкой согласной изображается обыкновенно буквою е, так как оно образовалось из этого звука и в большинстве случаев такое его происхождение легко определяется из современного языка; напр., шел, землею и т. д. Знак ё признается в реформированном письме только желательным. После ц, которое отвердело, пишется о, ср. лицо, купцом, тоже после ж, ч, щ, ш последовательно: в твор. ед. женск. рода: душою, свечою, но клячею; в твор. ед. м. и ср. р.: ножом, плечом, клещом, палашом; в окончаниях им. ед. ср. р. (плечо и т. д.), м. р.—ой (чужой и т. д.),—ок (сверчок и т. д.); в фамилиях, как Чижов, Балашов и т. д.; в открытых слогах (шопотом, обжора, трущоба и т. д.); ср. далее различие, проводимое иногда между черт (р. мн.) и чорт; обыкновенно далее пишут шов, душонка, жоны (им. мн.). Надо заметить, что в положении перед мягким звуком вм. такого о слышится ö (ö—гласная средняя переднего лабиализованного ряда, ср. нем. ö), такова гласная в тетя, ср. это слово с тетка.

К гласным среднего нелабиализованного ряда принадлежит русское ы, являющееся гласной узкой, притом верхней.

К гласным переднего нелабиализованного ряда (иначе небного ряда) относятся средняя гласная е, широкое и узкое, и верхняя гласная i (узкое).

Гласная е изображалась в русском письме буквами ѣ, э и е, при чем буквами ѣ и е изображался не только звук е с предшествующей смягченной согласной, но и сочетание jе; последнее мы находим в начале слова (ѣда, если) и в середине слова, если это начало слога (напр., объѣдки, объѣду и обѣду, дѣлает). Сохранение буквы ѣ являлось ненормальным, так как в самом литературном русском языке ѣ совпало вполне с старым е; удерживая букву е и в значении знака для сочетания jэ, мы должны сохранить и букву э. Гласный звук е, как бы он ни обозначался, насколько он сохраняется как е, является в русском

языке широким там, где за ним не следует смягченного, мягкого звука, узкое же е мы находим там, где следуют за ним смягченные согласные: ср., например, лечь, вера, верить, это, эти. Реформа правописания букву ѣ, как известно, устранила.

Что касается звука і, то он обозначался буквами и и і, из которых вторая, как более редкая, легко может быть устранена, а о происхождении различия между написаниями и и і я уже говорил в отделе, посвященном истории правописания. Далее подлежит окончательному устранению буква ѵ, оставшаяся в некоторых словах, заимствованных из греческого, а в самом греческом языке буква, послужившая прототипом славянской ижицы, некогда обозначала звук u, изменившийся далее в ü (к этому классу гласных принадлежит франц. u, нем. ü) и, наконец, в і. Реформа правописания і и ѵ устранила.

Указанные выше гласные существуют в русском литературном произношении в слогах под ударением, что же касается слогов без ударения, то здесь мы находим по закону так называемого акания следующие гласные звуки.

В слоге перед ударением орфографическое о обозначает гласную, совпадающую с гласной, обозначаемой буквой а: напр., вада́, насы́, акно́, ср. валы́, алма́зы; это—то же а, что и под ударением. Такое же а существует в начале слова, если это начало речи, или если это слово приходится после паузы: ади́н, аднаво́. В конце слова а и о являются частью более похожими на а, чем на редуцированную гласную, обозначаемую нами буквою ъ (см. ниже). Гласная, обозначаемая буквами е (ѣ), я в слоге перед ударением, принадлежит к классу звуков, обозначаемых буквами и (і) (т.-е. буквы е (ѣ), я в слоге перед ударением обозначают все одну и ту же гласную, в которой совпали в результате некогда различные гласные); этот звук в произношении большинства не отличается от обычного и перед ударением, хотя можно слышать вместо этого и гласную, которую можно было бы определить, как закрытое е. Ср., напр., систра́, плиту́ (=плету), бида́, висы́, тини́ (=тяни), пити́ (=пяти) и т. д. В положении после ж, ш, ц в слоге перед ударением, в связи с тем, что эти согласные, бывшие некогда мягкими, впоследствии отвердели (см. ниже), мы имеем вместо орфографических е и а (я не пишется, как известно, после букв, обозначающих твердые согласные) гласную не переднего, а среднего ряда (или м. б. среднезаднего ряда), но не—

обычное а, напр., жыра́, шылй (=шалй), жына́, цына́ (=цена) и т. п.

Что касается прочих слогов без ударения, то здесь гласные являются неполными по отношению к образованию голоса, т.-е. так называемыми редуцированными, при чем во 2-м предударном слоге, а также в слоге за ударением они могут становиться очень короткими и даже исчезать при быстром темпе речи. Относительно качества гласных звуков нужно заметить следующее: орфографические о, а совпали в гласной среднего ряда средней же по положению языка; обозначать ее будем условно буквою ъ, при чем при точной передаче звуков речи мы уже должны воздержаться от употребления этой буквы там, где она является только графическим знаком. Напр., съпагй (=сапоги), вѫдиной (=водяной), о́кнъм (=окнам), бало́тъм (=болотам). Орфографические же е (ѣ), и, я являются при указанных выше условиях обозначением гласной переднего ряда верхней, которую мы можем писать условно буквою ь (ср. аналогичное применение знака ъ). Напр., сьрида́ (=середа), бьгатня (=беготня, до реформы бѣготня), пьса́ря́ (=писаря), тьжэло́ (=тяжело), по́льм (=полем), вы́ськ (=высек, до реформы высѣк). После ж, ш, ц является вм. орфографических е и я звук, обозначаемый нами буквою ъ; напр., жънихй (=женихй), шълистйт (=шелестит).

Что касается гласных, обозначаемых буквами и (і)=ы, у и ю, то гласная и в слогах без ударения совпадает с гласною из старого е (см. выше), именно в слоге перед ударением это и без напряжения языка, в прочих слогах без ударения это гласная, которую мы пишем ь (напр., пърава́ль (пировали). В абсолютном начале слова и подобно о звучит яснее, чем в слоге без ударения не перед ударением: извилй. В конце слова и, как и е, звучит частью ближе к и, чем к ь. После ж, ш буква и обозначает уже звук не переднего, а среднего ряда как без ударения, так и под ударением, при чем в слогах без ударения, кроме слога без ударения непосредственно перед ударением, это гласная редуцированная; обозначим ее буквой ы с точкой внизу; напр., ёжык (=ежик), шыракй (=широки). Ср. под ударением жы́л (=жила), шы́л (шила), а также перед ударением жывй (=живи), шыпй (=щипи). Буква ы в слогах без ударения обозначает редуцированную гласную того же среднего ряда; можем обозначить ее буквою ы с точкою наверху

(напр., в ы х а д й̆ (= в ы х о д и). По степени поднятия языка она верхняя, но от гласной, обозначаемой нами ы, она, кажется, все же отличается. Равным образом и у в слогах без ударения не такое звучное у, как под ударением. Буква ю, обозначающая сама по себе звук буквы у, но только после мягкой согласной, в положении в слоге без ударения после предшествующей гласной обозначает в литературном произношении звук ŭ (латинская буква). Напр., в с т а р а ю мы слышим не у, а звук ŭ, который можно бы передать по-русски буквою ў.

Различие между гласными и согласными звуками, как мы видели, не имеет ничего общего с различием звуков слоговых и неслоговых; так, сами по себе и гласные могут быть неслоговыми и согласные слоговыми, хотя действительно обыкновенно в языках слоговыми звуками бывают гласные, а из согласных—промежуточные между гласными и шумными согласными сонорные согласныя. Слоговым мы называем вообще такой звук, который произносится самостоятельным напором воздуха и которому подчинены по силе другой или другие звуки, вместе с ним произносимые в составе того же слога.

В русском языке слоговые согласные вообще неизвестны [1]), а из гласных в неслоговом употреблении известно i̯, обозначаемое буквой й; это i̯ неслоговое встречается в сочетании с предшествующей гласной, образуя с ней так называемый дифтонг; ср. русские дифтонги ай, эй, ой, уй. Что касается букв я, ю, е, которые обозначают, как мы видели, в начале слов и после гласной j + а, у, э, то, может быть, вместо согласного j слышится частью в литературном произношении и i̯, т.-е. i̯ неслоговое.

Ударением слова мы называем вообще выделение слога в ряде слогов, составляющих данное слово, или по силе выдыхаемого воздуха, или по высоте тона, или по тому и другому признаку вместе.

В первом случае мы имеем ударение выдыхательное, экспираторное, во втором—музыкальное, тоническое, в третьем—смешанное, или выдыхательно-музыкальное или музыкально-выдыхательное, смотря по тому, какой из этих двух элементов является преобладающим. В русском языке ударение чисто выдыхательное, экспираторное.

---

[1]) При полной утрате гласной при ускоренном темпе речи в слоге без ударения слоговое свойство и в русском языке передается согласной, ср. я б р т = я брат, о н г р т = он говорит, где р имеет слоговое свойство.

Относительно длительности гласных нужно заметить, что под ударением все гласные являются в литературном произношении более долгими, чем в слоге перед ударением, а в прочих слогах, где они редуцированы, они имеют меньшую длительность, чем обычные краткие гласные.

Исследование состава звуков русского языка с физиологической стороны не дало еще вполне законченных и исчерпывающих результатов по многим крупным вопросам. Ведется оно естественно, главным образом, применительно к литературному произношению. В сводной работе О. Брока „Очерк физиологии славянской речи", Спб., 1910 (в составе Энциклопедии славянской физиологии, вып. 5, 2), основанной и на собственных наблюдениях автора, имеются указания на литературу предмета.

ФОНЕТИКА.

1. Гласные ъ и ь.

В общеславянском языке существовали некогда две гласные, которые занимали особое положение на ряду с другими гласными, здесь существовавшими, это—звуки, которые мы условно будем называть „эр“ и „ерь“ [1]), изображая их соответственными буквами кирилловского алфавита. Говорить „твердый знак“, „мягкий знак“ было бы ошибочно по той причине, что в общеславянскую эпоху и позже, в общерусском языке (т.-е. русском языке в тот период, который предшествовал распадению его на отдельные наречия) это были действительно гласные звуки, существовали они в древнейший период жизни и в прочих славянских языках; в старославянской письменности они изображались особыми буквами, утратившими в позднейшей русской письменности свое значение знаков, выражающих определенные гласные (вследствие исчезновения самих этих гласных) и ставшими только письменными знаками твердости и мягкости согласных.

Гласные ъ и ь в общеславянском языке были гласными более краткими сравнительно с обычными краткими гласными (напр., е и о), т.-е. были так называемыми иррациональными гласными. По качеству звук ъ был, надо думать, близок к о, а звук ь близок к е; отличались они от них бо́льшею закрытостью звука, так ъ

---

[1]) Это, собственно говоря, названия только букв, но так же, как мы условно говорим об общеславянском „ять“, подразумевая под этим не букву, а соответственный звуковой элемент, мы можем говорить и об общеславянских „ер“ и „ерь“. Другие ученые применяют термины „глухие“, „полугласные“ вместо принимаемого мною термина „иррациональные гласные“ для обозначения характерной особенности этих гласных (см. дальше в тексте).

было таким о, которое приближалось к u (латинская буква), а ь было таким е, которое было близко к i.

При известных фонетических условиях эти гласные были менее иррациональными, чем в других случаях.

Именно: 1) по крайней мере в диалектах общеславянского языка в начальном слоге слова под ударением и 2) в слоге, за которым следовал слог с ъ или ь, эти гласные были менее иррациональными. Условно мы можем назвать такие ъ и ь сильными ъ и ь, но только условно и именно потому, что понятие силы относится к другой категории сравнительно с теми признаками, которые отличали оба вида иррациональных гласных общеславянского языка друг от друга. Сильные ъ и ь в русском языке перешли в гласные полного образования (ъ в о, а ь в е); те ъ и ь, которые в общеславянском языке не были сильными и слоговыми, а были слабыми (более иррациональными и неслоговыми), в результате исчезли. Что касается старославянского языка той эпохи, к которой относятся наши тексты, а как мы видели на стр. 9, наши памятники моложе эпохи Первоучителей, то здесь, по свидетельству памятников, ъ и ь сильные переходили в известных диалектах в о и е, ср. в Мариинском Ев. написания **вонъ—вънъ, шелъ—шьлъ, любовь—любъвь, весь—вьсь** и т. п. С другой стороны, наши памятники свидетельствуют о том, что ъ и ь слабые, вообще сохранявшиеся в эпоху возникновения славянской письменности (вторая половина IX в.), с течением времени при известных условиях уже исчезли, ср. в старославянских памятниках **все** вместо **вьсе, псати** вм. **пьсати** и т. д.

В русской орфографии знаки ъ и ь сохранялись в дальнейшем только в качестве письменных знаков, при чем внутри слов между согласными ъ уже нигде не писалось, а ь частью сохраняется и здесь в качестве знака мягкости предшествующей согласной (ср. д о ч к а, р у ч к а, но м а м е н ь к а, т е т е н ь к а и т. д.).

Примеры: 1) старославянское **сънъ**, русское с о н, но ср. родительный единственного старослав. **съна**, русск. с н а; старослав. **съпати** (а слово **сънъ** из * **съпнъ**, утрата **п** перед **н** произошла еще в общеславянскую эпоху) русск. с п а т ь; старослав. **бъдръ**, русск. б о д р; старослав. **дъскѫ** (винит. ед.), русск. д о с к у и далее по аналогии имен. ед. д о с к а́, хотя здесь ъ фонетически должен был исчезнуть, т.-е. фонетическая форма, таким образом, ц к а из т с к а, ср. в древних памятниках д е к а, ц к а; старослав.

суффикс—**ъкъ**, русск.—**ок**, ср. ледок, сынок, ледка, сынка и т. д.; старослав. суффикс—**ъка**, русск.—**ка**, ср. полка, водка, лодка, но полок, водок, лодок; 2) старослав. **вьсь**, русск. весь; ь здесь в настоящее время только письменный знак, обозначающий мягкость предшествующей согласной; род. ед. всего с фонетической утратой ь; старослав. **дьнь**, русск. день, но, напр., дня; старослав. суффикс—**ьць**, русск. **ец**, например, старослав. **отьць**, русск. отец, ср. далее купец, писец, но родит. ед. отца, купца, писца, с фонетической утратой ь; однако. кузнец, кузнеца (и так уже в XIV в.); вследствие утраты мягкости звуком ц в окончании им.—**ец** писался ъ; старослав.—**ька**, русск.—**ка**, например, дочка, ручка, ножка, но правильно в род. мн. дочек, ручек, ножек, где русское—**ек** из—**ькъ**.

Является вопрос, в какую эпоху жизни русского яз. произошел переход ъ и ь в гласные **о** и **е**. На это можно ответить так: в XI в. сильные ъ и ь, повидимому, еще не совпали вполне с гласными **о** и **е**, иначе в церковно-славянских текстах, писанных в России в XI в., мы нашли бы больше случаев замены букв ъ и ь буквами **о** и **е**, согласно с русским произношением соответственных слов. Слабых ъ и ь, повидимому, в XI—начале XII в. уже не существовало, по крайней мере в начальном слоге слова. За это говорит такой памятник, как Мстиславова грамота 1128—1132 г., где в начальных слогах, за исключением двух случаев, последовательно опускаются ъ и ь, строго сохраняемые в прочих слогах. Итак, вполне процесс изменения и утраты ъ и ь закончился только в XII в., диалектически, может быть, в начале XIII в.

Вследствие того, что в русском языке церковно-славянским словам с старыми сильными ъ и ь соответствуют слова с гласными **о** и **е**, и в условном церковном произношении знаки ъ и ь церковных текстов там, где в русском языке являются гласные **о** и **е**, читались как **о** и **е**, иначе они не произносились.

Старые церковно-славянские памятники, писанные в России, представляют случаи неправильного употребления букв ъ и ь, объясняющиеся из сказанного раньше. Правда, в памятниках XI в. еще можно видеть в буквах **о** и **е** вместо ъ и ь отражение свойств оригиналов, а старослав. язык в своих диалектах, как мы видели выше, знал переход сильных ъ и ь в **о** и **е**, но в XII—XIII вв. мы находим уже несомненное отражение живого произношения. Далее, то обстоятельство, что ъ и ь в одних слу-

чаях заменялись буквами о и е согласно с живым произношением, а в других случаях не имели в этом последнем никакого соответствия (ср. сънъ и русское сон), повело к смешению букв ъ и ь с о и е, известному из рукописей XII в.; ср. далее такие искусственные написания, как берьго (берег), миро (мир), дъ (до) в грамоте Мстислава Давидовича, 1229 г.

То обстоятельство, что в словах типа сон—сна, день—дня и т. п. о и е являются в им. ед., отсутствуя в других формах, дало повод говорить о беглых гласных о и е в русском языке. На самом деле, как мы знаем, в сна, дня нет исчезновений о и е; здесь исчезли ъ и ь, перешедшие при других условиях в о и е. Однако, в известных случаях мы имеем действительно исчезновение старых о и е под влиянием аналогии со стороны слов, имевших некогда ъ и ь. Срав. ров (где о старое), рва (в старину рова), урок, народное северное урка, литературное урока; лед (е старое)—льда, старое леда; камень (старое е),—камня; олень, северное ольня, литературное оленя; шесть, северное шти из шсти, но литературное шести.

Мы видели, что в зависимости от различий в фонетических условиях находится исчезновение ъ и ь в одних случаях и переход их в гласные о и е в других случаях; понятно далее, что под влиянием аналогии со стороны одних случаев на другие, связанные с ними по закону ассоциации, появился ряд новообразований. Например, при именительном честь из чьсть родительный единственного должен был фонетически являться в виде чьсти, и далее, чти из чсти (срав. древнерусское чти); в современном языке мы находим нефонетическое чести; глагол чтить из чьстить является при нефонетическом честить: оба дублета сохранились с различным значением. При именительном тесть из тьсть форма родительного фонетического происхождения была в древнерусском языке тсти, цти, сти, и с новым окончанием род. ед. тстя, цьтя; современное тестя—новообразование; в белорусском сохранятся цця, сця. Далее слова собор, собираю, при сбор, сбираю (с фонетической утратой в приставке съ звука ъ) появились под влиянием собрать (из събрати); вошел, сошел, из въшьлъ, съшьлъ под влиянием вошла, сошла из въшьла, съшьла. Из къняжьскъ правильно получилось княжеск и даже по аналогии вм. княжский из кънажьскый имеем княжеский. После согласных на шипящих в современном языке правильные

формы: королевский, плотский, но в древнем языке были известны королевеский, плотеский и т. д. В словах на—ьство подобные соотношения, ср. множество, но богатство (в древнем яз. множтво, мноство, богатєство; ср., однако, не после шипящей современное естество (при древнем ество); здесь аналогия шла, повидимому, по мнению Шахматова, от имен на ествье (ср. невереcтвьe). Из Смольньск, Смольньска должно было получиться Смольнеск, Смоленьска; в настоящее время мы имеем Смоленск, Смоленска, с отвердением н перед с, а в старое время была и фонетическая форма им. ед. Смолнескъ. Из жьрьць, жьньць, жьрьца, жьньца правильно получилось жрец, жерца́, жнец, женца́; так звучали эти формы в древнерусском яз., но в настоящее время мы имеем новообразования жреца́, жнеца́, ср. белорусское женца́, малорусское женця.

В таких случаях как серебро (уже в XII в. при сьребро), золоба (в XI в.) при зълоба, золодѣй (в XII в.) при зълодѣй, Шахматов видит переход ь и ъ в е и о под влиянием следующих е и о; сребро (если не взято из церковно-слав.), злоба, злодей являются с обычной утратой иррациональных гласных в открытом слоге.

Кроме тех случаев, где ъ и ь были старыми звуками [1]), получившимися в общеславянском яз. фонетическим путем из других более древних звуков, в русском языке (и в других славянских языках) мы находим ъ и ь более нового происхождения, явившиеся между согласными, частью по аналогии тех случаев, где ъ и ь были старыми. Гласные о и е из таких ъ и ь мы находим, напр., в следующих словах: уголь (старослав. жгль), огонь (старослав. огнь), молитов (в древн. памятниках=молитв), остер (старослав. остръ), земель (ср. старослав. им. ед. ʒемлꙗ), капель (ср. старослав. им. ед. каплꙗ).

2. Сочетания ъ и ь с слоговыми плавными.

Общерусский язык получил из языка общеславянского сочетания ъ и ь неслоговых с последующими слоговыми плавными.

[1]) Старые ъ и ь получились непосредственно из ĭ и ŭ, но ĭ и ŭ общеславянского яз. сами были различного происхождения, см. в курсе сравнительной грамматики.

В старославянском языке эти общеславянские сочетания получили перестановку гласной и плавной, при чем в диалектах старославянского языка сохранялось, повидимому, слоговое свойство плавных; так следует думать на основании того факта, что в памятниках, знающих изменение сильных иррациональных гласных в гласные о и е, такому изменению не подвергались ъ и ь в составе указанных сочетаний: ср. вонъ с о из ъ при въ нъ, шедъ с е из ь при шьдъ, но пръвъ, пръвъ; влькъ, влъкъ. Из приведенных примеров видно далее, что вм. ь в составе рассматриваемых сочетаний писался ъ, как и обратно вм. ъ писался ь. Здесь мы имеем частью графическое явление, а частью отражение на письме явления самого языка; напр., влъкъ при влькъ случай этого последнего ряда.

Сочетания рь, ръ, ль, лъ старослав. яз. указанного происхождения нельзя смешивать с теми группами рь, ръ, ль, лъ, где такой порядок звуков был старый, и где ь и ъ некогда не отличались от ь и ъ в других случаях (а в сочетаниях рь, ръ, ль, лъ, с перестановкой ь и ъ были неслоговыми, слоговое же свойство принадлежало плавным). Ср., напр., бръвь, русск. бровь, крьстъ, русск. крест, пльвати, русск. плевать, тогда как, напр., старослав. влькъ, влъкъ соответствует русск. волк.

Итак, в русском яз. общеславянские сочетания ь, ъ неслоговые с последующими плавными слоговыми перешли без перестановки. Еще в общерусскую эпоху слоговое свойство плавных было утрачено, и ъ и ь перешли в связи с этим в слоговые сильные ъ и ь, откуда далее о и е. Нужно заметить, что в русск. яз. старое l среднее (латинск. буква) перешло в твердое ł перед всеми твердыми гласными и согласными, в связи с чем предшествующий ь изменился в ъ, за исключением положения после старых смягченных согласных (ч, ж, щ и т. п.).

Примеры: старослав. влькъ, влъкъ, русск. волк; мльчати, млъчати, русск. молчать; пльнъ, плънъ, русск. полный; врьхъ, русск. верх; тръгъ, русск. торг; церковно-славянск. чльнъ, русск. челн; старослав. чрьнъ, чрънъ, русск. черный и т. п.

Сочетания ръ, рь, лъ, ль в старослав. яз., где это был старый порядок звуков, отличались искони, как мы видели выше, от тех же сочетаний с перестановкой, но с течением времени они стали совпадать с ними, по крайней мере, при известных условиях. В русском яз. малорусские и белорусские говоры тоже указывают на то, что в общерусскую эпоху, повидимому, в

указанных сочетаниях ъ и ь имели не вполне ту судьбу, что в других случаях, а именно в положении перед слогом с полной гласной ъ и ь неслоговые слабые перешли в конечном результате в сильные, но отличного от прочих сильных ъ и ь свойства: в великорусском яз. отсюда о и е, а в белорусском и малорусском ы, и [1]), ср. малор. кривавий, дрива, дрижати, слизити, белор. крышиць (=крошить), глытка́, блыха, ср. малор. и белор. ы и и на месте великор. о и е в случаях, о которых говорится в отделе 9. В карпатско-угорских говорах отмечены ир, ил (кирвавий). Правда, в малор. является и кровавий, слеза, но такие случаи легко объясняются, как нефонетические под влиянием кровь, слез. В белорусском в некоторых говорах такие ы и и являются только под ударением. Выпадение ъ и ь мы находим в великорусском в кстить из крьстити. Очень может быть, что сочетания рь и т. д. с старым порядком звуков получили в общерусском яз. по крайней мере перед слогом с полными гласными те же слоговые плавные, что и сочетания неслоговые ъ и ь с слоговыми плавными; в таком случае, понятно, мы и не ждали бы выпадения ъ и ь. Случай типа кстить мог бы объясняться аналогией слов с слабыми ъ и ь не после плавных (кстить—сниться при сон и т. д.). Псков обыкновенно выводят из Пльсков (а такова была форма в древних памятниках), но по новейшим исследованиям Саблера („Известия Ак. Н.", 1914 г., XII) древнейшая форма была Пьсков (древнейшее упоминание этого города под 903 г. в Лаврент. лет.), которое, правда, встречается с течением времени реже, чем Пльсков (Плесков); нам известна эта форма с XIII в. Имя города Псков по Саблеру произошло от названия реки Пьскова́, а это последнее германского происхождения (Pisk-awa), где p заменило у славян чуждый им первоначально звук f в германском слове, обозначающем „рыбу" (срав. современное нем. Fisch, где sch из старого sk), a—awa есть часто встречающаяся вторая половина в сложных по происхождению названиях рек и восходит к германскому слову с значением „вода"; к другому звуковому виду этого слова восходит нем. aa в названиях рек. Что касается формы Пльсков, Плесков, то она

---

[1]) В южновеликорусских говорах такие ы и и отмечены, повидимому, только или в смешанных говорах, или там, где можно предполагать заимствование из белорусского или малорусского (Калужская и Курская губернии).

объясняется Саблером, как результат влияния ассоциации с плескать. Шахматов („Очерк древнейшего периода истории русск. яз.“, стр. 240) кстить считает заимствованием из южнорусского наречия, а Псков выводит из Пльсков, откуда далее формы с l слоговым, затем неслоговым и позднейшею его утратою; такое изменение старой группы ль он считает одним из признаков, относящихся на счет ляшского влияния, см. об этом далее в конце 12 отдела.

3. Удлинение гласных о и е.

Появление слабых неслоговых ъ и ь (см. выше) имело своим последствием удлинение в предшествующем слоге кратких гласных о и е, а также и ö, получившегося из е при известных условиях (перед твердым слогом, см. отдел 6). Объясняется это тем, что гласные иррациональные, образовавшиеся в общеславянск. яз. из полных i и u (латинские буквы) кратких, становясь неслоговыми слабыми в словах, вызывали некоторое протяжение предшествующего слога. Еще в общерусскую эпоху долгота этих гласных исчезла вместе с исчезновением долготы в гласных звуках вообще, но в той группе говоров, которая перешла в южнорусские говоры, долгие о и е сохранились и распались на дифтонги. В галицковолынских памятниках, названных так ак. А. И. Соболевским, подметившим это явление, такое е распадавшееся на дифтонг іе, изображалось буквою ѣ, обозначавшей тот же дифтонг іе, в виде которого старое ѣ сохранялось в южнорусских говорах. Дифтонги іе, іé, из е долгого, уо, уэ, уи из о долгого, юи, юс, юэ из ö долгого, притом частью с звуками ÿ, ö (непосредственно ö долгое получалось при известных условиях из э, см. ниже) мы находим в северномалорусских говорах под ударением—в остальных говорах здесь с различиями по говорам у, э, ы, ÿ из о, из іє—е и і, частью јe, јі, с смягчением предшествующей согласной, а из ö—у, ÿ, і с смягчением предшествующей согласной; в южно-украинском наречии отсюда і, смягчающее предшествующую согласную. Без ударения северномалорусские говоры, сохранившие дифтонги под ударением, тоже обратили их в простые гласные: у и е, и (последние на месте іе). Что касается говоров карпатско-угорских, то в говоре бойков является из с, е в закрытых слогах і, как и в южно-украинском

наречии, в говоре лемков частью і, частью у (из ӧ частью ў), в остальных говорах у, ӧ, ы из о, из старого е перед твердыми согласными, т.-е. ӧ, являются у, ў с предшествующей мягкой согласной (вуз, кӧнь, выз, вюз, вўз), из е, где оно не было перед твердой согласной, і.

Переход дифтонгов в южно-малорусском в і (и в других говорах, где находим стяжение) мы можем проследить по памятникам; іе, продолжавшее писаться через ѣ (А. И. Соболевский первый подметил эту черту в галицко-волынских памятниках, напр., шѣсть, камѣнь и т. п., но шести, камени и т. п.), уже в XIII в. начинает уступать место букве и; уо и ўо из о и ӧ не нашли себе письменного особого выражения, так что писали по традиции о и е, но с XIV в. находятся написания у и ю, а с XV в. начинает встречаться и и.

Примеры из современных говоров, украинские: біб—боб, лїд—лед, кінь—конь, шість—шесть, сім—семь, мід—мед; северномалорусские: кўонь, куо́нь, куэнь и далее кунь; лїед, лїе́д—лед; мюод, мюид—мед. Так как удлинение е, ӧ и о было связано с наличностью в следующем слоге ъ или ь, то при им. біб, мід, лїд, мы, понятно, правильно находим бо́бу, ме́ду, ле́ду; ср. еще ніж—ножа́; нїс—несла́; сїл—(род. мн.)—село́; шість—шести; ка́мінь—ка́мени. Однако, и в области рассматриваемого явления мы находим новообразования по аналогии; так, вм. ледо́к, мы находим лїдо́к, под влиянием косвенных падежей (напр., лїдку́, ср. рус. ледка из ледъка). С другой стороны, при оте́ць род. ед. отця́, хотя в род. ед. (старослав. отьца) мы ждали бы украинское і из удлинения о; Бог при Біг—Бо́га под влиянием церковного языка.

В белорусском яз. (в южных уездах Гродненской губ., в южных, а частью и в северных уездах Минской губ., в Гомельском уезде, даже на севере Могилевской губ. и в Лидском и Свенцянском уездах Виленской губ.) мы находим из старых долгих е и о (так же как и из ѣ) дифтонги под ударением: шыесть, шыёсть (=шесть), хлiеп (=хлѣб), лiес (=лѣс), стоох (=стог), плоот (=плот) с о узким в Слонимском уезде; после твердой согласной вм. і в іе слышится ы. Эти дифтонги, точное определение которых пока еще не сделано для многих говоров, при известных условиях переходят в долгие гласные сложной артикуляции. А. А. Шахматов видит в белорусских диф-

тонгах черту южнорусскую, внесенную в белорусскую речь, южнорусскими ее составными элементами.

О южнорусских камiння и т. д., где закрытость слога с i из е образована утратою и, см. ниже в отделе 9.

4. Гласные е и о в так называемом полногласии.

Полногласием в настоящее время в качестве чисто условного термина обозначается то явление, что в русск. яз. старославянским сочетаниям **ра, ла, рѣ, лѣ** между согласными соответствуют в известных случаях сочетания **оро, оло, ере, ело** и **еле**. Общеславянский яз. в этих случаях получил сочетания гласных о и е с последующею плавною, т.-е. сочетания типа tort, tert, tolt, telt, где согласная t служит символическим обозначением согласной вообще. Следует, однако, заметить, что в старославянском яз. сочетания типа ра, ла, рѣ, лѣ были и другого происхождения, не из общеславянских групп указанного выше свойства, а из старых общеславянских сочетаний (плавная + гласная а или ѣ); в этих случаях и в русск. яз. являются соответственные группы; ср. старослав. **братъ** и русское б р а т, старослав. **плакати** и русское п л а к а т ь; старослав. **грѣхъ** и русское г р ѣ х, старослав. **клѣть** и русское к л ѣ т ь и тому под.

То, что общеславянский яз. некогда имел группы tert, tort, tolt, telt, с гласной перед плавной, откуда старослав. trat и т. д., русск. torot и т. д., определяется сопоставлением славянских языков с родственными; ср. русск. б о р о д а, старослав. **брада** и нем. Bart, где а из старого о, русск. г о л о в а, старосл. **глава** и литовское galwà, где а из о, русск. береза и литовское béržas, нем. Birke (где i из е) и т. д.

Из сопоставления фактов отдельных славянских языков вытекает далее, что группы tort, tert, tolt, telt еще в общеславянскую эпоху подверглись известным изменениям.

Прежде всего следует отметить, что гласная е в положении перед l + согласная переходила в ö в положении после старых смягченных согласных и j, так же, как переходила она в ö и в других случаях после упомянутых согласных; отличие рассматриваемого случая было только в том, что здесь ö в положении перед следующим е было близко к о, более близким, чем ö из е не перед l. Итак, при telt в общеславянском яз. существовало

čölt (č = русскому ч, условно обозначает всякую старую смягченную согласную) с таким ö, которое было близко к o. Дальнейшее изменение сочетаний tort, tert, čört, tolt, telt, čölt состояло в том, что под влиянием долготы плавной в диалектах общеславянского языка происходило удлинение предшествующей краткой гласной. Сами плавные в этих сочетаниях были получены общеславянским языком из балтийско-славянского языка долгими, а в самом общеславянском языке они были в этих сочетаниях слоговыми. Таким образом диалекты общеславянского языка, давшие начало южнославянским и чешско-словацкому языку, получили в результате tart, tērt (tert и čört в их истории не отличались друг от друга), tālt, tēlt, откуда с перестановкой trat, trēt, tlat, tlēt (ср. чешские vrána, sláma). Что касается сочетания čölt, то оно дало частью čölt и далее člat, частью čēlt и далее člēt; последнее фонетически перед мягкою гласною (примеры см. ниже). В диалектах общеславянского языка, давших начало польскому и лужицкому языкам, равно как и в диалектах, лежащих в основании русского языка, не было удлинения гласных. Польский и лужицкий язык в результате получили сочетания с перестановкой: trot, tlet и т. д. (ср. польские wrona, słoma), а в русском языке в общерусскую эпоху между слоговой плавной и следующей согласной развивался переходный гласный звук неполного образования; плавные с течением времени утратили слоговое свойство, и гласная неполного образования перешла в гласную полную, обыкновенно того же качества, что и гласная, предшествующая плавной[1].

Там, где было старое сочетание типа telt, русский язык в связи с изменением l в ł получил олс: **млѣко**—м о л о к о, **тлѣшти**—т о л о ч ь; после старой смягченной согласной, где в общеславян.

---

[1]) Изложенное в тексте понимание общеславянских процессов, происходивших в группах типа tort и т. д., принадлежит Ф. Ф. Фортунатову. Теория Торбьернсона, выставленная этим ученым в книге «Die gemeinslavische Liquidametathese» 1901—3 и изложенная сначала в Bezzenbergers Beiträge, XX, исходит из общеславянской перестановки и принимает, следовательно, что t r o t (с r слоговым) дало в русском t o r o t, где новая гласная первая; эта теория разбивается прежде всего о тот факт, что в малор. в полногласном о р о второе о в закрытом слоге не перешло в i; Торбьернсон в XXX т. журнала Бецценбергера вполне правильно считает редкие малорусские образования типа п о р і г вм. п о р ô г нефонетическими, и пытается отвести силу выставленного возражения указанием на то, что в группе t r o t согласная r была слоговой, и поэтому здесь не было удлинения следующей гласной.

яз. было ѣ, мы находим по-русски еле: шлѣмъ—шелом, жлѣбъ—желоб (произносящееся как жолоб, с о под ударением из е); только перед старою мягкою согласною получилось, повидимому, еле, которое переносилось иногда и в другие формы того же слова: железа или желоза; железа получилось первоначально в такой форме как железе, и далее было перенесено сочетание еле в им. ед.

Так следует понимать историю русских полногласных сочетаний, о происхождении которых было высказано в разное время много предположений. Замечу кстати, что русские сочетания оро и т. д. могут быть и старыми сочетаниями оро и т. д., которые не имеют ничего общего с теми оро и т. д., которые получились из общеславянск. tort и т. д.; ср., напр., русск. берет—старославянск. берeтъ, русск. половина—церковно-славянск. половина и т. п. В этих случаях все славянские языки имеют старые гласные по обе стороны плавной.

В пояснение тех примеров, которые приведены ниже, следуетъ заметить, что различие в месте ударения между óро и оró и аналогичными другими полногласными сочетаниями в том случае, если ударение падает на эти сочетания, объясняется из старого различия в качестве ударения. Именно, в общеславянском яз. ударение заключало в себе музыкальный элемент (ср. современное сербское музыкально-выдыхательное ударение) и было в одних случаях восходящим, в других—нисходящим. Сочетания типа—tort с восходящим ударением дали русские полногласные группы toròt, сочетания типа tort с нисходящим ударением дали русские tòrot. В сербском языке старое нисходящее ударение там, где оно сохранилось, является в виде сербского долгого нисходящего ударения (знак ⌒), а под старым восходящим ударением долгота сократилась, и в результате мы находим так называемое резкое ударение (знак ̏); в чешском яз., наоборот, долгота сохранилась под восходящим ударением (знак долготы ´), сократившись под нисходящим. Примеры: русское вóрон, сербское вра̑н, род. ед. вра̑на, чешское vran, польское gawron; русское ворóна, сербское вра̏на, чешск. vrána, польское wrona; русское зóлото, сербское зла̑то, чешское zlato, польское złoto; русское болóто, сербское бла̏то (с знаком резкого ударения над а), чешское bláto, польское błoto; русское берег, сербское бри̏jег (с знаком резкого ударения над и; и̏je = ѣ), чешское břeh, польское brzeg; русское берéза,

сербское бреза (с знаком резкого ударения над е из ѣ), чешское břiza с *i* долгим из *ѣ*, польское brzoza [1]).

Примеры для сочетания telt и čolt; русское молоко—старослав. **млѣко**; русское толочь—старослав. **тлѣшти**; русское волоку—старослав. **влѣкѫ** (русское влеку—заимствование из церковно-слав. яз., е вместо ѣ писалось здесь, как и в других аналогичных случаях); русское железа при желоза (железа—имеет еле, перенесенное из тех форм, где оно могло возникнуть фонетически, т.-е. перед мягкою гласною, напр., железе), ср. церковно-славянск. **жлѣза**, чешское žlaza и žleza; русское желоб, ср. церковно-слав. **жлѣбъ**, сербское жлијеб, и чешское žleb, žlab; русское шелом, церковно-славянск. **шлѣмъ**. (О происхождении вариантов с la и lѣ см. выше.)

От слов с русским полногласием следует отличать слова с церковно-славянским порядком звуков, вошедшие в русский язык из церковно-славянского. При этом в части случаев мы находим и русскую форму с полногласием.

Если обе формы составляют принадлежность живого языка, то они обыкновенно различаются по значению, в других случаях церковно-славянская форма принадлежит особому стилю. Ср. храбрый, старое хоробрый; млад, младой, при молодой; сладкий, но ср. солод, а также белорусское солодкий, малорусское солодкий; голова, но глава книги, глава государства, городской голова; вред и веред; среда и середа (день недели), но в значении окружающее нас общество только среда; брег (в высоком стиле) и берег; плен при старом и народном полон (это слово служит примером сохранения русской формы в народных говорах, тогда как в литературном яз. русская форма заменена церковно-славянской); влеку и волоку (первое в переносном смысле за исключением высокого стиля, где оно = волоку); шлем при старом шелом и т. п.

Относительно слов типа влеку, среда, вред, брег, пред следует заметить, что и до устранения буквы ѣ писалось здесь е не ѣ, как бы то следовало (в церковно-славянском яз.

---

[1]) В польском яз. rz обозначает звук ж или ш (в конце слов и после глухой согласной), образовавшийся из r мягкого; в чешском языке ему соответствует звук, передаваемый буквою r с знаком ˇ над буквою; в чешском произношении здесь слышится еще довольно явственно элемент r, кроме шипящего согласного.

эти слова с ѣ) под влиянием написаний ере, еле в русских полногласных формах.

Сочетание or + согласная при положении в начале слова в общеславянском языке получало долготу гласной (а плавная r и здесь была долгая и слоговая) и с перестановкой отсюда далее ra в том случае, если было восходящее ударение, ср. русское ратай, чешское rataj, ratej, ср. сербское ра̏тар, ср. литовское árti—„пахать" с нисходящим ударением, соответствующим славянскому восходящему, и русское орать „пахать", где сочетание ор осталось в общеслав. яз. без изменения, так как приходилось перед гласной; русское лакомый, лакать, сербское ла̏ком, чешское lákati, старославян. лакати (есть и алъкати; причина появления группы алъ остается неясной; русское алкать—заимствование из церковно-славянского языка [1]); русское лань, церковно-славянск. лани и алъни; от того же корня с старою гласною е старославянск. ѥлень, русское олень. То же самое общеславянское сочетание в положении без ударения или под ударением нисходящим получило перестановку без удлинения в части диалектов общеславянского языка, между тем как в других диалектах происходило удлинение гласной и затем перестановка. В старославянск. языке были диалекты и одного, и другого типа. Ср. русское локоть, сербское ла̑кат, старославянск. лакъть, ср. литовское alkū́nė „локоть"; русское ладья—лодка, старославянск. ладии, алъдии (и в случаях второго рода в старославянск. языке мы находим почему-то алъ), ср. литовское eldija; русское ровный, старослав. равьнъ и ровьнъ, сербское ра̑вни; русское роз, старославянск. раз (в Супральской рукописи и роз—это диалектическое явление старославянского языка). Русское раз—под ударением—заимствование из церковно-славянского, ср. распря, разум, а без ударения раз—неточное написание по акающему произношению, ср. разбор, рассказать и роскачни; подробности ниже в отделе об аканий.

[1] Ф. Ф. Фортунатов думает, что в старослав. алъ гласная ъ была неслоговой, а потому в эпоху возникновения письменности она могла частью оставаться необозначенной.

5. Второе полногласие.

Этот термин, введенный Потебней, применяется для обозначения: 1) того явления, что старославянским сочетаниям рь, ль, ръ, лъ перед согласной, получившимся путем перестановки из общеславянских сочетаний, „гласные, ъ, ь неслоговые + плавная слоговая“, соответствуют в русских древнейших памятниках сочетания ьрь, — ьръ, ъръ, ълъ, т.-е., сочетания с гласною ь, ъ по обе стороны плавной (ср. русское оро и т. д. — первое полногласие в соответствии с старослав. ра и т. д.); 2) этим термином обозначаются и те русские сочетания полногласного типа, которые получились в живом языке при известных условиях вместо ожидаемых сочетаний: „гласная о или е + плавная“ в соответствии с старославянскими сочетаниями рь, ръ, ль, лъ указанного выше происхождения (ср., напр., народное молонья при литературном молния, старославянск. млънии). Оставив пока в стороне написания старых памятников типа ъръ и т. д., посмотрим, какого происхождения случаи второго полногласия в живом языке.

Сюда принадлежат такие случаи, как веревка (ср. старославянск. врьвь), долог (ср. русск. долгий старославянск. длъгъ), полон (ср. полный, старославянск. плънъ, плънъ), народные диалектические верёх (род. ед. верха́), горб (= гороб), доложно (= должно), зереньё, молонья, Перемь (= Пермь), скатереть, столо́б (род. столба́), четвереть и т. д.; белорусские вяроўка, мо́лоння, малорусские: вiревка, верьовка, ко́ром, то́лок (толк) и т. д.

Главное количество примеров дают северно-великорусские говоры; в древних памятниках XIII в. и позже мы находим примеры второго полногласия, ср. молонья в Летописи, Перемь (Догов. Новг. 1264—1265 г.), полок (Лет. по Ипат. сп.) и т. д. (Во всех указанных случаях слоги с вторым полногласием закрытые, т.-е. такие, за которыми следует слог с исчезнувшей иррациональной гласной (о молонья см. ниже в отделе об и; здесь исчезло при особых условиях именно и).)

Что касается открытых слогов рассматриваемого типа, т.-е. таких слогов с старыми ьр, ър, ьл, ъл, за которыми следовала искони полная гласная, то второе полногласие мы находим в случаях двух различных категорий. Это 1) ясные новообразования под влиянием второго полногласия в закрытых слогах: ср.

при скáтересть и род. скатерети, при кóромь—кóромп с столобом под влиянием стóлоб; до верёха под влиянием верёх; с другой стороны, ср. доложóн под влиянием доложнá; доложно; уменьшительные: холомóк, столобóчек, столобик; глаголы бéстолочить к бéстолочь; твéредить, твередúть (обременять непосильною тяжестью) к тверeдь; образования сравнит. степени: тверя́же, твéреже под влиянием тверед; 2) мы находим второе полногласие в открытых слогах в некоторых немногих менее ясных образованиях, как верёха (толстая жердь, Сарат., Астрах. губ.); полонýшка (сбор разных сельских произведений, Новоторжск. у.), где это второе полногласие тоже, повидимому, результат известной аналогии.

Итак, выясняется, что случаи второго полногласия имеют фонетическое происхождение в закрытых слогах, таких слогах, которые образовались вследствие утраты в следующем слоге неслоговых ъ и ь.

Если мы припомним, что было сказано выше об удлинении старых **о** и **е** в положении в таких же закрытых слогах, то неизбежно является мысль о том, что и рассматриваемое явление фонетически связано с судьбою неслоговых **ь** и **ъ** следующего слога. Можно думать, что старые общеславянские сочетания типа tьrt и т. п. (где t—условное обозначение согласной вообще), где плавная была слоговой и некраткой, сохранявшие слоговое свойство плавной в общерусском языке, в слогах, за которыми следовали неслоговые **ъ** и **ь**, получили долготу в зависимости от редукции и затем полной утраты **ъ** и **ь** следующего слога. Следовательно, в общерусскую эпоху были даны здесь условия аналогичные тем, которые существовали в сочетаниях типа tort, откуда русские сочетания первого полногласия. Некоторые старые памятники в случаях второго полногласия пишут в слогах закрытых **оро, ере, оло, еле**, а также **ъро, ъло, ьре**, ср. молонья, полок (=полк) в Летописи; твеРъдъмь в Успенском сб. XII в. чьренцем Новгор. Пролог 1262 г., череньци, Кормчая 1282 г.; в открытых слогах мы находим аналогичные написания или в ясных случаях новообразований (пълъны Успенский сб. XII в. под влиянием им. ед.), перестень Чудовский сб. XIV в. под влиянием косвенных падежей, напр., перестеня из пьрстьня, или в немногих не вполне ясных для нас образованиях (напр. городость).

В древнейших памятниках XI—XIII вв., уже Остром. Ев., Сб. Святослава, мы находим, как было сказано выше, написания с

ъ и **ь** по обе стороны плавной (**ъръ** и т. д.), и притом не только в слогах, за которыми следовали слоги с полными гласными (въръхъ, съмърьти, пърьстомъ и т. п.). Потебня предположил, что эти написания выражают живое русское произношение со вторым полногласием. Однако безразличное употребление написаний рассматриваемого типа как в случаях, где действительно могло быть второе полногласие, так и в случаях, где оно если и является, так только как результат влияния аналогии, наводит на мысль, что в этих написаниях, вслед за Ягичем, мы должны видеть искусственные написания, представлявшие комбинации русского живого произношения с гласной перед плавной с церковно-славянской графикой, требовавшей **ъ** и **ь** после плавной. Именно, писец, написав по русскому произношению, напр., **ър** и заглянув в оригинал, исправлял свою ошибку и писал еще раз **ъ** после плавной. Этим объясняется непоследовательность писцов в применении таких написаний, а также и то, что последние преобладают только в некоторых текстах. Однако, с другой стороны, нельзя сомневаться и в том, что в условном произношении церковно-славянских текстов на Руси, где церковно-славянский язык был языком мертвым, сохранившимся по традиции в церковном употреблении, подобно другим условностям, существовало и произношение церковно-славянских написаний **рь, лъ** и т. д., с двумя гласными: перед и после плавной. Об этом свидетельствуют старые стихирари, где нотные знаки стоят над обеими буквами **ъ** и **ь** в сочетаниях типа **ъръ, ьрь**.

6. Гласная е.

1) Гласная о из е в начале слов.

В русском языке существует известное количество случаев, в которых начальное о является не старым о, а получилось из старого е [1]. Именно, сопоставление фактов отдельных славянских

---

[1]) Из сравнения славянских языков с другими родственными языками мы узнаем, что начальное **е** в общеславянском языке получило **i**, т. е. **i** неслоговое, откуда дальше **j**, ср. общеславянск. **jestь** (старослав. **ѥсть**; **ѥста**), с лат. **est**, нем. **ist** (где **i** из **e**), в других случаях **i̯**, **j** в начале слов перед **е** было старым, напр., таково **и** в старосл. **ѥго**, р. его, ср. древнеинд. местоименную основу **ya**,—где **y** обозначает **i**, а **a** получилось из старого **ə**; в слав. **ѥ** гласная **е** из **о** после **i**.

языков с несомненностью указывает нам на то, что в начале слов сочетание je обращалось при известных условиях в e, т.-е., что j исчезало в известных случаях.[1]). Условия этой утраты в различных диалектах общеславянского языка были неодинаковы. Указания на общеславянское e такого происхождения дают языки русский, старославянский, из числа западных славянских языков—язык нижнелужицкий. В русском языке мы находим о, в старославянских текстах русской редакции и в Супрасльской рукописи, различающих написания є и ѥ (т.-е. e и йотированное e), ѥ), в нижнелужицком языке является he, где h обозначает звук фрикативный задненебного класса, существующий, напр., в русском Бога, а в южнорусском вообще в соответствии с северновеликорусским и московским г; это h, очевидно, позднейшего происхождения. К случаям с начальным общеславянским диалектическим e принадлежат следующие слова с русским о: о з е р о, старославянск. ѥзеро — в О. Ев. 4 раза єзеро, 1 раз ёзеро (при ѥзеро в Супр. рукоп.), о с е н ь, в старославянских текстах это слово не встречается, в церковно-славянских памятниках—ѥсень; о л е н ь, старославянское єлень при ѥлень, нижнелужицкое heleń при jeleń. Ср. далее о с е т р при польском jesiotr; о с е. В словах рассматриваемого типа слог, следующий за начальным общеславянск. je, откуда далее диалектически e, заключал гласную e. Во-вторых, о такого происхождения является перед i следующего слога, ср. о д и н, старослав. ѥдинъ (в О. Ев. только один раз єдинъ, а в Супрасльск. рукописи редкие случаи с є подобно тому, как и в других словах с начальным ѥ только в единичных случаях здесь пишется e), русское о в и н (но ср. белорусск. е в н а, ё в н я, ё в н а, малор. є в н я, где между в и н исчез ь); малорусск. о ж и н а, ср. р. е ж е в н к а; древнерусское о л и к о (О. Ев. всегда ѥлико, Супр. рук. в единичных случаях єлико, обыкновенно ѥлико), имеют в следующем слоге гласную и. Малорусское о р я б и н а (р я б и н а), о р я б о к (р я б ч и к), ср. нижнелужицкое herěbina при jerěbina—р я б и н а, не имеет соответствия вполне тожественного в великорусском языке, так как здесь родственные слова имеют другой фонетический вид. В этом слове утрата j произошла в слоге, за которым следовал

[1]) Начальное jу в общерусском яз. тоже диалектически давало у; ср. уже в древнейших памятниках оугъ, оунъ, оуноша, старослав. юнъ, юноша, югъ. Некоторые южные говоры сохранили jу—малор. югъ, юха, бѣлор. юшка. Русские юг, юноша, юный, повидимому, заимствованы из церковно-славянского, ср. уха.

слог с старым е носовым, откуда русское а после мягкой согласной (буква я). Неясным остается малорусское диалектическое јалина при їль, єли (ель); попытку объяснения находим у Шахматова, „Очерк древн. периода истории русск. яз.“, стр. 141.

Итак, только перед и и е (неносовым и носовым) следующего слога фонетически мы имеем в русском яз. о при ѥ в начале слов других славянских языков. Понятно, что такие слова, как ель, есть, евня (с старым ь между в и н) и др. не должны были получить начального о. С другой стороны, ясно, что одного, одному при один вызваны влиянием этого последнего, фонетические формы были бы единого и т. д.; известны они в северновеликорусских говорах; обратно ели под влиянием им. ель.

Звук о в начале слова непосредственно из е мы находим в некоторых заимствованных словах Олёна (по акающему произношению пишется и Алёна), ср. литературное Елена (это имя собственное взято из греческого), Олег, Ольга, заимствованные из скандинавских Helgi, Halga [1]), Остап, ср. Евстафий.

Что касается древнер. одъва при современном едва, още при современном ещо, эщо, то здесь, повидимому, старое чередование е и о (ср. сербское још, где ј под влиянимм параллельной общеслав. формы с начальным је).

2) Изменение е в о с предшествующею смягченною согласною. Такое о в письме пишется частью как е (ср. несем), частью как о (купцом; ц—согласная отвердевшая).

В прежнее время применяли для такого о знак ё, который неправильно называют знаком „йо“; йо есть сочетание двух звуков, тогда как в данном случае мы имеем только о в положении после смягченной согласной, частью согласной в настоящее время твердой из старой мягкой. В виду того, что русское письмо не может непосредственно передать мягкости согласной перед о, приходится или сохранить написание буквы е, или при-

---

[1]) В Журн. Мин. Нар. Просв. за 1913 г. П. К. Коковцов поместил важную для русских историков статью „Новый еврейский документ о хозарах“, где приводит имя русского князя Олега в форме Halgu (можно читать и Helgu, так как по условиям древнееврейского письма гласная между Н и l не обозначена), подтверждающей документально скандинавское происхождение этого имени.

менить знак ё, допускаемый (но не обязательный) реформированным правописанием.

В современном литературном языке изменение е в ё мы находим в слоге под ударением, если дальше не следует мягкого звука, ср. несём, но несéние (хотя слог под ударением, но следующий слог мягкий). Что касается слогов без ударения, то и в литературном, и в южновеликорусском языке мы находим здесь по закону áканья (о котором см. ниже) гласную и или близкую к и, в сильно акающих говорах и а с предшествующею смягченною согласною (ср. московское систра, рязанское сястра).

Итак, в акающих говорах мы и не можем ждать примеров для ё из е в слоге без ударения. Вышеуказанные условия, определяющие появление ё из е в литературном и южновеликорусском языках, касаются тех случаев, где ё получалось фонетически. Сверх случаев этой категории мы находим в ряде слов ё в таком положении, в котором оно не могло получиться фонетически и появилось вследствие влияния аналогии со стороны родственных образований, имеющих фонетическое ё, ср. напр. идёте, ведёте, вместо идете, ведете, под влиянием фонетических идём, ведём; тётя под влиянием тётка; рублёвик под влиянием рублёвый; землёю, душёю (пишется душою) под влиянием женою, рукою. Кроме ё из старого е мы находим ё вместо е и из старого ь; ср. пёс из пьс, дён, народную форму род. множ. от день. Это свидетельствует о том, что и старый ь в ту эпоху, когда он еще сохранялся в русском яз. в качестве особого звука, подлежал изменению, аналогичному тому, какому подвергалось старое е при наличности известных условий, о чем см. ниже.

Случаи, в которых мы находим в литературном языке е под ударением, неизмененным в ё, несмотря на наличность следующего твердого слога, распадаются на несколько категорий. 1) Мы имеем ряд слов, в которых сохранение е—явление мнимое, объясняющееся условиями орфографии; именно, в таких случаях как блеск, мелкий, треск—мы имеем старое ѣ (ср. польские blask, miałki, trzask, где a из ѣ) и только пишем е; такие слова, как пред, вред—церковно-славянские по происхождению (ср. русские перед, веред), следовательно, здесь было ѣ, которое в церковном условном произношении на Руси звучало некогда, как е; 2) сохраняют свое е слова, вошедшие в этом звуко-

вом виде из церковно-славянского языка, типа небо, крест, пещера, лев (как собственное имя и Лёв), блажен и т. д.; 3) в ряде случаев следующий за е слог, твердый в современном языке, некогда был мягким; это, следовательно, а) слова, в которых за е приходилась некогда мягкая согласная, отвердевшая лишь впоследствии вследствие того, что она непосредственно соприкоснулась с следующей твердой согласной, от которой ее отделял неслоговой ь, исчезнувший из языка: почтенный (изъ почтеньный), душевный (изъ душевьный), ср. душевен, где е из ь, земский (из земьскый, ср. диалектическое земьский с мягким м), женский (из женьскый), учебный (из учебьный) при нефонетическом учёбный, объясняющимся влиянием существ. учёба; б) ср. слова типа отец, купец, делец, где е сохранилось правильно, так как ц некогда была мягкою согласною; ранним отвердением ж и ш объясняется ё в случаях ёж, платёж, одёжа, несёшь и т. д.; 4) наконец, мы имеем ряд случаев, где е сохраняется под влиянием родственных образований, где е не подлежало изменению в ё; ср. отместка под влиянием месть; щелка (при щёлка) под влиянием щель; слова с не, напр., неслух, нехотя, недоросль и т. п., имеют не под влиянием не в тех словах, где оно не подлежало изменению в нё.

В белорусском языке, знающем аканье, мы находим ё из е; как и в южновеликорусском, только под ударением, а в северновеликорусском наречии мы встречаем ё из е и в слоге без ударения: ср. олонецкие жона, племянничок, чоловек, ёго, ёму (а под их влиянием и ён, вм. он), сёстра, озёро (былины, записанные Гильфердингом). В говорах известно и е вм. ё, ср. несу́, весна́, но это е нефонетического происхождения или специальное явление, связанное с надвигающимся аканием (см. отд. 11).

В малорусском языке о из е является (вне зависимости от ударения) после шипящих и j, а также и в некоторых других случаях (объяснение см. ниже); ср. жовтий, жона, чого, чорний, чоловік, чотири, шовковий, пшоно, льон, сльози и т. п.[1]).

---

[1]) При указанных условиях мы находим в малорусском и е: шелест, печера, жена, (льóду) леду и т. п. Случаи и того и другого рода не могут быть фонетическими для одного и того же говора, и случаи с е должны быть объясняемы частью тем, что это—слова книжные, частью влиянием аналогии. С другой стороны, напр., трьох объясняется влиянием двох, всьóго влиянием тóго и т. д.

В старых памятниках мы находим передачу звука ё через о, начиная с XII в.; обыкновенно о пишется только после шипящих и ц, так как в других случаях приходилось бы отмечать особыми знаками мягкость предшествующей согласной; ср. попытки такого обозначения типа д ь ь о т ъ изъ д ь н ь-т ъ; писали иногда даже прямо о (напр., о з о р а, м о р о м ъ, т.-е. м о р ё м ъ и т. п.).

Тот путь, которым шло в русском языке появление звука ё из е и на месте е из старого ь, может быть нами восстановлен приблизительно в следующем виде. Уже раньше (см. отдел о полногласии) мы видели, что в общеславянском языке после смягченной согласной и j гласная е изменилась перед твердым звуком в ӧ, которое было особенно близко к гласной о в положении перед плавной l+согласная. Русский язык в эпоху общерусскую получил смягчение согласных в положении перед мягкими гласными; следовательно, перед е все согласные были мягкими; поэтому в общерусском языке звук ӧ получил новую сферу распространения, и в результате всякое е перед твердой согласной обратилось здесь в ӧ. Параллельно с изменением е шло и изменение ь, который при тех же условиях изменился в общеславянскую и в общерусскую эпоху в звук известного вида ü (к разряду звуков ü относится, напр., немецкое ü).

В положении перед мягким слогом не после старых смягченных согласных (шипящих) в общерусском яз. е было узким (напр., ср. современное е узкое въ с е л е).

После старых смягченных согласных (ж, ч, ш и т. д.) общерусский язык имел, повидимому, из старого е гласную ä (так мы условно обозначаем е склонное к а, т.-е. нижнюю гласную переднего ряда) при том условии, если дальше следовали гласные переднего ряда. На это указывают северновеликор. диалектические: ж а н и х, ж а л е з о, п ш а н и ц а, ж а л е т ь, малорусские диалектические: щ а п и т и, ч а с н і к (=ч е с н о к), з а л ї з о (=ж е л е з о). Далее, такое же а существовало и после і неслогового в конце слова, ср. л и с т ь я (из л и с т ь ѥ), у г о л ь я (у г о л ь ѥ), малор. к а м і н н я, ж и т т я́ и т. п. Наконец, такое же ä существовало в диалектах общерусск. яз. и после всех согласных в конце слова, так как перед старым е в результате все согласные смягчились, ср. северновеликор. д а й т я, г р у́ з и т я (2-ое л. мн. ч.), древние с ы н о в я, т а т а р о в я (из с ы н о в е, т а т а р о в е им. мн., см. ниже); однако древнее е с м я из е с м е, современ-

ные меня́, тебя́, себя́, образовались, надо думать, из ссме, мене без самостоятельного ударения, так как гласная ä переходила в северновеликорусском в а, повидимому, только без ударения, ср. спите́, ходите́. Итак, изменение е в ä общерусское (ср. факты малорусского яз.) повело в результате к появлению а этот переход совершился довольно рано, вероятно, еще в общерусскую эпоху. В старых памятниках мы находим написание а, напр., в Лаврентьевской летописи: трупья, в московских грамотах меня, тебя, есмя в Двинских грамотах и т. д.

Остается еще разъяснить один вопрос: к какой эпохе относится изменение е в ö, т.-е. не имеем ли мы достаточных оснований возводить начало этого явления к общеславянскому яз. Раньше мы видели, что е после старых смягченных согласных переходило в ö в общеславянском яз. (см. в отделе о полногласии), т.-е. что сочетания jé, če, že, вероятно, звучали как jö, čö, žö, коль скоро дальше не следовало мягкого звука. Тот факт, что это явление в своих началах общеславянское, особенно ясно выступает из анализа судьбы старых сочетаний типа čölt, где, как мы видели, в зависимости от следующего l само ö было особого рода. Далее, довольно обычные русские в древних памятниках шо, жо в конце слова вместо этимологических ше, же (напр., княжо-княже, шедъшо-шедше (им. мн.), ащо) указывают тоже на старое ö, ибо после согласных, получивших смягчение в самом общерусском языке, не старых мягких, какими были шипящие и j, получалось в общерусском ä, откуда далее а. Такие формы, как уголья, где ья из ije, могли бы найти себе объяснение в том предположении, что здесь был не j, после которого мы ждали бы ö, а неслоговое i.

В малорусском языке гласная ö из е и то ö, которое непосредственно из ü, т.-е. старого ь, вместе с е перешли в гласную среднего ряда, откуда далее е, не смягчающее предшествующей согласной; поэтому мы находим здесь, напр., берег=бэрэг в соответствии с великорусским берег; понятно, следовательно, что здесь мы находим то же э (а в слоге без ударения в диалектах и и) в соответствии с великорусск. ё; несемо, метемо, читаются нэсэмо, мэтэмо и т. п. [1]). В положении после ста-

---

[1]) В современной орфографии е, которое не смягчает предшествующей согласной, пишется обычно буквою е, а то е, перед которым согласная мягкая, равно как и сочетание je, передается обращенной направо буквою э.

рых смягченных согласных и j переход ö в o совершился, очевидно, раньше. Вот почему мы в малорусском языке находим o в положении после этих согласных (примеры см. выше). С другой стороны, там, где согласная не могла отвердеть, поддерживаемая аналогией со стороны родственных образований, мы тоже в результате находим o: ср. л'óн (с мягким л) под влиянием л'нý (пишется льон, льну).

Относительно великорусского и белорусского языка следует заметить, что здесь звук ö (из ö и ü), перешедший далее в o) распространился дальше своей первоначальной сферы. Именно, в конце слова после i неслогового фонетически старое e перешло в очень открытое e, которое можем условно обозначить написанием ä, откуда далее а: ср. колья, деревья (из колье, деревье), но ср. далее образования типа дубьё, копьё и т. п., твоё и т. п. где o с предшествующею мягкостью объясняется влиянием со стороны образований среднего рода на o—типа окно, где перед o согласная твердая. Северновеликорусские спитё, хотитё, белорусския стоицё, сидзицё также объяснялись бы нефонетическим распространением звука ö—o.

По поводу таких образований, как листья, колья, получившихся из старых листиѥ, колиѥ с собирательным значением, следует заметить, что в числе форм им. мн. ч. муж. рода в русском яз. на а (орфографич. а и я) мы находим: 1) случаи только что рассмотренного типа; 2) собирательные формы ж. р. типа братья, зятья, господа: такое слово, как, напр., братья (братиꙗ) в старом языке является еще в форме ед. ч., ср., напр., в Поучении Владимира Мономаха: отъ братья моея; 3) старую форму им. вин. двойственного числа на а: городá, рогá, глазá и т. п.; эти образования характерны для великорусского языка в отличие от белорусского и малорусского. Собирательные слова листья, братья стали склоняться, как форма мн. ч. слов муж. р. лист, брат под влиянием того, что и в самом муж. р. появились образования им. мн. на а, где это а из e: ср. людья из людиѥ, гостья из гостиѥ (старый им. мн. ч. у имен м. р. с основами на i типа путь кончался некогда в общеславянском яз. именно на ije; такое образование сохранилось еще в старославянском яз., а в русском яз. эти слова перешли в класс основ типа конь, т.-е. мягких основ класса раб, старые же основы на i, ж. р. типа ночь, кость, в русск. яз. уцелели); дворяня, татаровя, из дворяне, татарове, а под влия-

нием того, что в других падежах согласная перед окончанием не была мягкой, появились дальше новообразования: бояра, мещана; с течением времени образования на неударяемое а исчезли, заменившись образованиями на ья́ (сыновья́ вм. сы́новя, ср. старосл. сынове), но а под ударением сохранилось и переносилось даже в образования ж. р. зеленя́, озимя́, податя́. Образования типа людья, гостья у старых основ на і заменились им. мн. на—и (люди, гости) вследствие смешения их с основами класса конь.

7. История ѣ.

В современном литературном языке буква ѣ имела до последнего времени значение письменного знака, обозначающего ту же гласную, которая обозначается в других случаях буквою е; следовательно, в произношении ѣ от е не отличается. Звук е всякого происхождения имеет в русском языке два оттенка в произношении; в положении перед мягким звуком гласная е звучит узко; в положении перед твердой согласной е звучит широко; ср., например, вѣ́ра—вѣ́рить; день с узким е; отец с широким е; в положении без ударения звук е, как бы он ни изображался и какого бы он ни был происхождения, в литературном языке и южновеликорусских говорах подлежит закону акания (см. пункт 11).

Что касается старославянского языка, то в глаголической азбуке нет особого знака для ѣ, а один и тот же знак обозначал и кирилловское ѣ, и кирилловское ꙗ, т.-е. в диалектах глаголических текстов ѣ произносилось, как сочетание ꙗ или во всяком случае близко к нему. В кирилловских текстах, где существовали особые буквы для ѣ и для ꙗ, написанием ѣ обозначалось сочетание звуков, отличавшееся от сочетания ја, изображавшегося буквою ꙗ; произносилось оно в различных диалектах различно.

Сопоставление между собою славянских языков заставляет нас думать, что в общеславянском языке то сочетание звуков, из которого получилось в старославянском ѣ, звучало, как сочетание гласных іе одного слога. В польском языке старое ѣ дало а после мягкой согласной в положении перед твердой зубной в широком смысле этого термина, иначе е с смягчением предше-

ствующей согласной; ср. польские —wiara—русск. вѣра, и wierzyć—русск. вѣрить (буква i в польском письме перед гласной обозначает смягчение предшествующей согласной, а rz обозначает звук ж (или ш после глухой согласной и в конце слова), развившийся из мягкого r).

Таким образом общерусский язык некогда получил ѣ в виде сочетания ie одного слога.

В белорусском языке ѣ вообще совпало с е, но в говорах, имеющих дифтонги из старых е и о долгих (см. выше) и на месте старого ѣ мы находим дифтонги в слоге под ударением, ср., напр., в Слонимском уезде на вазіе, на дварые и т. д.

В малорусском языке из старого ѣ находим в южномалорусском наречии і, в северномалорусских говорах под ударением сочетания іе, іе̇, те же дифтонгические сочетания, которые явились здесь и из е (см. выше о протяжении е и о): напр., віра, хлїб, біч и т. п.

В старых текстах, названных ак. Соболевским галицко-волынскими, т.-е. таких, в которых отразились особенности южнорусских говоров, лежащих в основании малорусского языка, написание ѣ, обозначавшее іе, применялось и для обозначения іе из долгого е (см. выше); что же касается написаний буквы е вместо ѣ в таких случаях, как, напр., курвспе вм. вспѣ (3-ье л. аор. от глагола въспѣти), то они в церковных текстах этого происхождения не отражают живого произношения, а являются отражением условного церковного произношения, в котором ѣ произносилось, как е. С другой стороны, в памятниках XI в. (Изборники Святослава) мы не имеем права ждать буквы ѣ для обозначения іе из е долгого, так как дифтонгизация е долгого произошла в XII в.

В северновеликорусских говорах по отношению к судьбе старого ѣ могут быть выделены следующие группы: 1) поморская, обнимающая все Поморье (Архангельскую губ. кроме южной части Шенкурского уезда и север Олонецкой губернии, приблизительно до уровня г. Повенца), где ѣ произносится как е[1]; 2) олонецкая

[1]) Встречается, впрочем, диалектически и в открытом конце слова; вероятно, это результат перенесения из тех случаев, где оно получилось в конце слова без ударения: на дорóги и далее на́ конѝ; см. стр. 108. В диалектах поморской группы е из ѣ произносится всюду с закрытым оттенком как перед твердым, так и перед мягким слогом.

группа (в бо́льшей части Олонецкой губернии, кроме севера, восточных частей Каргопольского и Вытегрского уездов, вошедших в третью группу, а также Лодейнопольского уезда, принадлежащего к новгородской группе), где ѣ в одних говорах произносится в слогах под ударением как и или е близкое к і перед мягким слогом и как е обыкновенно закрытое перед твердым; в других говорах этой группы ѣ под ударением перешло в е закрытое или даже близкое к і перед мягким и твердым слогом одинаково; в слогах перед ударением ѣ произносится обычно как и или е близкое к і перед мягким слогом и как е перед твердым слогом; 3) вологодско-вятская группа (в Вологодской, Вятской, Пермской, губерниях, в бо́льшей части Шенкурского уезда Архангельской губернии, в восточной части Новгородской губернии на восток от Устюжского и Тихвинского уездов, захватывая восточные части этих последних), на востоке Олонецкой губернии, см. выше, и на севере от Волги в Ярославской и Костромской губ.; в Ярославской губернии говоры этой группы отмечены и к югу от Волги в Рыбинском и Мологском уѣздах [1]); здесь ѣ после ударения звучит как е, тоже и в конце слова; под ударением и перед ударением при следующем мягком слоге как и, перед твердым как е (обыкновенно закрытое) или і͡э только под ударением, а перед ударением как е или как о, однако, в некоторых архаических говорах Тотемского и Кадниковского уезда Вологодской губернии ѣ звучит как і͡э под ударением перед твердым и мягким слогом без-различия; в конце слова без ударения и вообще после ударения на месте ѣ имеем здесь е; 4) западно-новгородская группа (в западных уездах Новгородской губернии, в Лодейнопольском уезде Олонецкой, в Петроградской губернии и Порховском уезде Псковской губернии, а также в Вышневолоцком и Весьегонском уездах Тверской губ. (к западу от р. Мологи) и м. б. в прилегающем углу Бежецкого уезда); здесь е всегда звучит как и кроме слогов после ударения, где мы имеем е; есть, однако, тут говоры, имеющие е закрытое при всяком положении старого ѣ; 5) владимирскоповолжская группа (окающие говоры Тверской, Московской,

---

[1]) В Ярославской и Костромской губерниях границею между третьей и пятой группой служит р. Волга, - кроме небольших частей Рыбинского и Мологского уездов Ярославской губернии, где говоры третьей группы отмечены к югу от Волги и частей Макарьевского и Варнавинского уездов Костромской губернии, где говоры пятой группы существуют к северу от Волги.

Рязанской (Егорьевский уезд), Владимирской губерний, а также в губерниях среднего и нижнего Поволжья, Уфимской и Оренбургской); в этой области ѣ совпало с е, звуча как е открытое перед твердым слогом и как е более закрытого оттенка перед мягким слогом; однако, здесь отмечены говоры, имеющие в слоге перед ударением о (рёка).

В старом московском говоре, основа которого северная, повидимому, ѣ не совпадало с е еще в XVIII в.; ср. слова Тредьяковского в „Разговоре об орфографии", что согласные перед ѣ имеют здесь бо́льшую мягкость, чем перед е. Описание переходного лекинского говора в Егорьевском уезде Рязанской губернии (А. А. Шахматов, „Описание лекинского говора", Изв. Отд. р. яз. и слов., т. XVIII, 4) свидетельствует о том, что здесь ѣ под ударением звук средний между е и и, переходящий иногда в и или даже ие. В одном из говоров Ардатовского уезда Нижегородской губернии ѣ перед ударением произносится как и, а старое е в таком положении в и не переходит. В Костромской губ., в переходных говорах известно и из ѣ перед мягким слогом. В большинстве же переходных говоров ѣ совпало с е, как и в южновеликорусском, но ср. йе из ѣ под ударением в Землянском, Задонском и Епифанском уездах, а также в одном месте Рязанского уезда.

В старых северновеликорусских памятниках по употреблению буквы ѣ определяют следующие группы: 1) ѣ и е не смешиваются, нет и вм. ѣ, только в начале слова или после гласной пишется е вм. ѣ (ѥхати, ѥ ѥ = древнерусск. е ѣ); такое же смешение является и в церковных словах; сюда принадлежат: бо́льшая часть нецерковных текстов новгородского происхождения XIV—XVI в. и московские грамоты XIV в.; такая орфография свидетельствует о произношении ѣ как іе; 2) в московских грамотах XV—XVII вв. и некоторых других северных памятниках того же времени ѣ смешивается с е без ударения; 3) ѣ смешивается с е при всяком положении (некоторые новгородские грамоты XIII—XV в., некоторые двинские грамоты XV в. и др.); 4) ѣ заменяется буквою и или смешивается с нею в одних памятниках только перед мягким слогом (в остальных случаях ѣ пишется или правильно, или смешивается с е); в других памятниках при всяком положении в слове (в некоторых новгородских памятниках XIV в. и позднее, некоторых двинских и псковских; здесь же иногда является и е вм. ѣ).

Особо заметим случаи, в которых ѣ перешло в и еще в общерусскую эпоху при условиях, еще не вполне выясненных; ср. дитя́, дитя́на при дети, (дѣти), снигирь, сидит из сѣдит; мизинец, ср. старослав. мѣзиньць, малор. сидїти, дитина, мизинний; белор. сидзиць (и т. д.). Можно думать, что переходило ѣ в общерусском яз. в и без ударения перед слогом с следующим мягким гласным. М. б, переход был фонетическим только перед і, а затем влияние аналогии распространило это и далее; таким образом объяснялись бы случаи типа дитя, сидят, сидеть и т. п. К старым явлениям принадлежит также переход ѣ в и в конце слова без ударения в северновеликорусских говорах. Некоторые говоры знают такое и из ѣ и под ударением в конце слов, но это, повидимому, случаи, вызванные влиянием аналогии.

Гласная ё на месте старого ѣ в таких случаях, как гнёзда (писалось гнѣзда, и здесь ѣ старое, ср. польское gniazdo), вёдра (писалось е вместо ѣ, ср. польское wiadro), объясняется влиянием аналогии со стороны случаев типа село—сёла; звезда—звёзды (писалось звѣзда—звѣзды, и здесь ѣ старое) объясняется влиянием со стороны жена, жёны. Что касается слова сёдла (писалось сѣдла), то здесь не было ѣ (ср. древн. седъло, польское siodło, где о из е перед твердою зубною), цвёл (писалось цвѣлъ) правильно, так как образовалось из формы с ь, ср. славянское цвьлъ.

Что касается употребления буквы ѣ в традиционной орфографии, то писали букву ѣ во многих случаях непоследовательно, именно, во многих случаях сохранили старое ѣ, но в других случаях писали е там, где было старое ѣ; сюда принадлежат песок, мелкий, блеск и др.; кратные глаголы типа утекать, летать имели ѣ (ср. малор. утїкати, лїтати); далее, писали неправильно слова, заимствованные из церковно-славянского языка: вред, брегъ, среда, где церковно-славянск. рѣ=русскому ере. Обратно писали рѣдька вместо редька, ср. польское rzodkiew; змѣй вместо змей (ср. слав. ꙁмии, а о русском е такого происхождения см. ниже); Алексѣй, Сергѣй под влиянием Матвѣй, Елисѣй, где славянское ѣ передает известный звук греческого яз., откуда пришли эти слова. В виду того, что не писали или писали букву ѣ неправильно во многих случаях, а также в виду того, что сохранение буквы ѣ не оправдывается литературным языком, в котором совпали ѣ и е, должно отказаться от ее употребления совершенно.

8. Носовые гласные.

В языке старославянском общеславянские носовые гласные существовали как носовые гласные и обозначались особыми буквами, юсами: большим ѫ и малым ѧ; большой юс обозначал о носовое, малый е носовое. Те же носовые гласные, являясь в сочетании с йотом, обозначались особыми написаниями—йотированными юсами: большим ѭ и малым ѩ. В церковно-славянских текстах в условном церковном произношении носовые гласные не сохраняются, а буква юс большой читается как у, буква юс малый как а после смягченной согласной, напр. рѫка—рука, пѧть—пять. В настоящее время вм. буквы юс большой пишется и печатается в церковно-сл. текстах буква, обозначающая звук у; буква ѧ в значении русской буквы я применяется в середине и конце слов, а ꙗ̑ в начале слов. Читают так (читали так на Руси и в древнее время) [1]) потому, что в соответственных словах в живом русском языке существуют именно гласныя у и а.

То обстоятельство, что в церковно-славянских текстах юсы большой и малый обозначали носовые гласные, долго оставалось неизвестным ученым, так как в православной церкви у славян в условном произношении не сохранилось носовых гласных.

Востоков первый обратил внимание и указал на то, что в польском языке церковно-славянским юсам соответствуют носовые гласные: о носовое (пишется в польском письме буквой ą) и е носовое (пишется ę), ср. польское dąb—дѫбъ, польское ręka—рѫка, польское piąty—пѧтыи и польское pięć—пѧть. Вообще в польском языке ѫ соответствует ą и ę, а ѧ те же ą и ę, но с предшествующею смягченною согласною. Различие между ą и ę, как заместителями носового о, и между теми же ą и ę с предшествующею мягкою согласною, как заместителями носового е, объясняется из старых количественных отношений в польском яз.: где носовая гласная была здесь некогда долгою, там получалось ą, где она была краткою, там в результате находим ę. (Ср. mąka=р. мука

[1]) Замечу кстати, что на славянском юге в настоящее время церковное произношение то же, что и в России, что объясняется влиянием русской церкви (в Киеве получали высшее духовное образование южные славяне после турецкого завоевания) и книг церковных русской печати, так как после падения своей независимости южные славяне, некоторое время получавшие книги из Венеции, стали получать их из России.

в слоге перед старым ударением долгота в польском сохранилась) и męka=р. мука (под старым ударением долгота в польском сократилась). Востоков обратил внимание на польские носовые гласные в их соответствии с церковно-славянскими юсами и понял, что под этими особыми знаками славянской письменности должно скрываться обозначение гласной носовой.

Сравнительно-историческое исследование славянских языков показывает, что в общеславянском языке существовали носовые гласные — о носовое и е носовое, но что в дальнейшем существовании большинство славянских языков утратило носовые. Далее установлено, что в общеславянском языке носовые гласные получились из сочетания гласной с последующей носовой согласной, если эта последняя приходилась перед другой согласной или в конце слова. Так объясняется тот факт, что старославянским носовым гласным в других образованиях, родственных данным образованиям, соответствуют сочетания гласная + носовая согласная там именно, где за носовою согласною приходится уже гласная; ср. старославянское **вънѧти** и **вънимѫ**; **пѫто** и **опона**. В элементарных грамматиках совершенно ошибочно говорят в данном случае о разложении юсов. В русском языке чередование типа возьму—взять, распну—распять, где с русским а в положении после мягкой согласной чередуется согласная м или н (воз-ьм-у, вз-я-ть; рас-пн-у, рас-пя-ть), объясняются, понятно, тем, что ь в русском языке подлежал фонетической утрате перед слогом с полной гласной, а юсу малому соответствует я. Ср. далее надменный и дуть, где у из о носового, а в надменный перед м исчезло фонетически ъ.

Итак, русский язык из старого о носового имеет у (рука—**рѫка**, руку—**рѫкѫ**, несу—**несѫ**, делаю—**дѣлаѭ**, волю—**волѭ**, несут—**несѫть**, **несѫтъ**); из старого е носового—гласную а, которой предшествует смягченная согласная (пять—**пѧть**, хвалят—**хвалѧть**, **хвалѧтъ**). Не следует забывать при этом, что буквы ю и я обозначают в положении после буквы, выражающей согласный звук, гласные у и а с предшествующим смягчением согласной, а иначе сочетания j с последующими у и а. Относительно перехода ę в а с предшествующею мягкостью надо заметить, что его надо понимать, как конечный результат общерусского изменения ę в звук ä носовое, ср. изменение е неносового в ä после новых смягченных согласных в конце слова, о котором говорилось в отделе 6.

Возникает теперь вопрос, когда же в русском языке носовые гласные прекратили свое существование как носовые гласные и перешли в гласные неносовые? Данные, имеющиеся у нас, свидетельствуют во всяком случае о том, что в XI веке носовых гласных уже не было. В древнейших текстах славянской письменности, переписанных на Руси, находим смешение юсов с буквами оу, ю, а, я (буквами оу передавался звук у), понятное только при том предположении, что в эту эпоху (половина XI века) в живом языке уже не существовало носового элемента в старых носовых гласных; ср. в Остр. Ев. **водоу, вѣроу,** вместо **водѫ, вѣрѫ; сѣдащѫ** дат. единств. вместо **сѣдащоу: мора** род. ед. вместо **морѩ**. Но в предшествующее этому время русский язык сохранял еще носовые гласные, о чем свидетельствует сопоставление русских слов, заимствованных из скандинавских языков, с скандинавскими. Когда славяне столкнулись с скандинавами (варягами), то в общерусский язык вошло некоторое количество слов из языка этих последних непосредственно или через уста греков. В данном случае для нас важны такие слова, как варяг (скандинавск. varingr), суд—название пристани в Константинополе (скандинавск. sund - морской пролив), ябетьник (ср. древневерхненемецк. mbaht—слуга, mbahti—служба, откуда современное amt, при готских andbahts, andb hti; соответственное слово было и в древнескандин. яз., на что указывают новые скандинавские языки), которые свидетельствуют о том, что в эпоху заимствования восточные славяне имели носовые гласные, которыми они и передавали в данном случае чужеземное сочетание гласная+носовая согласная перед другою согласною. Следовательно, напр., суд непосредственно из **сѫдъ**, которым передавали иностранное sund, варяг из **варѧгъ** и т. п. Относительно конца X в. можно сказать, что тогда в языке восточных славян носовых гласных уже не было, так как греческий император Константин Багрянородный, передавая в своем сочинении славянские названия днепровских порогов, дает их в такой форме, которая свидетельствует об отсутствии в эту эпоху в языке восточных славян носовых гласных, перешедших в гласные неносовые, чистые [1].

---

[1]) **Νεασήτ** = неясыть (с я из ѧ носового, церковно-слав. **неѧсыть**), Ναπρεζή = напрязи) церковно-слав. **напрѧзи**), Βερούτζη = вьручи (церковно-слав. **вьрѧшти**).

Существование в общеславянском языке носовых о и е—факт настолько очевидный, что он не возбуждает никаких сомнений и является прочно установленным положением, принимаемым всеми учеными, но сопоставление славянских языков между собою показывает нам, что в общеславянском языке была, кроме названных носовых гласных, еще третья носовая гласная. Именно, в известных категориях случаев старославянскому ѧ после мягкой согласной в русском языке, как мы сейчас увидим, соответствовало ѣ, и в некоторых других славянских языках мы также находим здесь гласные, которые указывают непосредственно на старое ѣ. Некоторые ученые считают и в этих случаях более древним то носовое е, которое является в старославянском языке в виде ѧ, однако, такое мнение не может быть удержано; против него говорят как факты других славянских языков, так и история самой общеславянской носовой гласной в случаях этого рода. Соображения последней категории я здесь не могу рассматривать, так как это завело бы нас слишком далеко, и для этого нужны специальные сведения, которых я не могу предполагать в данном случае. Как бы то ни было, мы должны принять, что общеславянский язык имел еще третью носовую гласную; следуя Ф. Ф. Фортунатову, я определяю ее как ie носовое (т. е. носовое ѣ), которое в русском языке совпало с ѣ неносовым, а в старославянском языке стало обычным е носовым (ѧ).

Старославянское ѧ указанного особого происхождения, в соответствии с которым мы ждем в русском языке ѣ, мы находим в тех категориях случаев (грамматических окончаниях), где этому ѧ в положении после мягкой согласной или j соответствует в других словах данного типа после твердой согласной—гласная ꙑ (ср. вин. мн. **конѩ**, но **рабꙑ**; род. ед., им. мн. и вин. мн. **ꙁемлѩ, ꙁмиѩ**, но **женꙑ**; им. ед. прич. **дѣлаѩ**, но **несꙑ**), ср. древнерусские к л ю ч ѣ, з е м л ѣ, встречающиеся в XI веке, но особенно часто в более поздних памятниках XII—XIV вв., а о форме им. ед. причастий см. ниже. Что касается формы вин. мн. имен. м. р. с мягкими основами типа к о н ь, з м е й, то эта форма в современном языке оканчивается на и, поскольку у имен, обозначающих существа одушевленные, не заменена род. пад. (ср. к о н е й, но л у ч и, ч а и и т. д.); эта форма на и не есть, конечно, старая форма на ѣ, известная из древнерусского языка, а представляет собою по происхождению форму им. мн. (в именах м. р. с твердыми основами обратно форма на ы в им. и вин. мн.

(столы) принадлежала в старину только вин. мн., а им. мн. здесь оканчивался на и). Полное совпадение им. и вин. мн. в словах м. р. по окончанию получилось в результате смешения этих падежей под влиянием того, что в ед. ч., поскольку это были слова, обозначающие предметы неодушевленные, вин. и им. совпадали в одной форме на ъ с общеславянской эпохи. Современному лучи вин. м. аналогичны и местоимения мои, твои, свои. В сложном склонении прилагательных современное добрые из добрыѣ соответствует старослав. добрыѩ и является старым образованием вин. мн., получившим употребление и значение им. мн., а старый им. мн. был добрии. Что касается добрыя, которое со времени Ломоносова узаконено для женского и среднего родов, то это форма фиктивная, не существующая в языке и являющаяся эквивалентом церковно-славянск. добрыѩ, заменявшегося некогда русским добрыѣ и узаконенного южнославянскими учеными, прибывшими в Москву; исправляя церковные книги, они уничтожали в них следы живого русского языка. Живой русский язык знает в им. и вин. мн. только добрые для всех родов и добры и тоже для всех родов (в Москве преобладает добрыи), а эта последняя форма есть новообразование из старого вин. добрыѣ под влиянием имен. добрии.

Что касается белорусского языка, то здесь сохранились кое-где старые образования имен существительных на ѣ в значении им. мн. (пнѣ, дожжѣ, женцѣ). В малорусском языке им. мн. кöнї (в неодушевленных именах им. мн. и в значении вин. мн.) есть старая форма вин. мн. на ѣ.

Форма род. ед. им. и вин. мн. женск. род. на ѣ в русском литературном языке вытеснена соответственною формою твердых основ: земли по аналогии рабы; эти формы встречаются уже в XI в.; старые формы сохранились до XIV в. и сохраняются и доныне в малорусских украинских формах на і (землї). Однако, обратно формы на ѣ переносились и в твердые основы; и до сих пор они существуют в народных говорах: у куме, у сестре, от сестре и т. п.; ср. далее поговорку: „у голодной куме все хлеб на уме“.

В местоимениях великорусские её, одноё, самоё, всеё, тоё (между прочим, в значении вин. ед.) являются старыми формами род. ед. на ѣ с нефонетическим ё (ср. старославянск. еѩ). Существовавшее в письме ея в род. ед. есть церковно-

славянская форма, хотя некоторые под влиянием орфографии так и произносят. В сложном склонении род. ед. доброй представляет нефонетическое изменение род. ед. доброѣ, известного из старого языка, под влиянием дат. ед. доброй. Само окончание—оѣ здесь под влиянием местоимений вместо—ыѣ, известного в старом языке и существующего до сих пор в говорах северновеликорусских (особенно в песнях), белорусских, не чуждого и малорусским говорам (ср. старослав. **добрыѩ**).

Что касается образований её и т. д. сё, то здесь ё нефонетического происхождения, так как е из ѣ не переходило само по себе в ё, а появилось оно под влиянием форм моё, твоё*). В южновеликорусском сохраняются диалектически ее, самое се не сё.

Что касается причастий, то старые именительные на ѣ не сохранились, так как рано были вытеснены новообразованиями. Именно, русский язык в соответствии с старославянскими причастиями на—ы, род. ед.—**ѫшта** (**несы**, **несѫшта**), на—**ѧ**, род. ед.—**ѭшта** (**дѣлаѩ**, **дѣлаѭшта**) и на—**ѧ**, род. ед.—**ѧшта** (**хвалѧ**, **хвалѧшта** у глаголов 2-го спряжения) получил причастия на а после твердой и после мягкой согласной (мога, ида; любя, хваля, дѣлая), а под влиянием этих последних рано появились и идя, неся.

Форма на а, встречающаяся часто в XIV в., теперь исчезла (ср. остаток в такой поговорке: „кто кого смога, так тот того в рога“), и остались только формы на я в качестве деепричастий.

Таким образом мы видим, что под влиянием двух других категорий причастий и причастия типа несы были заменены причастиями на носовую гласную, можно думать, на основании указаний других славянских языков, еще в общеславянском языке; эта носовая была не то е носовое, которое существовало в других случаях, а, вероятно, открытое е носовое с предшествующей вполне твердою согласною, откуда русское а; это же окончание, имея поддержку в причастии типа хваля, распространилось и на причастие типа делая.

---

[1]) Шахматов думает в настоящее время иначе, а именно он допускает изменение ѣ еще в общерусском языке в е после і, указывая 1) на современные диалектические северновеликорусские добрыё, синеё, на её самоё (московск.) и 2) на написание ѥ для такого ѣ в грамматических окончаниях: братиѥ, но землѣ (род. ед.), „Очерк древнейшего периода истории русского яз.“, стр. 113 и сл.

9. Гласные и и ы.

Гласные и и ы общеславянского языка сами по себе сохранились в русском литературном языке (и великорусских и белорусских говорах) как и и как ы. Только малорусские говоры, за исключением некоторых окраинных говоров, смешали ы и и в одном гласном: в восточноукраинских говорах это и (как малороссы пишут его в отличие от і, смягчающего предшествующую согласную), гласная промежуточного переднесреднего ряда, в западных говорах это ы. В диалектах северномалорусских мы находим еще различие между ы и и, обыкновенно смягчающем предшествующую согласную (некоторые подляшские говоры). В угрорусских говорах ы является как ы, а и сохраняется, частью без смягчения предшествующей согласной, а в говорах и со смягчением таковой. В северномалорусских, галицких и гуцульских говорах на месте совпавших в одной гласной старых ы и и мы под ударением найдем диалектическое е: д е м (=д ы м), ж е т и (=ж и т и).

Относительно сочетаний кы, гы, хы нужно заметить, что они рано перешли в ки, ги, хи в говорах, давших начало малорусскому и белорусскому языку (несомненные данные памятников XII в.); может быть, это явление в южнорусских говорах старше по времени происхождения, чем в великорусских, где мы тоже находим эту черту. В пользу этого говорит то, что переход кы, гы, хы в ки, ги, хи совершился в южнорусском, очевидно, до отвердения согласных перед и, так как малорусские говоры Венгрии (угрорусские говоры), различающие до сих пор и и ы, которые вообще совпали в малорусском языке, имеют после к, г, х именно и (сами к, г, х, понятно, средненебные, не задненебные), ср. н о г и; т а к и й. Появление здесь вместо сочетаний к, г, х средненебных с следующим и диалектических кы, гы, хы надо ставить в связь с изменением предшествовавших средненебных в задненебные к, г, х. В восточноукраинских и некоторых западноукраинских говорах после к, г, х существует и, а предшествующие согласные имеют полумягкость, в остальных южномалорусских говорах здесь мягкие согласные и гласная і. В северномалорусских говорах, различающих ы и и, мы имеем к, г, х мягкие и і, те же говоры, которые не сохранили указанного различия, имеют ки и т. д. В великорусских диалектах

кы, гы, хы сохранялись, судя по данным памятников, еще в XV—XVI вв. (ср. в московской грамоте 1447—1453 г. посельскым). Как смотреть на написания **кы, гы, хы** в западнорусских памятниках, остается не вполне ясным. С древнего времени мы здесь находим **ки, ги, хи** (так, в списке А грамоты 1229, вероятно, написанном в Смоленске, мы читаем: Роускии, Рискии и т. д.). Может быть, написания с **кы, гы, хы** книжного происхождения, а может быть, здесь влияние среднерусских (великорусских) говоров, сохранявших **ы** после задненебных согласных дольше (см. у Шахматова, „Очерк древнейшего периода истории русского языка“, стр. 313).

Итак, мы видим, что несмотря на кажущуюся тожественность рассматриваемого перехода **кы, гы, хы** в **ки, ги, хи** в южнорусском и великорусском, тем не менее эта звуковая черта, вероятно, возникла и там и здесь независимо друг от друга и в разные моменты.

Само явление объясняется стремлением сблизить по месту образования соседние звуки (**кы**—задненебное **к**+гласная среднего ряда **ы**, **ки**—средненебное смягченное **к**+гласная переднего ряда **и**). Что касается диалектических великорусских отыскывать при отыскивать, отпихывать при отпихивать, то наличность здесь задненебных **к** и **х** объясняется влиянием родственных образований отыскать, пихать, отпихнуть.

Из сказанного о переходе **кы, гы, хы** в русском яз. в **ки, ги, хи** объясняются соотношения: столы—боги, волки, духи; жены—руки, ноги, мухи.

Сопоставление славянских языков между собою показывает, что гласные **ы** и **и** (в латинской транскрипции **ы** обозначается буквою **y**), бывшие некогда в общеславянском языке вообще долгими, за исключением **и** в начале слова в особых случаях, именно там, где оно из старого **jь**, как, например, в слове иго (ср. лат. jugum); здесь **jь** из **jъ**, а **ъ** из старого **u** краткого (латинск. буква), в положении перед следующим **j** были краткими гласными; здесь они произошли частью из сокращения **i** и **ы**, частью, наоборот, из удлинения **ь** и **ъ** в положении перед **j**; ср. общеслав. bijǫ (р. бью), myjǫ (р. мою), неопредел. biti, myti и общеславянск. sinijь (р. синий), dobryjь (р. добрый), которые образовались из соединения формы им. ед. sinь, dobrъ—с местоимением **jь** (старосл. **и**). Эти общеславянские **и** и **ы** краткие, отличавшиеся от обычных **и** и **ы**, вероятно, и качеством звука, в

русском языке имели следующую историю: там, где они были в слоге, за которым следовало слабое ъ или ь, они перешли в великорусском языке в гласные е и о, при других условиях они исчезали. В белорусском языке мы находим и и ы, но диалектически в дифтонге ый в северных и северовосточных говорах—э, являющееся и в великорусских говорах[1]) (фонетически под ударением) в окончании им. ед. м. р. сложного склонения, а затем дальше и в род. ед. ж. р.; в им. мн., даже в твор. ед. и дат. ж. р.; в белорусском в им. ед. м. р., например, злэй, в род. ед. ж. р. прилагательных и местоимений: тэй, аднэй, там же и в им. мн. прилагательных, например, злэя и т. п. Являющееся диалектически в олонецких говорах э в окончаниях сложного склонения—эй (—эи),—эх (тэй, молодэй, молодэх) должно быть отделяемо от белорусского э, о котором говорилось выше. В малорусском языке мы находим и из и и ы, сравните мию, добрий.

Примеры: великорусск. мою при мыть, крою при крыть, малорусск. мию, крию, белорусск. мыю, крыю; великорусск. пей при пить, белорусск., малорусск. пiй; великорусск. воробей, соловей, змей (ѣ писалось ошибочно; род. мн. великорусск. путей, костей, малорусск. ночий, коний (при конїв). Великорусск. колея, верея, швея и т. п. объясняются как результат влияния таких образований, как колейный, швейный, швейки, где исчез ь. Малорусские формы типа соловей, род. мн. на—ей, равно как и соответственные белорусские образования на—ей, нефонетического происхождения.

Утрата ы и и: листья, платье, деревья, свиньи, свинья.

В окончании им. ед. м. р. прилагательных дифтонг—ой в литературном и южно-великорусском произношении выступает по закону акания только под ударением, тогда как северновеликорусские говоры имеют его, понятно, и без ударения. Современная орфография, пишущая злой, но добрый, следует в написании—ый церковно-славянской традиции. Равным образом окончание—iй является таким же пережитком. Ожидаемое нами в положении под ударением—ей в мягких основах является, напр., в чей, третей.

---

[1]) Кроме южновеликорусских говоров такое—эй отмечено и в двух местах в северновеликорусской области (Олонецкая губ.).

Малорусские камiння = камепье, зiлля = зелье, збiжжя = збожье = „зерновой хлеб“ показывают, что утрата гласных ы и и вызывает те же последствия для предшествующего слога с о и е, как и утрата ъ и ь.

10. Гласная а.

Гласная а, бывшая некогда в общеславянском языке долгою, сократилась в русском языке там, где она была получена как долгая, вместе с сокращением других долгих гласных, полученных из общеславянского языка. Русское а получилось кроме случаев, где оно старое, еще из общеславянского е носового и е в известном фонетическом положении (см. отделы 8 и 6). Диалектически а переходило в е закрытое, повидимому, еще в общерусскую эпоху в положении между двумя смягченными согласными, откуда современное диалектическое северновеликорусское е, ср. петь, грезь, печель, хозеин; и в некоторых южновеликорусских говорах мы находим такое же е (грезь, пуправлеють). Некоторые говоры знают е из а и перед твердым слогом, но лишь в слоге без ударения: северновеликорусск. взела́. Чередование в северновеликорусск. наречии петь (=пять) и пятый, потерели и потеряла повело к появлению нефонетическим путем а под ударением вместо е: развяртывать, расплятывать, помялышко.

В белорусских говорах тоже отмечены случаи с е из а после мягкого звука.

Переход а в е диалектически является и в малорусском после мягких (и шипящих) согласных: ср. северномалорусские диалектические поросє, жєба, в бо̀льшей части галицких говоров такой же переход, ср. далее гуцульские де́вєть, сидєть (є в малорусской письменности обозначает е, смягчающее предшествующую согласную, а равно и сочетание jе; по недостатку соответственной буквы (похожей на русское обращенное э, я беру славянское є), восточноугорские и у бойков пєть, взєў=взял и т. п.; у гуцулов и в галицких говорах является и и; диалектически і является и в северномалорусском.

11. Аканье.

Явление, которое существует в литературном языке, в московском и других переходных говорах, вообще в наречии южновеликорусском и белорусском и известно под термином аканья, охватывает ряд фактов и состоит вообще в том, что гласные в слогах без ударения изменились известным образом сравнительно с теми же гласными под ударением. Термин—„аканье“ может быть нами удержан как термин условный. Создался он вследствие того, что при сравнении московского и южновеликорусского произношения с северновеликорусским особенно бросалось в глаза, что во многих случаях северному о без ударения соответствует а: южновеликорусское — в а д а́ — северновеликорусское в о д а́. В противоположность аканью, акающему говору,— северновеликорусское произношение называется оканьем и сами говоры окающими. При ближайшем наблюдении, однако, стало ясно, что такое появление а вместо о в слоге без ударения в Москве и других акающих говорах является только одним из многих фактов, относящихся к аканью в широком смысле этого термина, по той именно причине, что все они вызваны действием одного и того же основного фактора; поэтому термин аканье нами может быть удержан для обозначения совокупности фонетических явлений этого рода только в условном значении.

Ударение слова вообще состоит в том, что из ряда слогов, составляющих данное слово, выделяется один или по высоте тона, или по силе голоса, или, наконец, в том и другом отношении; ударение, основанное на выделении слога по силе выдыхаемого воздуха, называется ударением выдыхательным или экспираторным; ударение, основанное на высоте тона, называется музыкальным или тоническим; ударение смешанное называется выдыхательно-музыкальным или музыкально-выдыхательным, смотря по преобладанию в нем того или другого элемента. В русском языке ударение выдыхательное, иначе экспираторное, а при наличности этого ударения ряд слогов, составляющих данное слово, может не представлять вполне однородного ряда по отношению к силе экспирации: помимо выделения слога наиболее сильного, здесь различаются в таком случае слоги более слабые и слоги менее слабые в различной градации.

Слог перед ударением является в акающем произношении более сильным сравнительно с другими неударяемыми слогами.

В то же время гласная этого слога является менее длительною сравнительно с гласной под ударением, но более длительной сравнительно с гласными в прочих неударяемых слогах. Под ударением гласные имеют, однако, ту же степень длительности, что и в слоге перед ударением, если за ними следует долгая (иначе двойная) взрывная согласная, ср., напр., п о р у к а и п о р у ч и к, где перед долгим ч существующая в живом языке гласная у имеет меньшую степень длительности сравнительно с у в слове п о р у к а.

Говоря об акании, надо помнить, что в разных говорах это явление известно в разных вариантах, т.-е. не все говоры, принадлежащие к акающим, вполне совпадают друг с другом по отношению к качеству гласных в слогах без ударения. Что касается московского говора, лежащего в основании литературного языка, то здесь мы находим явления, описанные выше в отделе, посвященном обзору звуков русского языка.

Наличность аканья в русском литературном языке повела к тому, что в орфографии получился ряд недоразумений. Правда, во многих случаях мы легко определяем, какую букву мы должны писать для гласной слога без ударения согласно правилам этимологического письма (ср. элементарный прием: „изменить слово так, чтобы слог с „сомнительной“ гласной пришелся под ударением“; сравнивая, напр., существующее в живом произношении слово в а д а́ с словом в о́ д у, мы узнаем, что и в первом случае следует писать в о д а), но не всегда это возможно, и мы пишем а, напр., в слове к а л а ч, которое имеет этимологическое о; в сербском, польском языке и в северновеликорусском наречии мы имеем здесь о, ср. северновеликорусское к о л а ч; равным образом в слове б а р с у к в литературном языке пишут а, но некогда здесь было о (б о р с у к), ср. польское borsuk; сюда же принадлежит, напр., к р а п и в а, старое к р о п и в а. Надо заметить, что благодаря влиянию литературного наречия и акающих говоров на живые окающие говоры в некоторых случаях произношение а распространилось и на север, ср., напр., р а к и т а, старая форма р о к и т а.

Приставка раз заимствована из церковно-славянского языка в таких словах, как р а́ з у м (русская форма этой приставки роз, о чем мы говорили выше, см. отдел 4); в акающем произноше-

нии различаются в своих словах под ударением роз; без ударения раз, ро́спуск—расписка; на орфографию, требующую и в своих словах раз при положении без ударения, оказало влияние акающее произношение, в связи с такими словами, как ра́зум, ра́спря, где раз—под ударением объясняется тем, что это—слова церковно-славянские.

Влияние аканья сказалось, однако, не только на внешней стороне языка, на орфографии. О случаях типа ракита, где мы имеем перенесение акающего произношения в отдельном слове и в говоры без акания, я уже говорил. Заметим далее новообразования по аналогии, явившиеся на почве акающего произношения в самих акающих говорах; именно, под влиянием таких случаев, как акно́—о́кна, вада́—во́ды, возникли и пальто́—по́льта, каймá—ко́ймы, где а старое. Равным образом такие случаи, как пло́тит, до́рит, при платйть, дарйть, где а тоже старое, возникли под влиянием такого чередования, какое мы находим, напр., в во́дит при вадйть, где а живого произношения из о.

Гласная а в положении после согласной смягченной и j совпала, как мы видели, в слоге без ударения с гласною е, обозначавшеюся буквами е и ѣ.

Отсюда объясняется ряд недоразумений русской орфографии, аналогичных случаям типа калач, ср. написание тетива вместо требуемого этимологией тятива (церковно-славянск. тѧтива); далее слово десна, дёсны, где то же старое я (ср. старый род. мн. дясн) подчинилось влиянию аналогии слов типа весна—вёсны, и здесь, следовательно, мы имеем в написании десна—факт недоразумения орфографического, тогда как дёсны новообразование самого языка. Случаи типа запрягу—запрёг (северномалор.—запрюог), трясу—трёс (украинск. трiс) вызваны, понятно, влиянием аналогии лягу—лёг, где старое чередование я в настоящем времени и е в причастии.

Аканье, как уже было сказано выше, мы находим в говорах южновеликорусских и переходных, а также в белорусском языке.

Что касается говоров *переходных* между северно- и южновеликорусским, то в них является общим переход о в слоге перед ударением в а: вада́ и т. п. На месте же орфографических е (ѣ), я, а (после мягкой согласной) мы найдем в данном положении с различием по говорам (ср. стр. 19): 1) е закрытое или ӗ;

2) е довольно открытое; 3) а перед слогом с а, иначе е закрытое или и; 4) а перед твердым слогом и е закрытое или и перед мягким слогом (различие между 3-й и 4-й группою видно из примеров: т*я*б я́—т*и*б я́, но одинаково в обоих группах бядá; 5) а перед всяким следующим слогом. В прочих слогах без ударения являются редуцированные гласные на месте этимологических а, о, е, ѣ, я. Кроме говоров этих основных типов есть и еще такие говоры, где я, а (после мягкой согласной) отличается от е (ѣ): ср. в п*я*т и, но н*е*с у̑; редко сохраняется диалектически различие между ѣ и е, при чем только первое дало и.

Кроме говоров переходных в собственном смысле этого термина, аканье распространяется и на область говоров вообще северновеликорусских, при чем помимо случаев усвоения отдельных слов в акающем произношении мы имеем здесь элементы акания и как звукового явления; отношения здесь довольно пестрые: ср. замену о в слоге перед ударением а (в а д á) в одних говорах только после твердой согласной, в других обратно после мягких появляется а: в о д á, п о н я с у̑; известно (в владимирско-поволжской группе) сохранение о (в о д á) после твердого согласного и замена о после мягкого звука (ё) гласною е (в е с н á, не в ё с н а).

Отношения, существующие в литературном языке, основанном на московском говоре, принадлежащем к первой группе, подробно были рассмотрены в 7-м отделе 1-й части.

Во всех южновеликорусских говорах о *в слоге перед ударением совпало с* а, совпали эти гласные и в прочих слогах без ударения, частью в редуцированной гласной. *Гласные же, изображаемые буквами* е, ѣ, я, а (после мягкой согласной), совпав в одном звуке, дали *в южной группе говоров* (в Орловской и Курской губернии, в юго-западной части Тульской губ. и в части области Войска Донского) *в слоге перед ударением* и, *если дальше следует слог с гласною* а, *и* а *перед слогом с* и, у, ы (перед прочими гласными существует колебание): в и с н á, но в *я* с н ы́; в *и* л á, но в *я* д и́, в *я* д у̑, с *я* л о и с и л о и т. п. *В группе тульской мы на месте* е, ѣ, я, а *находим* а *перед твердым слогом, а перед мягким слогом*—е *закрытое или* и; в остальных слогах без ударения а является преимущественно в конечном слоге, а в неконечном—и; ср. в *я* л á, в *я* д у̑, но в *и* д и́ и т. п., п о́ л *я*, но в и́ д *и* л а и т. п.; эти говоры существуют в значительной части Тульской губернии и в южновеликорусских частях Калужской, Смоленской и Мо-

сковской губерний. *Наконец, в восточной группе* (губернии Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская, Воронежская в их южновеликорусских частях, юго-восток Тульской губернии и северная часть области Войска Донского) *мы находим* а *перед всяким слогом с ударением,* в прочих же слогах без ударения является частью и, частью а, частью редуцированные гласные (вада́, ряка́, вяде́ть, гляди́ и т. п.). Такое аканье условно называют сильным аканьем или сильным яканьем в отличие от московского умеренного аканья.

Не все говоры в достаточной мере изучены в настоящее время по отношению к аканью, и не для всех говоров есть достаточно точные сведения; особенно это касается судьбы гласных без ударения в слогах, не предшествующих непосредственно ударению, где в широких размерах известна редукция гласных; в говорах редуцированная гласная является даже и в слоге перед ударением, сменяясь гласной ы перед слогом с а; после мягких согласных здесь и; такие отношения существуют, напр., в мосальских и жиздринских говорах Калужской губ. и других переходных к белорусскому.

Изменение о в ы в слоге без ударения перед неслоговым и или более старым сочетанием ю объясняется закрытым характером о, получившимся между прочим при данных условиях: ср. очень распространенное—уй вм. ой—ою в твор. ед. женского рода тёткуй и т. д.

После губной в начале слова редуцированная гласная перешла в ряде говоров в у: музыля́, пулцыса́, путаму́; реже такой переход перед губными: кумыра́ (т.-е. комара), спосубъ и т. д. Такой же переход мы имеем и под влиянием следующего неударяемого у: го́луву, гусуда́рь, булува́тца и т. д. [1]).

Другое явление—это выпадение редуцированной гласной, наблюдаемое в разных говорах, преимущественно после р, л (полсануть, сарфаны), между согласной и плавной: зы врата́, страна (=сторона), платенца, между некоторыми другими согласными, составляющими обычные вообще в языке группы: пугвица́, луквица, тыща. На некоторых других явлениях

[1]) От этого связанного с аканьем явления следует отличать сходный по отношению к влиянию губных факт перехода о в белорусских говорах в у в соседстве с губными и в слоге под ударением: дру́бненькие, ср. пусмотрю́, дарува́ла и т. п.

я не останавливаюсь между прочим потому, что не все они достаточно обследованы.

Как мы видели выше во 2-м отделе введения, аканье—это такая особенность южновеликорусского произношения, которая существует и в смешанных говорах, напр., в Москве, заходит дальше в область северно-великорусского наречия, о чем было сказано выше.

Что касается белорусского языка, то здесь мы находим также известные различия между говорами по отношению к аканью, а на границе с польским и малорусским языками аканье и совсем исчезает. Есть говоры с сильным аканьем (яканьем), и эта черта перенесена и в переходные к северновеликорусскому говору; в меньшинстве переходных говоров (в частях Холмского и Торопецкого уездов Псковской губ. и в прилегающих волостях Осташковского уезда Тверской губ.) а является только перед ударением и в конце, в остальных слогах редуцированные гласные или ы. Белорусское аканье состоит в том, что слог перед ударением на северо-востоке белорусской территории имеет ы или редуцированную гласную перед слогом с а (после мягкой согласной и), как и в соседних говорах, переходных к южновеликорусскому (см. выше): в ы д а́ или в ъ д а́, р и к а́ или р ь к а́; перед гласной не а следующего слога имеется а после твердых и я после мягких: в а д у̑, р я к у̑ и т. п.; на юго-западе белорусской области является сильное аканье (яканье): в а д а́, в о д у̑, р я к а́, р я к у̑ и т. п.

Как мы видели, аканье не принадлежит к числу явлений, обнимающих все говоры русского языка; это явление в своих началах относится к эпохе отдельной жизни говоров, давших южновеликорусское наречие. В белорусском яз. мы тоже находим аканье, и возможно, что оно занесено сюда теми великорусскими элементами, которые спаяли в одно целое пестрый состав населения западной России.

Можно думать, что аканье состояло первоначально в изменении гласных, кроме гласных у, и, ы, в гласные неполного образования при положении этих гласных в слове без ударения. Затем в отдельном существовании отдельных говоров эти гласные переходили частью в гласные полного образования. Генезис этого явления, однако, не вполне еще разъяснен, так как первоначальные отношения сильно видоизменены позднейшими процессами. Попытка представить историю аканья в ее целом дана Шахмато-

вым в его лекциях и затем в „Очерке древнейшего периода истории русского языка".

Наиболее древний пример аканья в письменных памятниках встречается в Евангелии, писанном в Москве в 1339 г. с галицко-волынского оригинала; здесь находим написания такого типа: „есть дивьна", „кака ты глаголеши" (дивьно, како).

12. Согласные.

Сопоставление русского языка с другими славянскими языками показывает, что мягкость согласной [1]), известной в русском языке и как твердая, перед мягкими гласными и согласными развилась на почве самого русского языка в общерусскую эпоху. С другой стороны, согласные ч, ж, ш, ц, щ, а также з и с, где они были продуктом смягчения г и х (см. ниже), были получены только как мягкие; их отвердение, если оно известно, относится опять к явлениям самого русского языка и притом не очень древним (см. ниже).

Итак, для того, чтобы разъяснить происхождение согласных этого последнего типа, мы должны обратиться к обзору фактов общеславянского языка

I. Смягчение согласных (старое).

Первым источником смягчения согласных в общеславянском яз. было положение согласной перед мягкой гласной. Это смягчение касалось только нижеуказанных согласных.

1) В общеславянском языке согласные к, г, х подверглись смягчению и перешли в ч, ж, ш в положении перед мягкими гласными, которыми в эту эпоху были здесь е и ę (т.-е. е носовое, откуда старослав. ѧ, а русское а с предшествующей мягкой согласной, изображаемое буквою я), ē, т.-е. е долгое, откуда далее вообще ѣ, но после мягкой согласной ē переходило в зависимости от этого условия в а; отсюда объясняются следующие случаи чередования к, г, х и ч, ж, ш в зависимости от качества гласной в русском языке: рука—ручка (ржка, ржчька), ручек (ржчькъ);

---

[1]) См. о мягкости согласных выше в отделе, посвященном описанию звуков русского языка.

теку—течешь, течет; лук—излучина; легко—легчайший (ср. добрейший), здесь а еще в общеслав. яз. из ē; нога, ножка, ножек (из ножька, ножьк), ножище; стерегу—стережешь, стережет; бегу—бежишь, бежит; много—множайший; муха—мушка; ухо—ушко (из ушько); страх — страшный (из страшьный, срав. страшен из страшьн), страшить, устрашение; слух—слышать, слышишь, ср. гореть (где е из ѣ), горишь, следовательно, в „слышать“ гласная а из е долгого еще в общеславянск. языке; тих—тишайший; примерами для смягчения задненебных перед ę (русское а с предшествующей мягкой согласной) могут служить древнерусск. спросиша, даша при спросих, дах (форма аориста, исчезнувшая как форма времени в русском языке); ср. далее старослав. **отрокъ—отроча**.

2) В другую, более позднюю эпоху жизни общеславянского языка, когда там появились новые мягкие гласные, именно ѣ из старого дифтонга [1]), и также и при известных условиях, то смягчение согласных задненебных вызывало их переход в ц, дз, откуда далее з (в старославянском языке диалектически дз сохранилось—буква ѕ „зѣло“), и с. Ср. старославянские **ржка—ржцѣ; богъ, бозѣ, бози, бози** при **богъ, доухъ—доусѣ, доуси** и т. п. **пьци, пьцѣте, жьзи, жьзи** и т. п. В русском языке уже древнейшие памятники (Святославов Сб. 1073 г.: золобѣ женьскѣ, в чловѣчьскѣи души) знают в случаях этого типа задненебные согласные, явившиеся нефонетически под влиянием родственных образований, где задненебные согласные сохранялись по фонетическим условиям; современный великорусский язык в большинстве говоров утратил старые формы (в московских грамотах еще в XVII в. мы находим, напр., въ Боровьсцѣ) и имеет новообразования под влиянием тех форм, где задненебные согласные сохранились, ср. руке, ноге, духе, пеки—пеките (само и в пеките,

---

[1]) Старый общеславянский дифтонг **oi**, в котором совпали индоевроп. oi и ai, перешел в ѣ, откуда частью и; ср. старосл. **лѣвъ**, латинское **laevus**; старослав.—ѣ в местн. ед. м. р. и—и в им. мн. м. р. из старого **oi**; различная его судьба объясняется различным его качеством; знающие греч. яз. обратят внимание на различие в греч. οἴκοι—„дóма“ (по происхождению местн. пад. ед. ч.) и οἶκοι—„домá“. После мягкого неслогового звука oi в общеслав. яз. должно было дать ei (так как о изменялось после мягкого неслогового звука в е) и даже i; так объясняются соотношения: старосл. **рабѣ** и **кони**, **женѣ** и **земли**; русские формы коне, земле нового происхождения под влиянием твердых основ.

несите вызвано тем обстоятельством, что в формах типа пиши—пишите было и и в ед., и во мн. числе, а в глаголах 1-го спряжения с твердыми основами во мн. ч. приметою повелит. было ѣ, ср. древнер. несѣте). Белорусский и малорусский яз. сохранили в склонении еще старые формы: белор. на руцѣ, на гаросѣ, на назѣ; укр. на ручцї, на кожусї, на книзї, при дорозї. Что касается повелительного наклонения, то здесь мы находим великорусские: пеки, пеките, помоги, помогите; в малорусском печи—печім—печіть результат влияния тех форм настоящего времени, где было ч, ж и т. д. Белорусское поможи объясняется также, аналогичные формы встречаются и в великорусских памятниках.

Что касается русских ноги, руки, мухи, то здесь мы имеем ги, ки, хи из гы, кы, хы (см. в отделе о гласных п. 9). Русск. боги, волки, духи не старые формы им. мн., а, как показывают слова типа столы и т. п., старые образования вин. мн. (в старосл. им. мн. таких имен оканчивался на и, вин. мн. на—ъі).

Второе смягчение мы находим и в положении перед старым u̯, откуда позже v, перед старой мягкой гласной, ср. общеслав. dzu̯ękъ (польск. dźwięk „звукъ“), церковно-слав. ѕвьнѣти, русск. звякнуть, но в русск. звук, где у из звука о, согласная з нефонетического происхождения, ср. малор. гук. Малорусское диалектическое дз (дзвинит, дзвер не может быть старым, ср. дзолото, дзелене вино и др.); Шахматов склонен считать такое дз старым и видит в нем диалектически сохранившееся общерусское dz (см. „Очерк древнейшего периода истории русского языка“, стр. 122).

3) Далее, в общеславянском языке согласные к, г, х в известных случаях подверглись смягчению в ц, дз, з, с под влиянием предшествующей мягкой гласной.

Второе смягчение после мягкой гласной: старослав. суфф. -ьць, -ьца, -ьце (юньць, мышьца, срьдьце); суфф. -ица (дѣвица); образования кратных глагольных основ: -тицати при тѣкати к текѫ, -рицати при -рѣкати к рекѫ; двизати, двиѕати при двигнѫ, сѧѕати, сѧгати при сѧгнѫ; ср. еще мѣсѧць, лице, польза, польѕа, кънѧзь, кънѧѕь (при кънѧгыни). Так как второе смягчение происходило после первого, то понятно, что при отьць зват. будет отьче, ср. отьчьство; при кънѧзь, кънѧѕь зват. кънѧже, ср. кънѧжьство. Сюда же принадлежит вьсь, где с из х. Ср. русские

отец, мышца, девица, сердце, князь (в русск. княгиня слог ги из гы).

Русский язык в глаголах имеет задненебные согласные, да и в именах с суффиксами—ик—ика,—ък,—ъка,—ъко (старик, земляника, конек, ручка, сердечко) в русском и в других славянских языках являются задненебные (польза заимствовано из церковно-слав. яз., ср. свое слово польга, сохранившееся в диалектах). Рассматриваемое общеславянское явление происходило, очевидно, под влиянием предшествующей мягкой гласной, но не при всех условиях, при каких именно, пока остается не вполне ясным.

Вопросы, связанные со вторым смягчением общеславянских k и g в положении после мягкой гласной, не все еще выяснены с достаточной полнотой. Прежде всего нам неизвестны еще вполне определенно те условия, при которых происходило это явление в общеслав. языке. Бодуэн де-Куртенэ пытался объяснить то, что при случаях со смягчением являются в отдельных славянских языках и случаи без такового (ср. **-двиѕати, -двизати при подвигъ** и русск. двигать; **польза, польѕа** при малор. пiльга польск. ulga (с другою приставкою) „облегчение", великор. польза, польга; р. истязать при тягать, **ликъ** при **лице** и т. д.), различием в положении ударения: если ударение следовало, то предшествующая мягкая гласная сильно смягчала задненебную. Эта теория, изложенная в статье ее автора в IV т. журнала „Indogermanische Forschungen" (стр. 45 сл.), не могла разрешить всех трудностей. Более удовлетворительной с этой точки зрения является гипотеза Шахматова (Известия Отд. русск. яз. и слов., I, стр. 703 сл.), который принимает для общеслав. эпохи фонетическое смягчение k и g под влиянием предшествующей мягкой гласной (не е и не ѣ, ср. русск. пекарь, лекарь, снег и т. д.) только в том случае, если далее не следовала лабиализованная гласная. Значит, в склонении и спряжении в известных случаях должны были чередоваться образования с k и g и c и dz (likъ, но род. ед. lica, polьdzа, но в. ед. polьgǫ, dvidzati но dvignǫti и т. п.). Отсюда названный выше ученый выводит те дублеты, частью разделенные по славянским языкам, о которых шла речь (напр., при polьdza появилось polьga, с другой стороны, в вин. при polьgǫ—polьdzǫ;

при dvidzati под влиянием dvignǫti появилось dvigati и т. д.). Однако, и эта теория, с которою согласился в последнее время Лер в своей статье в IV т. Rocznik slawistyczny, стр. 141 сл., не разрешает вполне всех затруднений; почему, напр., сохранились otьcь и т. п. формы зват. otьče, раз с зашло в им. ед. otьkъ, где его первоначально не было? Далее, ссылка защитников разбираемого взгляда на то, что суффикс -ikъ (ср. русск. снеговик, ломовик и т. п.) сохранился как -ikъ вследствие вытеснения старого -ikъ суффиксом -ikъ из -įkъ (а литовский язык указывает на старый суффикс inko-), тогда как в ж. р. одержал верх как раз суффикс -ika, откуда -ica (dě̌vica, но ср. русск. земляника), мало помогает делу, так как мы имеем с из k и после ę. Попытка отвести эти случаи и признать их несостоятельными, сделанная Лером, неудовлетворительна (именно, он допускает фонетическое изменение k в c только после ьn из n̥ долгого; однако, и тут носовая гласная получилась из сочетания гласной + n, а весь процесс второго смягчения в рассматриваемых условиях происходил, очевидно, уже по возникновении носовых гласных).

Еще возникает вопрос о хронологии рассматриваемого смягчения. Из различных взглядов, приведенных в статье Лера, по моему мнению, наиболее вероятен тот, по которому это смягчение предшествовало случаям второго смягчения, где оно было вызвано новыми мягкими гласными; это видно из того, что при **отьць** местн. ед. будет **отьци**, тогда как при **отрокъ—отроцѣ**. Гласная i в первом случае объясняется из ei̯, в которое перешел дифтонг oi̯ после мягкой согласной, которая здесь уже была по рассматриваемому закону смягчения. И другие примеры подтверждают, что это явление было раньше, чем переход о в е после мягкого неслогового звука (ср. **ликъ**, но **лицє**).

4) Задненебные согласные в положении перед в + ѣ нового происхождения (см. п. 2) смягчились в диалектах общеславянского яз. в „свистящие". В общерусском яз. были диалекты, получившие эти последние, но были также диалекты, сохранившие задненебные согласные. Так объясняется великор. цвет, белорусское—цвѣт, квѣт, малорусск. квiт, а также далее квет в Олонецкой губ., квяток в Тульской, Воронежской губ.; великорусская форма тьвет получилась непосредственно из квѣт

(об изменении мягкого к в т см. ниже); великор. звезда (с е из ѣ), малор. дзвізда при звізда.

5) В тех случаях, где задненебным согласным предшествовала согласная с, там в эпоху первого смягчения задненебных согласных получились в общеслав. яз. известные группы, откуда впоследствии в старославянском и в русском яз. те же результаты, что из общеславянского изменения ск, ст, зг, зд в соединении с j, о чем см. ниже.

Группы сц, ст и зд, получившиеся из ск и зг, по закону второго смягчения задненебных согласных, в русском яз. в окончаниях были вытеснены сочетаниями ск и зг тем же путем, каким происходило вытеснение ц и з; ср. современные доске, мозге (ср. еще в XVII в. в грамоте в Боровьсцѣ, теперь Боровске); ср. старосл. *дъсцѣ, дрꙁздѣ (им. дрꙁзга „лѣсъ"); ср. старые рязаньстии, рустии и т. п.

Вторым источником общеславянского смягчения согласных было изменение старых групп согласная + j. Так как в результате j в большинстве случаев как таковой исчез, то наличность его в прежнее время обнаруживается сопоставлением фактов славянских языков с фактами языков родственных.

а) Группы задненебные согласные + j дали в результате те же ч (из к j), ж (из г j) и ш (из х j), которые получались и по первому смягчению задненебных. Ср. русск. плачу—плачешь—плакать (глаголы этого типа отличаются от глаголов типа несу—нести звуком j, следовавшим некогда за согласною в окончании глагольной основы), сушу, ср. сухой, но сушишь, сушат, сушить имеют ш из х перед мягкой гласной (глаголы этого класса, т.-е. глаголы русского 2-го спряжения, по счету элементарной грамматики, имели некогда j в 1-м л. ед. ч., в прочих формах лица основа оканчивалась на і, а в окончании 3-го л. мн. ч. было общеславянское ętь); существительные мужского рода класса конь имели некогда звук j, и в этом их отличие от основ класса раб (наличностью j объясняется общеславянское ь в имен. из ъ); таким образом понятны случаи в роде плач (ср. плакать), сторож (ср. стерегу); в словах типа плач, сторож писалось ъ по аналогии других слов муж. рода, на самом же деле ж в современном языке твердое, а ч мягкое; существит. женск. рода сеча (ср. секу), стража (ср. стерегу), душа (ср. дух) имели также некогда j после согласной.

В случаях этого рода, где общеславянский язык имел ч, ж, ш из гj, кj, хj, старославянский язык подобно другим славянским яз. имеет тоже ч, ж, ш (ср. плачѫ, слышѫ, доуша, стража и т. п.).

б) Зубные согласные фрикативные с и з в соединении с j дали в общесл. яз. ш и ж. Ср. русск. пишу, пишешь, писать, старослав. пишѫ, пишеши, писати; вяжу, вяжешь, вязать, старосл. кажѫ, кажеши, казати; паша (ср. пасти), ноша (ср. нести), мешу (ср. месить) и т. п.

в) Зубные согласные взрывные т и д в соединении с j дали в общеславянском языке известные сочетания звуков, откуда русск. ч и ж, старосл. шт[1]) и жд. Языки западно-славянские имеют в этом случае „свистящие“ звуки (ср. польское chcę „хочу“, widzę „вижу“).

Итак, тем русским ч и ж, которые не из смягчения к и г и не из кj и гj, а получились из тj и дj, в старосл. язык. соответствуют уже не ч и ж, а шт и жд. Ср. русское хочу старослав. хоштѫ, при хотеть; русск. вижу, старосл. виждѫ, при видеть; свеча, старосл. свѣшта, при свет; русск. межа, церковносл. межда. В русском языке мы находим, однако, ряд слов с щ вместо ожидаемого ч и с жд вместо ожидаемого ж, заимствованных, понятно, из церковно-славянского языка; ср. одежда, при одежа, осуждать, но, напр., ссужать; вождь, но вожак; пища вместо пича, ср. питать; причастия на —щий (делающий и т. п.), неизвестные народному языку. Прилагательные типа ходячий, горячий, горючий, гремучий, сидячий и т. п. являются русскими формами старых причастий, утративших связь с глаголом, а причастиями вообще мы, как известно, называем такие отглагольные прилагательные, которые имеют общие с глаголом словобразовательные формы залога и вида. Причастия, сохранившие связь с глаголом в русском яз., утратили формы склонения в действ. залоге и стали деепричастиями; ср. хваля (им. ед. м. р., ср. старосл. хвалѧ), взяв (им. ед. м. р.), взявши (обыкновенно эту форму объясняют как им. ед. ж. р.). Литературный яз. имеет причастия на -ущий,

[1]) В церковном произношении вм. старо-славянского шт (в современном болгарском тоже шт) мы имеем щ. Сама буква щ образовалась из слитного написания ш и т: щ. Точного определения тех групп, которые получились в общеслав. языке из tj и dj, не даю, так как для меня этот вопрос представляется неясным.

-ющий, -ащий, -ящий, заимствованные из церковно-славянского языка.

В малорусских и белорусских говорах мы находим при **ж** рассматриваемого происхождения сочетание **дж**, вызванное влиянием тех форм данных слов, где является **д**, ср. х о д ж у, в и д ж у. В великорусских говорах мы находим **жд** аналогичного происхождения (у р о ж д а й, о б и ж д а т ь).

г) Старая группа **к т** перед мягкою гласною в общеславянском яз. изменилась известным образом и в результате совпала с продуктом изменения старого **tj**, поэтому в русском яз. мы найдем **ч** при старосл. **шт** в таких случаях, как п е ч ь при п е к у, старосл. **пешти**, м о ч ь при м о г у, старосл. **мошти**.

д) От того **щ**, которое является в словах, заимствованных из церковно-слав. яз. вместо ожидаемого русского **ч**, надо отличать то **щ**, которое является и в русском, и в старославянск. языках одинаково, и получилось в конечном результате из групп **ск** (см. стр. 13) и **скj**, **стj**.

Именно, старые группы **ск** и **ст** в соединении с **j** дали в общеславянск. яз. такие сочетания звуков, которые перешли в старосл. яз. в виде **шт**, в литературный русск. яз. в виде **щ**; и щ у—и с к а т ь (**иштѫ—искати**), л ь щ у — л ь с т и т ь (**льштѫ**), русск. в о з в е щ у—в о з в е с т и т ь (**възвѣштѫ**). Примерами для старослав. **шт**, русск. **щ** из **ск** перед старою мягкою гласною могут служить: **дъштица**, д о щ е ч к а при **дъска**, д о с к а, л о щ и т ь при л о с к и др.

Старые группы **зг** и **зд** в соединении с **j**, а также **зг** перед старою мягкою гласною дали в общесл. яз. такое сочетание звуков, которое перешло в старославянск. языке в **жд**, в литературном русском языке является в виде **жж**, д о ж ж я (пишется д о ж д я по церковно-славянск. орфографии), в им. ед., понятно, д о щ ь (пишется д о ж д ь) по общему закону об изменении звонких согласных в глухие в конце слова, п р и г в о ж ж у (пишется п р и г в о з ж у)—п р и г в о з д и т ь. Примерами для старослав. **жд**, русск. **жж** из **зг** перед мягкою гласною являются: **мождань**, м о ж ж е ч е к при **мозгъ**, в и ж ж а т ь (пишется в и з ж а т ь) при в и з г и друг.

Для общерусского языка мы указанные выше звуковые сочетания должны определять как **шч** мягкие и **ж ж** мягкие. Такое произношение иногда обозначалось в древних памятниках напи-

сапиями **шч, жч**. В белорусском[1]) и южно-малорусском эти звуки отвердели, но мягкость сохраняется частью в некоторой степени и в южно-малорусском; в части северномалорусских, карпатско-угорских говоров и у гуцулов они до сих пор мягки. В говорах же великорусских они сохранились как мягкие в части северно-великорусских и переходных говоров, перейдя в другой их части в **ш** и **ж** мягкие долгие (неточно говорят двойные); такое произношение существует, напр., и в Москве; в говорах **ш** и **ж** долгие отвердевают. В олонецких и вологодских говорах мы находим **шч, жджь** или **шт** и **жд** с мягкою второю частью. В говорах вологодско-вятской группы известны и соответственные группы с свистящими (ср. **сц** с мягким **ц** в Вельском у. Вологодской губ., **ст** в Кирилловском у. Новгородской губ., **шс, жз** мягкие в Грязовецком у. Вологодской губ.). В части северно-великорусских и в южно-великорусском **шч** и **жджь** мягкие рано перешли в **ш** и **ж** долгие, затем отвердевавшие. Наконец, заметим, что в значительной части говоров **ш** и **ж** долгие перешли в **ш** и **ж** недолгие перед согласными, после согласных и в конце слов, ср. ямщик, товарищ, тошный живого языка (ср. тоска) и т. п. Что касается новгородского **жг** (с конца XI в.), то это написание, повидимому, передавало диалектическое **жj** из **жджь** (ср. **г** для передачи **j** в Гюрий, Геремей и т. п.). Можно думать, что параллельно сочетание **шч** дало **шх** мягкое, которое писцы пытались передавать частью буквою **щ**, частью буквою **ш** (на судиши и т. п. в Новгородск. Ев. XIV в.). Шепелявое произношение долгих мягких **с** и **з** на месте **ш** и **ж** долгих известно в говорах переходных между северно-великорусских и южно-великорусских, напр., в Рузском и Верейском у. Московской губ. и Касимовском у. Рязанской губ.

ж) Носовая губная **н** и плавные **р** и **л** в соединении с **j** в общеславянск. яз. дали в результате мягкие **н, р, л**, ср. русск. гоню, орю (орать), мелю (молоть) и т. п.

з) Губные **п, б, в** и зубная носовая **м** в соединении с **j** в общеслав. яз. дали группы „губная согласная + **л** мягкое“, в 1-м слоге слова во всех диалектах, иначе в одних диалектах общеслав. яз. мы находим те же группы, а в других одни губные мягкие согласные. В русском яз. мы находим всюду губную + **л**,

[1]) Обычно в белорусском **шч** и **жджь** твердые, но известны диалектически и долгие твердые **ш** и **ж**.

тогда как в старосл. яз. были диалекты обоих типов, а в западно-слав. языках отразились диалекты без л, ср. люблю—любить, куплю—купить, ловлю—ловить, кормлю—кормить; земля, купля, ловля и т. п., ср. в старославянск. яз. ꙁємлꙗ и ꙁємѣ, польские ziemia, lubię „люблю“ (в польском письме буква i перед гласной обозначает мягкость предшествующей согласной, следовательно, mia = р. мя; ę обозначает е носовое). В 1-м слоге слова мы везде найдем губную + л, ср. русск. плюю, старослав. плюѭ, польск. pluję (здесь некогда в общеславянск. яз. была в начале слова согласн. п + j).

II. Твердость и мягкость согласных в истории русского языка.

Мы уже видели раньше (см. выше), что русский язык получил ряд согласных мягких, и что далее, в общерусскую эпоху, смягчились и старые твердые согласные в положении перед мягкими звуками. Малорусский яз. изменил группы: мягкие согласные + и и е таким образом, что в результате получились твердые согласные, при чем там, где было старое и, получилась в южно-малорусском группа согласная твердая и гласная близкая к и в одних говорах, ы в других говорах; в северно-малорусском частью являются согласные мягкие перед и; то же мы находим и в некоторых карпатско-русских говорах; великорусской гласной е, т.-е. э, смягчающему предшествующую согласную, соответствует малорусское э, однако, в окраинных говорах известны диалектически согласные нетвердые перед е. Известны и великорусские говоры с твердыми согласными перед е; ср. такое произношение в вятских и нижегородских говорах.

В малорусских говорах і, смягчающее предшествующую согласную и получившееся из ѣ, е, о (из последних двух гласных в закрытых слогах) смягчает предшествующую согласную зубную на всем протяжении южно-украинского наречия, северно-украинские же говоры знают смягчение неполное (говорят даже о твердости) перед і из о; таким образом здесь различают нïс = нес и ніс = нос. Малорусская орфография, применяющая знак ї для передачи і мягкого после зубных, обнаруживает колебание при передаче і из о.

К случаям смягчения согласной, вызванного влиянием следующего мягкого согласного, принадлежат по происхождению

те случаи, где смягчение согласной вызвано было некогда следовавшим за ней ь; это смягчение происходило безотносительно к качеству следующей согласной, но сохранилось далеко не везде вследствие позднейшего отвердения мягкой согласной перед следующей твердой зубной согласной; ср. *темный*, *равный* с твердыми м и в (из *тьмьный*, *равьный*; ср. *темен*, *равен* из *тьмьн*, *равьн*), но ср., напр., *тьма*, *борьба* и т. п., где следующая согласная не зубная. Уже в памятниках XII—XIII вв. мы находим написания *темъныи*, *равъныи*, указывающие на отвердение м и в. Согласная н отвердела в таком положении во многих говорах: *сонца*, *полотенца*, но, напр., в Рязанской губ. *соньца*, *палатеньца* и т. д., петрозаводское *деревеньской* и т. д.

В белорусском языке смягчение т и д повело к изменению их в мягкие ц и дз, что легко объясняется физиологически: при сильном смягчении согласных фрикативный шум, образующийся при значительном сужении прохода между органами речи, легко переходит в фрикативную согласную места образования, соответствующего месту образования предшествующей согласной. Ср. белор. *цесто*, *церпець*, *дзеци*, *дзед*, *дзерево* и т. п.; далее, напр.: *дзве*, где дз перед мягким в. Это явление носит условное название дзеканья [1]. В северно-великорусских (Мологский и Пошехонский уезды Ярославской губ., в Владимирской губ., где частью только одно ц мягкое и дз нет, в Новгородской губернии, даже в Казанской) и в некоторых переходных (Касимовский и Спасский уезды Рязанской губернии, Волоколамский, Клинский, Богородицкий и Бронницкий уезды Московской губернии, в говорах Нижегородской, Новгородской и Тверской губерний) говорах тоже отмечено *дзеканье*, но это явление не стоит само по себе в связи с белорусским явлением, а очень понятный с физиологической точки зрения самостоятельный процесс; впрочем, см. ниже о теории А. А. Шахматова. В говорах переходных к белорусскому дзеканье объясняется влиянием этого последнего.

Согласная ч, являющаяся слитной согласной (тш), в литературном языке и в большинстве великорусских говоров сохраняет свою мягкость. Согласные же ж и ш в литературном яз. и в боль-

---

[1]) Белорусские говоры частью уже утратили дзеканье под влиянием соседних южно-великорусских говоров.

шинстве великорусских говоров—твердые, мягкими они сохранились в немногих говорах, переходных к белорусскому (напр., в части Калужского и Жиздринского уездов Калужской губ.); в переходных говорах Псковской губернии старые ж и ш перешли в свистящие з и с (см. ниже). Согласная ц является теперь вполне твердой. Только в калужском говоре Тихонопустынской волости отмечено мягкое ц. Судьбу древнего ц разделило и новое ц с долгою первою частью (менее точно сказать, что ц здесь состоит из слитного сочетания двойного т с следующим с) в окончании 3-го лица глаголов возвратной формы: беретца, деретца; мы находим далее диалектически и такие образования, как деруса, вместо дерусяя. О так называемом цокании см. ниже. В малорусском яз. ш, ж и ч являются мягкими в некоторых северно-малорусских говорах, в части карпатско-русских диалектов и в гуцульских говорах, где они мягки даже перед е и и; мягкость является в южно-малорусском только в особых случаях; напр., ср. украинские біжять, лежять, сушять, ускочять под влиянием носять, водять; однако, почти везде шипящие мягки перед і из дифтонгов. Согласная ц отвердела перед е, и; в конце слова она сохраняет мягкость в восточно-украинских и в большинстве говоров западно-украинских, в меньшей их части, в Галиции и у гуцулов оно отвердело; в северно-малорусском конечное ц диалектически сохранило мягкость; диалектически (у гуцулов) мы имеем, однако, вообще отвердение ц и не в конце слова. В белорусском яз. ш, ж, ч и ц вообще отвердели.

Довольно распространено в великорусских говорах смягчение к и г при предыдущей мягкой согласной, его знают многие южно-великорусские и некоторые северно-великорусские говоры: ср. батькя, чайкю, лигонькя, Ольгя; северно-великорусские (Вологодской губ.) матушкя, заморськей; здесь же известно и мягкое х того же происхождения: верьхю. Эта черта принадлежит по происхождению южно-великорусской области, и на север (сначала в северно-рязанское полесье и Суздальскую область и дальше в Ярославскую, Вологодскую и Вятскую губернии) оно проникло, как результат движения жителей степной Рязанской окраины к северу в связи с татарским разорением. Так объясняется и южно-великорусская женская одежда (понёва), южно-великорусский тип избы к северу от Оки (см. Д. К. Зеленин, „Великорусские говоры с неорганическим смягчением заднебных").

При московском п е р ь в ы й, ч е т в е р ь г и т. д., где мягкость р вызвана положением р после старого ь и отсутствием далее твердой зубной, мы находим во многих южно-великорусских говорах те же слова с твердым р. Перед некогда бывшим ь в середине слова р отвердело, если следовала зубная: м о р с к о й, но в северно-великорусских говорах местами слышится здесь р мягкое. Далее р отвердело во многих великорусских говорах перед и, если ему предшествует согласная (диалектически на севере известно отвердение р и при другом положении): ср. к р ы к, с к р ы п, г р ы б и т. д. Отвердение р вообще мы находим в белорусском яз. (м о р а = м о р я) и северных малорусских говорах; на северо-востоке и востоке белорусской области мы находим также мягкое р, что объясняется великорусским влиянием; наиболее восточные говоры под влиянием соседних южно-великорусских даже восстановили правильное этимологически чередование твердого и мягкого р.

В малорусском языке в говорах северно-малорусских, западно-украинских и галицких широко распространено отвердение р перед а, о, у, і (б у р а, в е р о в к а и т. п.); широко распространено также отвердение р перед согласными.

В белорусских говорах губные перед согласной тверды: щ е п к и, з е м л ю и т. д., с твердыми п и м. Что касается положения перед j (i̯), то здесь губные в большинстве говоров твердые: б ъ ю, п ъ ю, в ъ ю и т. д.

Перед гласною заднего ряда а губная, если была смягченная (кроме группы вя), перешла в малорусском яз. в губную, в большинстве говоров твердую + j, который после м давал н мягкое, а после других согласных л мягкое (в говорах и н): ср. п ъ я т ь, м н я с о, но угрорусское м ь я с о, к а м̓ н я н и й, м н я = и м я; л о в л я т ь, л ю б л я т ь и т. д. Отмеченное м ь я с о и другие аналогичные случаи (с т а в ю, л ю б я т ь), может быть, нового происхождения (с т а в ю и т. п. легко объясняются влиянием с т а в и ш ь и т. п.). Указывают для этих случаев и отвердение губной в диалектах.

В великорусских говорах (северных, частью и несеверных) мы находим изменение к и г мягких в т и д: т е л ь я — к е л ь я, т и н у т ь — к и н у т ь, з д в и н у т ь — с г и н у т ь. Обычно это изменение не вытеснило вполне к и г мягких. Ср. далее Л е в т е й — Л е в к и й, А в д о т ь я — Е в д о к и я. Обратный переход мягких т и д в к и г мягкие известен во многих

малорусских говорах; у гуцулов мягкие т и д почти совсем вытеснены.

Согласная+j после выпадения между ними и краткого в южнорусских говорах перешла в мягкую согласную+j, откуда дальше долгая мягкая согласная, за исключением того случая, если согласная отвердела; ср. малорусские життя, браття, зілля, коріння, суддя и т. д. В позднейшее время наступило упрощение такой двойной (точнее долгой) согласной, известное в различных говорах (частью северномалорусских, западно-украинских, галицких и гуцульских). В начале слов такие согласные по бо́льшей части сохранились без изменения, ср. льляти. В белорусских говорах мы находим то же изменение согласных за исключением отвердевших (р и диалектически губных): ср. пциччий, песьссе мясо, ружжо и т. д. В говорах (юго-западных) известно сокращение долгих согласных.

III. Изменения согласных, вызванные исчезновением ъ и ь.

Если вследствие исчезновения ъ или ь предшествовавшая им глухая согласная приходила в непосредственное соприкосновение со следующей звонкой, то она становилась сама звонкой, збор, збирать (пишем сбор, сбирать), свадьба (ср. сват), где (из къдѣ). Из приведенных примеров видно, что современная орфография во многих случаях, следуя этимологическому принципу, сохраняет написания, не соответствующие живому произношению, хотя в таком случае, как свадьба, она, наоборот, отступает от этимологического принципа; ср. еще приставку без, которая писалась всегда с з, между тем как из, низ, воз, раз писались, согласно с произношением, в известных случаях через с; по реформе правописания без подчинено общему правилу, при чем в отличие от прежнего приема пишут с и перед с (рассказ и т. д.).

Обратно, звонкие согласные переходили в глухие перед глухими, от которых они некогда были отделены ъ или ь. Ср. ношки, лошки (ножки, ложки), ретко (редко), пчела (из бъчела) и т. п. В южномалорусском (в галицких и гуцульских говорах здесь, как и в конце слова, глухие согласные; тоже и в карпатско-угорском наречии в большинстве случаев и в конце

слова) сохраняется в этих случаях звонкая согласная, то же находим в северномалорусских говорах.

Кроме этого общего явления в области ассимиляции согласных мы находим ряд случаев, в которых группа согласных или один ее элемент подверглись изменению и в своем составе или качестве звука. Так, согласная к старое или из г, по вышеуказанному закону ассимиляции, перешла в великорусском в х перед следующим к; х к о м у — к к о м у, м я х к и й — м я г к и й (из м я г ъ к и й). Согласная к перед т перешла тоже в х: х т о, х т е б е, х т о м у, д е х т я и т. д. Есть, однако, и северновеликорусские, и южновеликорусские говоры, сохраняющие к. Параллельно с этим в т о г д а и т. п. мы имеем фрикативный звук г, ср. обычн. московское произношение. В северных говорах известно и т о в д ы (т о л д ы), где в из г. Согласная слитная ч перед т перешла в ш (ш т о, хотя в образованном обществе известно и произношение ч т о под влиянием написания ч т о). Примеры для упрощения групп согласных: м у щ и н а из м у ж ь щ и н а, а щ здесь из ск, ср. м у ж ь с к; с о н ц е (пишется с о л н ц е), ср. слав. слъньце; с е р ц е (пишется с е р д ц е), ср. срьдьце; и з б а из и с т ъ б а, ср. с уменьшительным суффиксом и с т о б ъ к а; само это слово заимствовано из германских языков, ср. нем. stube; в конце слова исчезло л после согласной, ср. у м е р из у м е р л (ср. у м е р л а); п е к из п е к л (ср. п е к л а).

Во многих северновеликорусских говорах (поморских, в Вологодской и Вятской губерниях), а частью и в переходных (псковских) мы находим переход дн в нн, засвидетельствованный памятниками с XV в., ср. о б и н н о = о б и д н о, н н о = д н о.

Слитная согласная ч с долгою первою частью получилась, напр., в в е т ч и н а: здесь тч, т.-е. ч с первою долгою частью из тш (в е т ч и н а из в е т ъ ш и н а, ср. в е т х и й из в е т ъ х и й).

IV. Общеславянские группы тл и дл.

Рассмотрим теперь одно явление русского языка, в котором отразилась диалектическая особенность самого общеславянского яз. Это именно отсутствие в русском яз. зубной взрывной перед согласным л суффикса. Западнославянские яз., в отличие от южнославянских и русского языка, имеют в этих случаях д в положении перед л: м ы л о (слав. мыло, польское mydło), р а л о (старослав. рало, польское radło), в е л (ср. в е д у), п л е л (ср.

плету), ср. старослав. велъ, польское wiódł, где ó, произносящееся как у, из о, старослав. плелъ, польское plótł; что касается русск. метло, седло, то здесь между т, д и л утрачена иррациональная гласная ь (о написании ѣ см. стр. 108). В последнее время было обращено внимание на то, что в древне-псковских памятниках мы находим формы вегли = вели, чкли = чли из * ведли, * чьтли. Аналогичные формы с старыми д и т могут быть предположены и для единств. ч. на основании известных в новгородских говорах образований пришед, ушед = пришел, ушел из * пришьдл, * ушьдл.

В современных псковских говорах отмечены спорадически формы прицклась = причлась, перецок = перечел. Жерегло, отмеченное в псковском акте XVII в. и до сих пор существующее на Псковском озере (жерогло́ = жерло, горло, узкий пролив), а также жагло́ = жало пчелы в Псковском уезде, как справедливо заметил Шахматов, решительно говорят против возможностей следующего объяснения форм типа вeглы: в общерусском вели по аналогии веду и т. д. было вновь восстановлено д, давшее затем г. Наличность указанных выше слов, где такого влияния аналогии не могло быть, не допускает этой гипотезы. Самое простое объяснение таких образований то, что здесь мы имеем следы таких русских говоров, которые разделяли с западнославянскими языками сохранение д и т в указанном фонетическом положении. А. А. Шахматов связал эту черту в одну стройную систему с некоторыми другими звуковыми чертами и пришел к выводам, о которых см. ниже.

V. История отдельных согласных звуков [1].

1. Древнейшей севернорусской особенностью, унаследованной от старого говора кривичей, является мена звуков ц и ч, так называемое цоканье и чоканье. В поморской группе говоров на

[1]) Нужно сделать предупреждение, что в русск. паду — пасть, плету — плести и т. п. мы находим отражение явления не самого русского языка, а эпох гораздо более ранних. Дело в том, что еще в индоевропейском праязыке т перед зубными взрывными изменилось в аффрикату ц, откуда общеславянск. яз. получил с, следовательно, русское с в приведенных примерах не изменение т в самом русском языке (а д в паду должно было измениться в т, как скоро попадало в положение перед глухой согласной суффикса), а отражение процессов более древних.

месте этимологических ч и ц мы находим ц мягкое [1]): ц е н ь, ц р е в о; то же мы находим в части говоров восточной (вологодсковятской) группы, но в котельническом говоре (частью и в других пунктах) на месте обоих звуков является мягкое ч; в других говорах этой группы на месте ц и ч слышится звук средний между ними (шепелеватый), который наблюдатели этих говоров передают написаниями цч или чц; наконец, здесь есть говоры, не смешивающие этих звуков; в говорах владимиро-поволжских есть говоры, не смешивающие этих звуков (напр., в бо́льшей части Владимирской губернии), есть говоры, их смешивающие, и, наконец, говоры, имеющие один звук: ц твердое или мягкий, средний между ц и ч. Говоры новгородские в значительной части теперь не цокают, меньшинство их, однако, знает одно только ц твердое. Понимать это явление надо таким образом: звуки ц и ч в севернорусском произношении совпали в одном среднем между ними звуке, откуда вновь могли развиваться ц и ч, но уже по новым условиям, без отношения к старому этимологическому распределению, частью этот звук переходил вообще в ц или ч. Рассматриваемое явление можно проследить по письменным памятникам, начиная с XI в., а наличность цоканья—одна из характернейших примет, позволяющих определить место происхождения данной рукописи. Ср. в новгородских Минеях XI в.: т р о и ч ю, ц р е в о, о т ч ь ю, р е ц е, р о у ц ь к а и т. д. Находится оно в памятниках собственно новгородских, видим мы его и на Сев. Двине в XIV—XV в., в Вологде и Суздальской земле. Знают его даже смоленские и полоцкие акты, и это служит одним из указаний на диалектический состав современной белорусской территории, знающей цоканье и чоканье в северо-восточной части (в северной части Витебской и Смоленской губернии, а также в Ржевском уезде Тверской губернии). Как мы уже говорили раньше, здесь некогда жили севернорусы (ср. стр. 24). Говоры, переходные между белорусским и северновеликорусским, в значительной части имеют одно ц твердое или звук средний между ц и ч, тоже твердый; в части говоров ц и ч различаются правильно, частью смешиваются и частью переходят в ч твердое.

---

[1]) В говоре мужчин отмечено частью и ц твердое, а также совпадение ц и ч в одном звуке ч. Также и в вологодско-вятской группе отмечено, что диалектически у мужчин ч, а у женщин ц мягкое или звук средний между ч и ц.

В переходных великорусских говорах этимологические ц и ч различаются правильно в западной части Московской губернии, в переходных говорах Новгородской губернии, кое-где в Псковской и Поволожье; в других говорах является твердое или мягкое ц или звук средний между ц и ч на месте обоих звуков, или эти звуки смешиваются; те говоры, которые не цокают, обычно произносят ц твердо, а ч в одних из таких говоров мягко, в других твердо; известно и шепелеватое произношение ч как чⁱ.

Литературному языку цоканье чуждо, но такое слово, как ц а п л я, вм. ч а п л я (сравн. южно-велик. ч а п л я) является заимствованием из цокающего говора. Ср. фамилию Ч а п л и н при Ц а п л и н.

2. Во многих северновеликорусских говорах мы находим вместо твердого л неслоговое у; является этот переход только там, где л заканчивает слог, ср. поморские х о д и л, с т р е л к а, олонецкие х о д и ў, с т р е ў к а, вологодское б ы ў [1]) и т. д. Северновеликорусское, напр., б о л ш о й в говорах, имеющих у неслоговое, легко объясняется: случаи этого рода имеют новое твердое л из старого л мягкого. Именно, в некоторых северновеликорусских говорах мы находим л твердое вм. л мягкого перед отвердевшей согласной, особенно перед н, ср. кадниковское б о л н о й, никольское с и л н о й и т. д. Что касается южновеликорусских говоров, то мы находим ў из л в Воронежской губ., где оно может объясняться малорусским влиянием. В Спасском уезде Рязанской губ. Е. Ф. Будде отметил три слова: ф е р ш а ў, х о д и ў, п о с е я ў. В виду этого обстоятельства вопрос об этом явлении в южновеликорусской области остается открытым.

В малорусском и белорусском языках мы тоже находим переход л твердого в ў, но здесь это явление совершилось независимо от великорусского его эквивалента; оно ограничено диалектически в сущности формами прошедшего времени (старого причастия) на лъ и старыми сочетаниями ъл и лъ внутри слов; ср. малорусские: п о ў н и й, в о ў к, д а ў, х о д и ў, п р о с и ў; белорусские: п о ў н ы, в а ў к и, т о ў с т ы, б ы ў, ў з я ў; в других малорусских говорах оно захватило л твердое и в другом положении.

---

[1]) В говорах вологодско-вятской группы эта черта известна за исключением говоров Ярославской, Костромской и Вятской губерний (кроме Слободского уезда). В владимирско-волжской группе л сохраняется.

Данные памятников не старше XV в. (грамоты западнорусские: Витовда, жив=жил и т. д.).

Физиологически переход л твердого в ў легко объясняется, так как при образовании этого согласного звука язык несколько выгибается вверх в задней части своей спинки, т.-е. наблюдается положение языка, характерное в этой части для гласной заднего ряда.

Кроме указанного явления, надо отметить замену л твердого средним европейским l (французского, немецкого типа) в северно-великорусских говорах, в индивидуальном, особенно в женском произношении. В орловских и тульских говорах отмечена такая же замена, но пока не собран еще достаточный материал для суждения о характере этого явления. В малорусских говорах (восточно украинских, гуцульских, северномалорусских (частью) и части карпатскоугорских) тоже является замена л через l, по-нятно, вследствие того, что малорусский язык во многих случаях получил среднее l вм. л мягкого перед старыми мягкими гласными.

3. Взрывный звук г, существующий в литературном и северно-великорусском произношении (в олонецких говорах отмечено и фрикативное ґ между гласными), заменен в южновеликорусском, белорусском и малорусском фрикативным звуком ґ, существующим и в некоторых немногих словах в литературном яз. (Бога и т. п.), где он—след церковного южного произношения, а также в тогда, когда, ср. переход к в х перед т (см. выше). Звук ґ в малорусском переходит в звонкое придыхание и в говорах исчезает (через ступень глухого придыхания): 1) в конце слов напр., на нічлі, на нічліh, на нічліг; 2) в средине сло между двумя гласными: дороа и т. п. В малорусской орфогра фии применяется буква г для обозначения фрикативного звука а взрывное г там, где существует (в заимствованиях и из перед звонкой согласной), обозначается частью буквою ґ с чер точкою, направленною вверх от конца горизонтальной черть частью сохраняется этимологическое к (пік би=пёк бы звучи как пігби с взрывным г). В белорусском г звучит обыкновенн уже как глухое придыхание; звонкий характер этого звук сохраняется лишь перед звонкими шумными и сонорным Взрывное г существует в словах, заимствованных из польског гузик (пуговица).

Особо стоит звук ґ в род. ед. прилагательных и местоим ний, который мы находим здесь и в некоторых северновеликору

ских говорах, в некоторых олонецких говорах отмечено такое произношение при г взрывном в других говорах. Звук в в этом окончании мы находим во многих северновеликорусских, в переходных и в южновеликорусских говорах; в других южновеликорусских говорах мы находим—ого. Наконец, есть говоры (Тульской губ.), где вместо в слышится ў, т.-е. у неслоговое (к а у б) и далее с полным отсутствием согласной: к а б. Литературный язык, как и московский говор, имеет здесь в. Общерусский язык получил в этом окончании из общеславянского языка звук г, и отдельные диалектические явления представляют продукты изменения этого общеславянского и общерусского звука. Это старое г, очевидно, до появления нового г из г в диалектах общерусского языка переходило в придыхание и исчезало, а затем между гласными вновь развивалось ў, в.

4. Звуку в (или образовавшемуся из него ф перед глухими и в конце слов) литературного произношения в великорусской области соответствует в ряде говоров и на севере, и на юге перед согласными и в конце слов неслоговое ў: п р а ў д а, р о ў н о, ў с ё, у г о р о д и, м у ж и к о ў и т. д. Находим его перед и между гласными: к ў а с у (Московский уезд), б р о ў и (Одоевский уезд). В начале слова является у слоговое: ср. у н у к, у п о л е (=в п о л е) и т. п. Область распространения указанного изменения звука в охватывает юго-запад южновеликорусской области, часть вологодско-вятских говоров северновеликорусских (это те же говоры, которые имеют ў из л) и небольшую часть переходных (в Касимовском и Спасском уездах Рязанской губернии, в акающих костромских говорах; в части переходных говоров между северновеликорусскими и белорусскими). В малорусском и белорусском языках мы тоже находим ў вм. в [1]), но в галицких говорах является и в или ф. В начале слова здесь появилось ў; вероятно, получилось это фонетически только после гласной в окончании предшествующего слова. В малорусском письме такое ў пишется как в. Может быть, мы имеем здесь общерусское ў, получившееся в группе в+иррациональная гласная и переходившее затем в отдельных наречиях в в.

5. Звук ф, сам по себе чуждый вообще исконным словам славянской речи и являющийся здесь только в заимствованных

[1]) В белорусском это у обыкновенно редуцированное в начале слова у н у к = в н у к.

словах (кроме, понятно, ф из в в таких случаях, как лафка=лавка, кроф=кров), переходит в северновеликорусском наречии местами в х: ср. х корабли=в корабле, верёхка, дехка, крох (=кров)—последние примеры показывают, что изменение касается не только старого ф, но и ф из в. Замечу, что параллельно с этим в северновеликорусском мы имеем из в звук ґ: ґ воду=в воду, ґнук=внук и т. п.

Во многих южновеликорусских говорах вм. этимологического ф мы находим хв—хведор, параллельно с этим вместо хв является ф—фост=хвост. Вследствие произношения в как ў во многих говорах нет ф из в.

В малорусском диалектически вм. хв частью мы находим ф—галицкое форост, футор. Более обычен здесь переход ф в хв—хведько, хванько, хвартук.

6. Старое д мягкое во многих говорах северновеликорусской области выпало перед и, а перед е, о частью перешло в j; срав. пои-поди, пойём=пойдем. Выпадение в диалектически известно перед гласной короу, самоар и др.

На всем протяжении русского языка известно далее выпадение j или, может быть, неслогового і между гласными, обыкновенно стягивавшимися или сливавшимися в дифтонг. Точный материал еще не собран. Ср. великор. мово, мого; белор. маго; малор. мого; северновелик. добра, добраа; малор. и белор. добра, добраа на ряду с добрая; ср. далее угорское доброй из доброе и т. п.

7. Шепелявое произношение с и з мягких, известное, как мы видели на стр. 31, из старых псковских текстов, сохраняется местами в псковских говорах и поныне. Кроме того, такое же произношение отмечено во многих других местах (см. ниже). Наконец, должно быть отмечено и аналогичное явление в белорусских говорах, где оно, впрочем, не очень распространено; встречаемся мы с ним в тех говорах, на которые можно предполагать влияние старого псковского говора, но спорадически оно известно и в других местах.

Как уже было указано выше в другой связи (см. стр. 23), А. А. Шахматов в некоторых звуковых чертах северновеликорусских и переходных говоров видит следы польского влияния, которое он открывает и в белорусском языке. Сюда он относит: 1) шепелявое произношение с и з мягких, известное кроме белорусской области в псковском говоре, отмеченное в Лужском

уезде Петроградской губернии, в многих акающих говорах Тверской губернии, частью и в окающих ее говорах, в акающих говорах Клинского и Бронницкого уездов Московской губернии, в Казанском уезде, в Симбирском уезде, в Вятской губернии; в Солигаличском уезде Костромской губернии, в Касимовском уезде Рязанской губернии; 2) дзеканье, распространенное не сплошною, но широкою полосою от Псковской губернии по верхней Волге и Оке (до Казанской и Нижегородской губ. включительно); **ц** и **дз** мягкие произносятся при этом в говорах частью шепеляво; 3) шепелявость звука **ц** (бывшего мягким звуком), сблизившую его с **ч**, так что они совпали; 4) замену звука **ч** звуком **ц** (впрочем, может быть, это явление и не следует отделять от явления предшествующего пункта, хотя А. А. Шахматов, по крайней мере в 1911 г. склонен был их скорее разделить); 5) переход **ш** и **ж** в **с** и **з**, известный в Лужском уезде, Псковском уезде, Юрьевском уезде Владимирской губернии, и нек. др.; 6) отвердение **р**, известное в белорусской, частью и в малорусской области, а польское rz из r мягкого А. А. Шахматов понимает, как результат изменения этого последнего в r твердое + j; 7) старые псковские формы типа **вегли** (см. стр. 140). Еще указывается шепелявость **ц** и **дз** мягких из **т** и **д** мягких, аналогичная польскому произношению, на которое дают указания наблюдатели дзеканья в некоторых великорусских говорах, и которое существовало по мнению А. А. Шахматова и в белорусском языке (главный аргумент смешение **т** мягкого и **ч** в Супрасльском сборнике 1519 г.). Однако, этот пункт неотделим вообще от пункта 2. Общий вывод тот, что ляшские племена некогда занимали верхнее Поднепровье и тянулись до устья реки Оки, так что русским славянам, сидевшим дальше на юг, пришлось пробиваться через этих ляшских выходцев в своем движении на север по великому водному пути. В результате эти последние растворялись в восточнославянской массе, оставив после себя следы в языке. Однако некоторые сомнения в возможности приписывать польскому влиянию, напр., дзеканье, были высказаны уже на стр. 23. Дзеканье в белорусском по памятникам нельзя проследить дальше XVI в., но Шахматов думает, что эта черта древняя—и в памятниках отразилась так поздно по той причине, что городское население (южнорусское) не так скоро восприняло эту особенность деревенского говора, ляшского по происхождению, а затем влияла и консервативность письма. Не входя в де-

тали, замечу, что помимо этого дело идет о таких фонетических чертах, которые легко развиваются независимо друг от друга в различных языках; сохранение же частью восточнославянских говоров общеславянских дл, тл не должно нас удивлять: диалектическое дробление любого языка представляет весьма сложную картину; вспомним, напр., что в среде славянских языков чешско-словацкий язык по отношению к судьбе старых групп tort, tert и т. д. примыкает не к ближайшим своим родственникам, языкам западнославянским, а к языкам южнославянским (ср. стр. 90). Статья А. А. Шахматова „Древние ляшские поселения в России“ помещена в журнале „Славянство“ за 1911 г., № 4—6; журнал этот издавался в Петрограде. См. далее его „Очерк древнейшего периода истории русского языка“.

Д. К. Зеленин в своем исследовании „Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных“ связывает шепелявость, цоканье и чоканье по Оке и Волге с насильственным поселением белорусских и польских полоняников в XVII в., частью с добровольным переселением из-за рубежа, см. стр. 492 сл. И эта теория, по моему мнению, не разрешает всех затруднений.

13. Явления начала и конца слова.

1. В южнорусскую эпоху, повидимому, развивался придыхательный приступ перед гласными а, о, у, откуда далее в отдельных малорусских и белорусских говорах развивалось в качестве отдельного звука ґ, ј, ў; ср. малорусские: галицкие в о к о, в о р і х; украинские г о д и н, г о ч и, ј о р і х, в о р і х; угро-русские: ў о г е н ь, ў о з е р о; нежинские: н а ю л и ц ї, ю с ї = в с ѣ; белорусские: г а р э х, г а р б у з, в о с т р ы й; перед старым о мы находим в н. в великорусском: в о т ч и н а, в о с е н ь, в о с т р ы й, в о т, а в малорусских и белорусских говорах здесь ґ, ј, ў—ср. галицкое в о с т р и й, украинское г о с т р и й, карпатское ј о с т р и й, белорусское в о с т р ы й, г а в ё с = овес.

В северновеликорусском начальное о в большинстве говоров дало у, если ударение падает через один слог, ср. у д е й л о, реже перед ударением: ў п я т ь; во многих говорах о вообще перешло в у после губных и задненебных перед ударением: б у л ó т о, к у м å р; после прочих согласных это явление редкое.

Начальное и получает и в великорусском, и в малорусском при известных условиях тоже j, ср. малорусские ї с к р а (такое ji передается буквою ї) и гйскра, белорусское г и н ш и м, г и н ш е г о (и н ш и м, и н ш е г о). Известно это явление и в южновеликорусских говорах: j и к р а, j и н а ч е и т. п. Что же касается начального придыхания и далее j и г̊ в таких случаях, как воронежское j а д и н, j а д н о, крапивенское г о л у б я, то нам трудно сказать, насколько это явление распространено. Перед у довольно распространено ў (в)—в у м, ў у т р о и т. п.

Такие формы, как у в е с ь (в южновеликорусских, малорусских и белорусских говорах) вызваны влиянием чередования в живой речи в е с ь и у с е г о (см. стр. 144). Чередование у и в(ф) в предлоге у мы находим в говорах, имеющих ў из в; заметим, что помимо этого в белорусском начальное у перешло в ў, перед ударением в начале слова, ср. ў м е ц ь; переход у въ ў известен и в малорусском, и в некоторых северновеликорусских говорах; в литературном языке мы находим з а в т р а, з а в т р а к; з а в т р е н я у Жуковского, конечно, не поэтическая вольность, а отражение живого народного произношения, ср. з а в т р е н ю в письме Алексея Михайловича.

2. Гласные и, ы, е, о в открытом конце слова без ударения переходили в иррациональные гласные, затем исчезнувшие, б у д ь из б у д и, ср. н е с й; х о д й т ь, ср. н е с т й (малорусское диалектическое х о д и т ь, в белорусском часто без ударения—т и (ц и), т а м, т а к из т а м о; т а к о, малорусск. т у д вместо т у д а, т у т из т у т о, малорусская форма 2-го л. мн. повел. накл. на т ь из т е: и д і т ь и т. д., д о ч ь при диалект. д о ч и. Сохранение в говорах форм с гласными не отпавшими объясняется как нефонетическое явление; при неопред. форме глагола на—т ь были неопред. и на—т и; понятно, что в различных говорах (в белорусских часто) сохранились и формы на—т и без ударения. Далее, напр., т у т о при т у т, объясняется влиянием т у т о с ь и т. п.

В значительной части северновеликорусских говоров гласные о, а в открытом конце слова подверглись более поздней редукции, при чем о перешло в ә, а о, а после мягкой согласной перешли в е. Пример (для а из о примеры преимущественно в род. ед., так как в других случаях было влияние аналогии со стороны других слов с ударяемым о) д о б р о в а, в Костромской, Новгородской, Вятской и др. губ.; петрозаводское б р о с и л с е, беломорское т о л ь к е (из т о л ь к ё), онежское с м е л я е,—т е без

ударения во 2-м л. мн. ч. (фонетическая форма, как мы видели в отделе о судьбе звука е, на—тя без ударения), хва́стаите и т. д.

3. Согласные звонкие в конце слова после отпадения ъ и ь перешли в глухие, в некоторых говорах (северновеликорусском говоре Яранского уезда, а также в северно- и южномалорусском, на западе не всюду: галицкие и гуцульские говоры имеют глухие согласные), звонкие согласные сохранились. Традиционная орфография продолжает писать согласные звонкие там, где они в живой речи звучат как глухие, как скоро ясно это их происхождение; ср. гвоздь—живое гвость, нож—живое нош, мазь—живое мась.

4. В некоторых случаях мы находим в русском языке отвердение конечных согласных, бывших некогда мягкими перед исчезнувшим затем ь. Отвердение надо объяснить здесь, повидимому, тем, что мягкость согласных не находила себе в случаях этого рода поддержки со стороны родственных образований, где мягкая согласная приходилась перед сохранившейся мягкой гласной. Сюда принадлежит окончание—м 1-го л. ед. ч. глаголов дам, ем (есмь—несуществующая в живом языке форма);—м в окончании твор. ед. конем, стогом, где было старое—мь; сюда же относится и—т в 3-м лице глаголов в северновеликорусских говорах (только в 3-м л. мн. ч. в Петрозаводском и Повенецком уезде слышится ть в окончании уть при ат с отвердевшим т), в московском и литературном наречии—при—ть в южновеликорусском наречии в соответствующих формах: берут при южновеликорусск. беруть. Переходные говоры имеют на юге т мягкое, на севере т твердое. Сохранение есть и весть (3-е л. глагола, напр., Бог весть), вероятно, обусловлено мягкостью предшествующего с. С другой стороны, ср. кость, путь, где мягкость сохранилась под влиянием косвенных падежей. В малорусских говорах (в части северных и северо-западных украинских, галицких и гуцульских)—т в окончании 3-го л. твердое, мягко оно в восточноукраинских говорах и в части северномалорусских и карпатско-русских говоров. Губные, сохранившиеся мягкими, отвердели в части великорусских говоров и в малорусском: любов, сем; в московском наречии губные здесь мягки. В белорусском конечные губные отвердели, а т мягкое в 3-м л. глаголов дало по общему закону ц мягкое.

Все конечные согласные отвердели в некоторых угро-русских и галицких говорах: ден, пят и т. д.

14. Ударение.

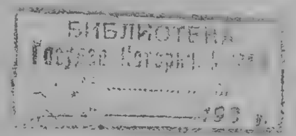
Ударение в общеславянском яз. было подвижным и имело некогда музыкальный элемент в известном его сочетании с экспираторным. Смешанный характер ударения мы до сих пор находим в сербском яз., хотя, понятно, нельзя отожествлять его вполне с общеславянским яз. в этом отношении. Русский язык, сохранив вообще подвижность ударения (в говоре лемков и наиболее западных угорских говорах ударение падает вообще на предпоследний слог, как в польском языке), имеет теперь только экспираторное ударение, при чем в литературном языке в сложных словах на первой половине лежит второстепенное ударение: язы́кове̂дение. Довольно много слов в речи не имеет самостоятельного ударения, это так называемые энклитики (предлоги, частицы); на местоимениях, если на них не падает логического ударения, т.-е., главным образом, в том их употреблении, когда они стоят при глаголе для обозначения лица, лежит лишь весьма слабое ударение, ср. я говорю, он пришел в составе обычного повествовательного предложения и: я говорю? он пришел? с сильным ударением на местоимении.

Отношение неударяемых и ударяемых слогов по силе в литературном языке выражается цифрами 1—2—3—1—1, т.-е. наиболее сильный слог под ударением (3), слог, ему предшествующий, слабее его, но сильнее всех прочих (слог перед ударением 2, все прочие 1). В малорусском произношении отношение иное: слог перед ударением довольно слаб, но слог, ему предшествующий, получает некоторое усиление и второстепенное ударение; слабое второстепенное ударение падает и на конечный слог, который к тому же, если не оканчивается на согласную, несколько протягивается.

Музыкальный элемент в общеславянском ударении был некогда в одних случаях восходящим, в других случаях нисходящим в связи с старым (дославянским) еще различием в самой долготе, если дело касалось долгого слога. Русский язык вообще не сохранил указаний на эти общеславянские различия [1]), однако,

[1]) Само место ударения в русских полногласных сочетаниях указывает, однако, на старое различие в музыкальном ударении, см. стр. 91. Ср. далее различие между на́ воду и на го́лю: в первом случае ударение было нисходящее, во втором (где нет переноса на предлог)—восходящее.

в говорах, повидимому, есть следы старых отношений помимо тех, которые указаны в примечании. Сами случаи еще недостаточно исследованы, да и материал пока слишком скуден. Укажу, что за последнее время обращено внимание на любопытный факт: в великорусских говорах на месте о долгого (удлинившегося в закрытом слоге, см. стр. 87) мы находим особый звук, отличный от обычного о открытого, ср. сообщения О. Броха о тотемском говоре (в Сборн. Отд. р. яз. и сл., т. 83), сообщение А. А. Шахматова о лекинском говоре Егорьевского уезда (Изв. Отд. р. яз. и сл., т. XVIII, кн. 4), где этот звук есть нечто среднее между о и у, переходящее в известных (редких) случаях в у͡о. Аналогичный переход о в о закрытое или уо отмечен и в ряде других говоров. Разбор примеров убеждает нас, что этот звук, являющийся частью закрытым о с напряжением языка (тотемский говор), частью сильно лабиализованным о (лекинский говор) и переходящий в у͡о, мы находим вообще на месте удлинившегося о только под старым ударением с восходящим музыкальным элементом, ср. лекинские с т о л, д в о р, где было старое восходящее ударение, с другой стороны, пуоп; находим его и в открытых слогах и в конце слова под старым восходящим ударением, ср. лекинские в о л я, к о ж а, тотемское в о л я, ср. далее и случаи с полногласием: тотемское в о р о н а (второе о), лекинское в а р о т ы с упомянутым характерным гласным, а в этих словах ударение было восходящее, тотемское сёлу͡о. Определение условий, при которых старое ударение носило восходящий характер, принадлежит к числу очень сложных проблем сравнительной грамматики славянских языков и вообще индоевропейских языков, а потому в пределах курса истории русского языка я этого вопроса не разбираю.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

